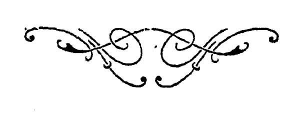
Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 г.г.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второго выпуска „Воспоминаній И. И. Янжула“.

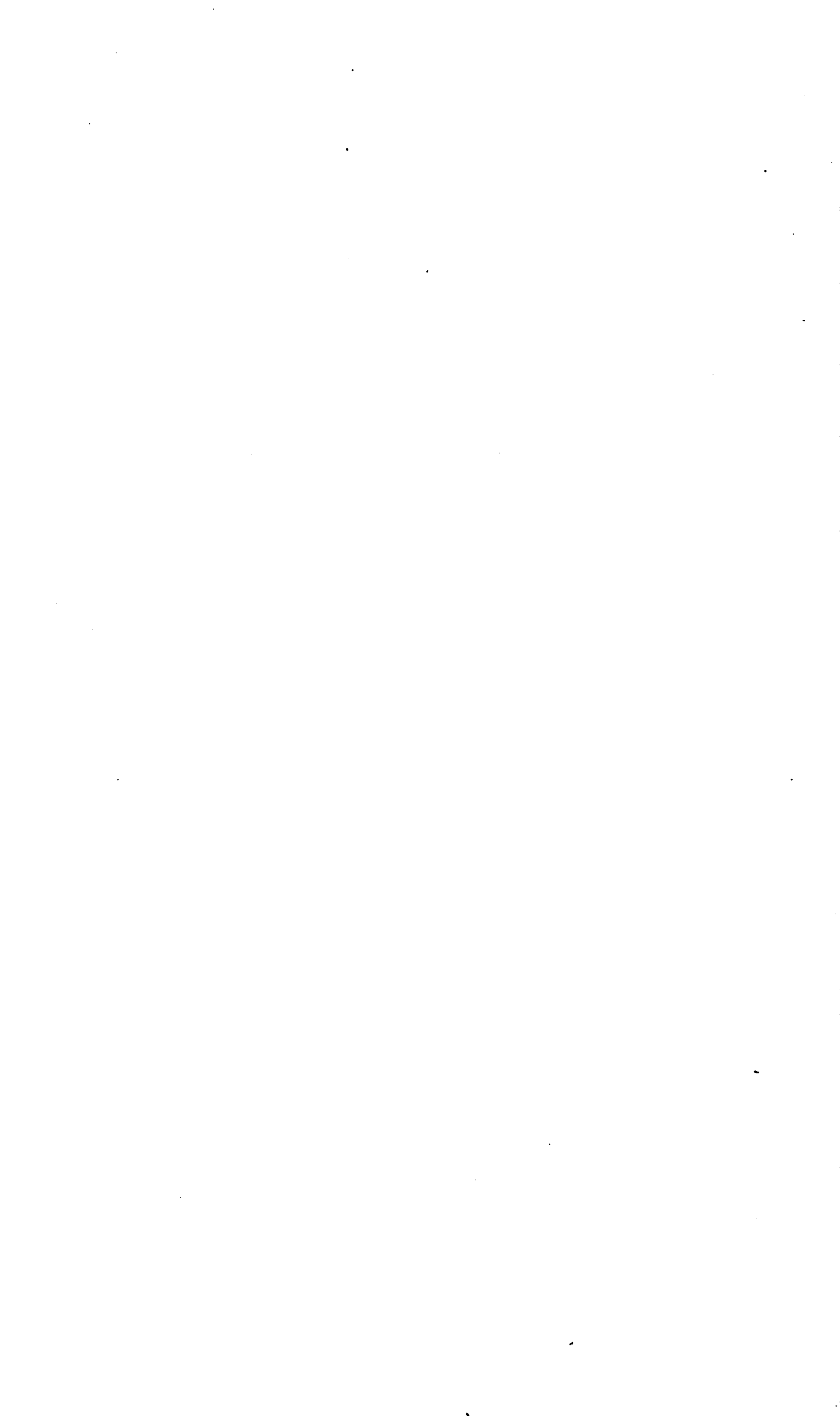
ГЛАВА VI.

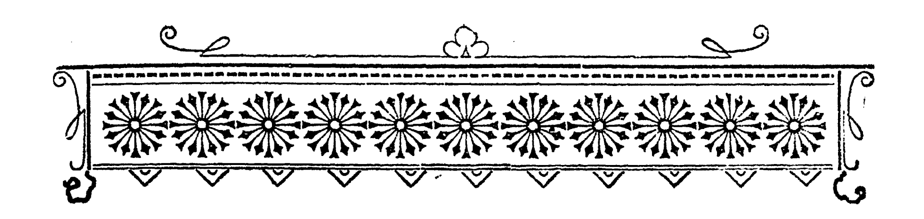
ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА VI [1]).

Мои встрѣчи и знакомства съ нашими извѣстными писателями. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Три встрѣчи съ нимъ и бесѣда въ Парижѣ объ относительномъ достоинствѣ русскихъ и французскихъ женщинъ.—Примѣры нашей некультурности.—Левъ Николаевичъ гр. Толстой.—Первое съ нимъ знакомство и мои впечатлѣнія сравнительно съ Тургеневымъ.—Его относительная оригинальность и рѣзкость.—Порученіе Льва Николаевича въ Америку.—„Царство Божіе внутри насъ" и г-жа Варвара Гэпгудъ (Hapgood).—Г-жа Делано и развязка порученія.—Статья Кеннана въ журналѣ „Century" о его посѣщеніи „Ясной Поляны" по просьбѣ политическихъ ссыльныхъ.—Душевная доброта и сердечное отношеніе Льва Николаевича къ знакомымъ въ годину несчастья.—Встрѣчи съ другими русскими писателями: М. Е. Салтыковъ, Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, Ѳ. М. Достоевскій, П. А. Гайдебуровъ, Я. П. Полонскій и др.—Отрицательный типъ русской журналистики: Евгеній Львовъ-Кочетовъ.

Къ тѣмъ же семидесятымъ-восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка, которымъ посвящены предшествующія главы моихъ воспоминаній, относится и время знакомства моего съ большинствомъ нашихъ писателей, указанныхъ выше въ оглавленіи. Съ И. С. Тургеневымъ, напримѣръ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться именно въ семидесятыхъ годахъ, во время его пріѣзда въ Москву, еще до Пушкинскихъ празднествъ; Льва же Николаевича и прочихъ литераторовъ, кромѣ москвичей, я узналъ лично нѣсколько лѣтъ позднѣе, во время моихъ многочисленныхъ наѣздовъ въ С.-Петербургъ.

---

[1]) До настоящей главы въ изложеніи моихъ „Воспоминаній" я слѣдовалъ исключительно хронологическому порядку, передавая, годъ за годомъ, важнѣйшіе факты изъ моей жизни, какъ они сохранились въ памяти; но съ приближеніемъ къ настоящему времени, къ сожалѣнію, память начинаетъ мнѣ болѣе и болѣе измѣнять, а потому съ настоящей главы шестой—я рѣшилъ измѣнить этотъ порядокъ изложенія и передавать „Воспоминанія" уже по однороднымъ вопросамъ, группируя ихъ вмѣстѣ.

Съ Иваномъ Сергѣевичемъ по странной игрѣ судьбы я встрѣчался въ трехъ различныхъ пунктахъ Европы: въ Москвѣ, Лондонѣ и Парижѣ, въ Петербургѣ лишь провожалъ его прахъ до Волкова кладбища.

Въ Москвѣ, если не ошибаюсь, меня представилъ Ивану Сергѣевичу мой другъ М. М. Ковалевскій, кажется, въ квартирѣ г. Управляющаго Государственными Имуществами или Удѣловъ Маслова, въ которой Иванъ Сергѣевичъ останавливался тогда. Затѣмъ онъ былъ нѣсколько разъ въ нашемъ домѣ (у Харитонія въ Огородникахъ д. Миллера), обѣдалъ у Максима Максимовича и провелъ одинъ вечеръ у меня. Безполезно говорить, что онъ сразу завоевалъ наши симпатіи своимъ умомъ, живой и увлекательной рѣчью и необыкновенно мягкимъ характеромъ своей бесѣды: онъ никого не затрогивалъ, ни надъ кѣмъ не смѣялся, держалъ себя съ нами, молодыми профессорами, какъ добрый папаша или дѣдушка съ дѣтьми. На обѣдѣ у Ковалевскаго было много говорено, напримѣръ, рѣчей, но къ сожалѣнію у меня ничего не врѣзалось въ памяти. Конечно, старались говорить лишь пріятное нашему дорогому гостю: такъ П. Д. Боборыкинъ говорилъ, помнится, по его выраженію какъ „рядовой отъ литературы передъ генераломъ отъ литературы“, желая выразить въ деликатной формѣ наши чувства уваженія къ почетному писателю.

Въ антрактахъ между рѣчами, или когда была свобода отъ нихъ, обыкновенно Иванъ Сергѣевичъ притягивался къ разговору, и его заставляли что-нибудь разсказывать, при чемъ мнѣ припоминаются лишь два главные пункта его разсказовъ—описаніе происхожденія типа Базарова, котораго онъ списалъ, въ главныхъ чертахъ, съ какого-то доктора, ѣхавшаго съ нимъ по Николаевской дорогѣ (почему-то, добавилъ онъ, по Новгородской губерніи) и меня поразило его объясненіе, что онъ искренно полюбилъ и привязался къ Базарову послѣ его изображенія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы Тургеневъ списывалъ какой-либо типъ, а въ томъ числѣ и Базарова, съ натуры цѣликомъ, какъ это дѣлаютъ неопытные и малоталантливые писатели... Нѣтъ, Тургеневъ, встрѣчая въ жизни нѣсколько схожихъ типовъ, такъ сказать, обобщалъ, создавалъ новое лицо, и этотъ вновь созданный типъ, объяснялъ Иванъ Сергѣевичъ, не давалъ ему покоя, стоялъ передъ его глазами... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не занесъ новый типъ на бумагу, написалъ произведеніе...

Во-вторыхъ, я помню, какъ трогательно Иванъ Сергѣевичъ объяснялъ у меня на вечерѣ передъ обществомъ дамъ, на этотъ разъ преобладавшихъ (и изъ нихъ главнымъ образомъ дѣвицъ), что онъ

къ сожалѣнію не свилъ себѣ гнѣзда у себя на родинѣ... Тамъ же Иванъ Сергѣевичъ заинтересовался личностью одной молоденькой дѣвушки, тогда еще гимназисткой П., и предсказалъ въ разговорѣ съ моей женой, что изъ нея должно выйти что-нибудь выдающееся. Предсказаніе это отчасти и оправдалось: изъ нея вышла не только хорошая мать семейства, но и очень изрядная художница-жанристка, къ сожалѣнію, мало пишущая.

Осенью 1880 года, когда мы съ женой находились въ Лондонѣ, въ одно прекрасное утро, довольно рано, не позднѣе 11 часовъ,—почему-то мы еще находились дома и не ушли въ Музей—прибѣжала горничная предупредить, что къ намъ снизу идетъ какой-то Russian gentleman—огромный. Скоро послышались шаги, и я увидалъ сверху по узенькой лѣстницѣ поднимающуюся къ намъ крупную фигуру Ивана Сергѣевича: онъ не безъ труда добрался до нашей маленькой комнаты и вывелъ насъ изъ смущенія своимъ добрымъ привѣтствіемъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ въ Англію изъ Парижа всего лишь на нѣсколько дней поохотиться въ имѣніи одного своего англійскаго пріятеля и, узнавши нашъ адресъ у Ковалевскаго, еще въ Парижѣ, пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы насъ видѣть. Онъ просидѣлъ у насъ съ полчаса, много разсказывая интереснаго, кажется, о Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ коемъ участвовалъ, и о многомъ другомъ, говорилъ о болѣзни Ковалевскаго, котораго мы тогда поджидали въ Лондонъ. Мнѣ припоминается два факта изъ тогдашнихъ его разсказовъ: какъ на Пушкинскомъ праздникѣ къ нему обратился вдругъ, заискивая расположеніе, Катковъ, и онъ вынужденъ былъ отвернуться отъ этой назойливости. Затѣмъ въ этотъ же разъ, кажется, Иванъ Сергѣевичъ передалъ намъ случай изъ знакомства съ извѣстнымъ англійскимъ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ—Ashton Dilke. Изъ этого разсказа Ивана Сергѣевича припоминается мнѣ слѣдующій случай, доказывающій необыкновенную энергію и настойчивость британскаго характера.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ", разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „когда я пріѣхалъ въ Англію, въ Оксфордъ и провелъ тамъ нѣсколько времени, мнѣ удалось посѣтить тамъ студенческое, такъ называемое „діалектическое общество" (Dialectical Society), гдѣ студенты упражняются въ краснорѣчіи на разныя трудныя темы, причемъ одинъ студентъ разсматриваетъ вопросъ обыкновенно съ одной точки зрѣнія, а другой—съ противоположной. Вѣроятно, ради моего посѣщенія была назначена какая-то русская тема: кажется, сближеніе Россіи съ Европой во время Петра; одинъ студентъ говорилъ за это сближеніе, другой противъ него. Послѣдній студентъ говорилъ

чрезвычайно остроумно въ пользу своего очень труднаго положенія, и я попросилъ, чтобы меня съ нимъ познакомили и имѣлъ коротенькую съ нимъ бесѣду"... „Представьте себѣ мое удивленіе", закончилъ Иванъ Сергѣевичъ, „въ нынѣшнемъ году недавно прислуга передаетъ мнѣ русскую визитную карточку: „Антонъ Антоновичъ Дилькъ". Я, конечно, принялъ его: оказалось, это тотъ самый студентъ Ashton Dilke, который, окончивши Оксфордскій университетъ, выучился очень изрядно по-русски, чуть ли не побывалъ въ Россіи и захотѣлъ навѣстить меня, очень интересуясь всѣмъ русскимъ... и здѣсь я опять съ нимъ встрѣтился, почему и заговорилъ о немъ"...

Наиболѣе всего, т. е. чаще всего я видѣлъ, однако, Ивана Сергѣевича на Рождествѣ 1880—81 года, когда вслѣдствіе давняго настойчиваго приглашенія М. М. Ковалевскаго пріѣхалъ къ нему въ Парижъ, вмѣстѣ съ женой, на двѣ недѣли погостить, повеселиться и посмотрѣть городъ, мало намъ знакомый. Безполезно говорить, что въ лицѣ М. М. мы нашли радушнаго хозяина, который старался всячески развлекать насъ и забыть, что такое скука, смѣняя одно развлеченіе другимъ и таская насъ по всѣмъ увеселеніямъ, какія давало спеціальное оживленное время Noël. Парижъ представилъ намъ полную противоположность серьезному и семейственному, хотя, можетъ быть, нѣсколько чопорному Лондону. Въ письмѣ моемъ къ родственникамъ въ Россію 1 января 1881 года я заключаю Парижскія впечатлѣнія мои слѣдующимъ рѣзкимъ сужденіемъ: „Общій мой выводъ," пишу я, „это, что Парижъ—городъ мотовства и кутежей par excellence; даже Ковалевскій сознается, что Парижъ во всякомъ безпутствѣ усовершенствовался со времени республики—такъ что руками разведешь! Въ театрѣ, прессѣ и самой политикѣ—все кокотки, да кокотки: французы, серьезно говоря, перестаютъ вѣрить въ существованіе честныхъ женщинъ!!!"

Само собой понятно, что при такихъ поспѣшныхъ выводахъ и обобщеніяхъ я долженъ былъ часто спорить съ поклонниками Парижа и всего Парижскаго—прежде всего съ моимъ другомъ М. М. Ковалевскимъ, и чаще всего наши споры вращались около вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ, по понятнымъ причинамъ, французскихъ и русскихъ женщинъ; за первыхъ горой стоялъ М. М., за вторыхъ я. Каждый изъ насъ приписывалъ своей странѣ наибольшее количество добродѣтелей. На удивленье всѣхъ пѣшеходовъ и проѣзжихъ, помню я, мы съ Ковалевскимъ прогуливались цѣлые часы по Булонскому лѣсу, привлекая общее вниманіе громкими разговорами и маханьемъ рукъ по поводу добродѣтелей и недостатковъ женской половины двухъ великихъ націй. Наконецъ, когда наши аргументы истощились, а мы съ мѣста въ убѣжденіяхъ не сдвину-

лись и каждый стоялъ на защитѣ своихъ дамъ, то почти одновременно намъ пришла мысль обратиться къ посредничеству какъ третейскаго суда, Ивана Сергѣевича Тургенева. Сказано—сдѣлано и мы чуть не стремглавъ пѣшкомъ въ чудное, помню я, солнечное зимнее утро побѣжали, привлекая общее вниманіе своими крупными фигурами и смѣхомъ, въ квартиру Тургенева. При этомъ было заключено пари на двѣ бутылки шампанскаго.

Необходимо сдѣлать однако одну оговорку: вышеозначенный споръ и рѣшеніе произошло уже въ концѣ нашего пребыванія въ Парижѣ; я же былъ у Тургенева тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ и былъ принятъ чрезвычайно радушно и сердечно. Иванъ Сергѣевичъ немедленно рѣшилъ, что я долженъ у него обѣдать съ Ковалевскимъ и все разспрашивалъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, желая узнать, кого бы еще пригласить къ обѣду, чтобы мнѣ было пріятно. Какъ вдругъ на другой день Ковалевскій получилъ маленькую записочку отъ Ивана Сергѣевича, что онъ въ ночь заболѣлъ опять своей старой болѣзнью спины и ногъ, очень мучается и лежитъ вплотную въ постели, такъ что обѣдъ приходится отмѣнить, а если можно, чтобы мы посѣтили его на одрѣ болѣзни, запросто на короткое время. Разумѣется, мы были у него немедленно и нашли въ постели очень удрученнымъ; это была та самая болѣзнь, которая свела его черезъ непродолжительное время въ могилу: онъ лежалъ въ постели, не двигая корпусомъ, и малѣйшая попытка помочь ему приподняться сопровождалась страшнѣйшими болями и стономъ, при чемъ М. М., несмотря на меньшую силу, производилъ эти манипуляціи—поправлять подушки и поднимать больного гораздо болѣе ловко, нежели я. Мы просидѣли первый разъ у больного всего лишь четверть часа, потомъ повторили наше посѣщеніе еще раза два, такъ что нашъ внезапный визитъ съ просьбой посредничества по вопросу о женщинахъ былъ счетомъ четвертымъ моимъ посѣщеніемъ Тургенева въ этотъ разъ въ Парижѣ. Иванъ Сергѣевичъ былъ уже нѣсколько бодрѣе и выглядывалъ веселѣе, но когда мы, спорщики, къ нему появились, онъ все еще былъ въ постели и только потомъ, при нашей совмѣстной помощи, приподнимался и сидѣлъ на постели, или въ креслѣ, обложенный подушками, выслушивая насъ и отвѣчая намъ.

По соглашенію съ М. М. я первый обратился къ Ивану Сергѣевичу съ маленькимъ вступленіемъ и объясненіемъ по поводу нашей спеціальной цѣли посѣщенія. Я сначала разсказалъ въ сжатомъ видѣ предметъ нашего разговора и въ концѣ привелъ аргументы въ пользу и противъ женщинъ каждой изъ двухъ націй. Затѣмъ, обращаясь къ Ивану Сергѣевичу, я сказалъ ему, что такъ

какъ мы съ моимъ другомъ находимся передъ лицомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ женской души и авторомъ такихъ чудныхъ женскихъ типовъ, какъ Лиза въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ", Ася и многія другія, то я убѣжденъ, что найду въ немъ искреннюю поддержку относительно достоинствъ русской женщины, и что онъ подастъ непремѣнно голосъ за меня, а не за Ковалевскаго съ его француженками... Добавлю къ этому сообщенію ручательство за точность моей памяти въ этомъ случаѣ, такъ какъ мнѣ слово въ слово припоминается все то, что говорилъ по этому поводу Тургеневъ, тогда какъ М. М., котораго я недавно объ этомъ спрашивалъ, половину бесѣды съ Тургеневымъ, повидимому, забылъ.

Иванъ Сергѣевичъ, какъ я себѣ ясно представляю его физіономію, добродушно улыбаясь, нѣсколько минутъ какъ будто колебался отвѣтомъ, а затѣмъ своимъ тихимъ, ровнымъ голоскомъ сказалъ слѣдующее: „Конечно", началъ онъ, „я нѣсколько знакомъ съ этимъ вопросомъ и постараюсь отвѣтить вамъ вполнѣ безпристрастно. Нѣтъ сомнѣнія, что француженки настоящаго времени имѣютъ за собой значительные недостатки: изъ нихъ самый главный, это клерикализмъ—значительное вліяніе на нихъ поповъ, что отражается очень вредно. Но зато въ другихъ отношеніяхъ француженки обладаютъ большими достоинствами, отчасти, быть можетъ, привитыми культурой. Француженка, которая любитъ, вѣрна своему слову и на нее можно вполнѣ полагаться"... „Съ другой стороны", перешелъ онъ, „русскія женщины—кто же въ этомъ усумнится, несомнѣнно имѣютъ превосходныя качества: ни одна женщина въ мірѣ не можетъ быть способна на такое самопожертвованіе, на такую готовность отдать любимому человѣку все, что имѣетъ и чуть ли не больше того"... „Но въ то же время я долженъ сознаться, что нельзя поручиться за самую лучшую русскую женщину, что она въ важную, серьезную минуту своей жизни неожиданно для всѣхъ вдругъ пер... (здѣсь Тургеневъ употребилъ одно неприличное сравненіе, желая, очевидно, имъ выразить нелѣпый, легкомысленный въ моральномъ отношеніи поступокъ). „Это очень печально", сказалъ онъ, „но къ сожалѣнію правда. Въ то же время француженка, которая любитъ, никогда подобной неожиданностью не наградитъ, и на нее можно твердо разсчитывать"....

„Такъ изрекъ нашъ почтенный судья по поводу предмета нашего спора съ М. М., который, конечно, торжествовалъ, утверждая, что онъ именно такого рѣшенія и ожидалъ отъ Ивана Сергѣевича—этого наилучшаго, тѣмъ не менѣе, творца многихъ симпатичнѣйшихъ русскихъ типовъ женщины.

Насколько я понялъ Ивана Сергѣевича, его рѣшеніе относи-

тельно превосходства французской женщины вмѣстѣ съ признаніемъ многихъ достоинствъ русской вызывалось, главнымъ образомъ, если не исключительно, признаніемъ нашей общей малокультурности. „Общая культура страны“, говорилъ Тургеневъ, „отражается непремѣнно въ столь важныхъ вопросахъ, какъ легкомысленные поступки женщинъ (которые, очевидно, имѣлъ въ виду Тургеневъ, какъ въ самыхъ мелочахъ жизни). На нихъ можно видѣть разницу общественнаго просвѣщенія народовъ и взаимнаго уваженія людей и ихъ правъ. Тутъ я припоминаю длинный рядъ всевозможныхъ примѣровъ и иллюстрацій по данному поводу, приведенныхъ почтеннымъ Иваномъ Сергѣевичемъ; къ моему прискорбію я долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что описанные имъ образцы поведенія являются истинными выразителями нашей некультурности. Ограничусь двумя его примѣрами. „Вы говорите, обращаясь къ своему посѣтителю и пріятелю, положимъ, въ моментъ его ухода отъ васъ: вотъ у меня приготовлено письмо, которое необходимо поскорѣе отправить; будьте добры, возьмите его и отпустите въ почтовый ящикъ“... „Замѣчайте“, говоритъ онъ, „какъ въ этомъ случаѣ поступитъ вашъ посѣтитель. Если онъ русскій, то онъ въ большинствѣ случаевъ посмотритъ, кому письмо адресовано, что написано на конвертѣ и затѣмъ спрячетъ письмо съ обѣщаніемъ его опустить въ ящикъ“... „Если вашъ посѣтитель французъ“, добавилъ Иванъ Сергѣевичъ, „то можно положительно сказать, что онъ спрячетъ письмо въ карманъ, не взглянувши, кому оно адресовано...“ Другой примѣръ: „Вы встрѣтили на улицѣ пріятеля съ кѣмъ-то вамъ незнакомымъ. Если вы русскій, то очень часто, хотя бы шепотомъ, спросите, съ кѣмъ онъ идетъ, или шелъ; что же касается француза, то подобное дѣйствіе онъ сочтетъ за неприличіе и никогда его не сдѣлаетъ“.

Въ обоихъ случаяхъ людьми культурными уважается право на интимность извѣстныхъ дѣйствій, тогда какъ малокультурный человѣкъ совсѣмъ этого не понимаетъ и безцеремонно залѣзаетъ иногда своими лапами въ чужую область, которой касаться ему не подобаетъ.

Мое знакомство съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ началось въ 1882 году во время статистической переписи г. Москвы. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ захотѣлъ въ ней принять участіе, при чемъ былъ допущенъ въ качествѣ, такъ сказать, добровольца и посѣщалъ преимущественно пріюты городской нищеты, такъ называемые „ночлежные дома“ и „коечныя квартиры“, которымъ онъ и посвятилъ нѣсколько своихъ превосходныхъ очерковъ.

Кромѣ лично самого Льва Николаевича былъ еще участникъ

переписи изъ его семейства, а именно его старшій сынъ Сергѣй Львовичъ, въ то время студентъ-естественникъ Московскаго университета; какъ всѣ лица изъ молодежи, допущенныя до участія въ переписи, Сергѣй Львовичъ былъ записанъ въ такъ называемые „счетчики"—низшій рангъ участниковъ въ цензѣ и совершенно случайно онъ былъ занесенъ въ списокъ Стрѣтенской части Москвы, гдѣ сосредоточены всевозможные вертепы порока и подонки населенія. Это послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ нашему знакомству. Левъ Николаевичъ нашелъ неудобнымъ такую дѣятельность своего сына, въ его юномъ возрастѣ, въ части города, гдѣ онъ могъ видѣть лишь представителей порока и преступленія, поэтому онъ обратился къ кому-то изъ главныхъ распорядителей переписи (вѣроятно къ А. И. Чупрову), съ просьбой перевести своего сына для статистическихъ работъ въ другую, болѣе приличную часть города. Такъ какъ въ это время распредѣленіе „счетчиковъ" уже закончилось, то принятіе новаго вполнѣ зависѣло отъ воли „участковаго", и Льву Николаевичу указали тотчасъ же на меня, завѣдующаго Пречистенской частью, гдѣ проживалъ и самъ Левъ Николаевичъ, при томъ же недалеко отъ моей квартиры (оба жили тогда въ Денежномъ переулкѣ). Я, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился принять такого счетчика и заявилъ ему тотчасъ же, встрѣтившись случайно въ магазинѣ книгопродавца Васильева на Страстномъ бульварѣ; Левъ Николаевичъ нашелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ визитъ, и наше знакомство началось.

Мои посѣщенія Льва Николаевича относятся преимущественно къ нѣсколько болѣе позднему времени, когда онъ уже пріобрѣлъ собственный домъ въ Хамовникахъ и туда переѣхалъ изъ Денежнаго переулка; до переселенія моего на постоянное житье въ Петербургъ въ 1898 году, мы видались съ нимъ, примѣрно, разъ десять каждую зиму, при чемъ Левъ Николаевичъ заходилъ ко мнѣ за англійскими и американскими книгами, и по этому поводу возникали у насъ довольно длинные разговоры, если не споры. Жена моя вскорѣ также познакомилась съ графиней Софіей Андреевной и съ удовольствіемъ ее изрѣдка посѣщала. Ближайшимъ поводомъ къ нашимъ бесѣдамъ были преимущественно книги и книги, которыя всѣ мы одинаково любили и обмѣнивались новостями англо-американской литературы.

Помимо взаимныхъ посѣщеній мы встрѣчались съ Львомъ Николаевичемъ на улицѣ, и наши встрѣчи превращались иногда, такъ какъ мы оба были хорошими ходоками, въ длинныя безконечныя прогулки и проводы другъ друга по московскимъ бульварамъ и улицамъ, при чемъ Левъ Николаевичъ говорилъ и говорилъ, я же

больше слушалъ и поучался, прерывая его изрѣдка своими пытливыми разспросами...

Тихіе и спокойные Смоленскій и Зубовскій бульвары и Дѣвичье Поле нерѣдко превращались, такимъ образомъ, въ своего рода „Древне-греческія Академіи“. Я живо помню, напримѣръ, въ одну изъ прогулокъ, его объясненіе о финалѣ „Анны Карениной“. Онъ разсказалъ о дѣйствительномъ случаѣ, какъ одна барыня на его глазахъ бросилась подъ поѣздъ желѣзной дороги. Я припоминаю, во время прогулокъ на Дѣвичьемъ Полѣ, его интересныя разсужденія о важности полной свободы мысли и изслѣдованій и т. под. „Никогда не бойтесь практическихъ возраженій“, говорилъ онъ, „и особенно господствующихъ кружковъ противъ вашихъ логическихъ построеній, если исходная посылка вѣрна, и выводили правильно, иначе“, добавлялъ Левъ Николаевичъ, „вы никогда не скажете и не создадите ничего оригинальнаго“.

Нашему дальнѣйшему сближенію способствовало, какъ извѣстно, не мало одно случайное событіе, а именно мой рефератъ въ „Обществѣ Естествознанія“ объ островахъ Фиджи, гдѣ я сообщалъ нѣкоторыя данныя о вредномъ вліяніи денежныхъ сборовъ съ первобытныхъ жителей этихъ острововъ на ихъ благосостояніи. Какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ воспользовался данными моего реферата, какъ примѣромъ или иллюстраціей о зловредности денегъ вообще въ своемъ остроумномъ очеркѣ о деньгахъ, гдѣ ссылается на мой рефератъ и дѣлаетъ изъ него выдержки.

Далѣе, Левъ Николаевичъ сдѣлалъ у себя на квартирѣ маленькое засѣданіе изъ нѣсколькихъ лицъ, на которомъ и я присутствовалъ для обсужденія этого вопроса. Левъ Николаевичъ старался доказать, что деньги составляютъ существенное зло для человѣка, и ихъ надо уничтожить, но, какъ у насъ водится, большинство осталось при своихъ старыхъ мнѣніяхъ и всѣ присутствующіе, насколько мнѣ помнится, утверждали, что такое уничтоженіе денегъ, какъ знаковъ обращенія, не измѣнитъ ничего къ лучшему въ гражданскомъ оборотѣ и только затруднитъ его и поведетъ за собой большія неудобства безъ всякой пользы дѣлу и прогрессу человѣчества [1]).

Уже указанные примѣры достаточно даютъ понять, насколько мнѣнія Льва Николаевича отличаются, сравнительно съ мнѣніями Ивана Сергѣевича Тургенева своей оригинальностью и въ то же время рѣзкостью выраженій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ

[1]) См. подробности въ книгѣ „О Толстомъ“. Международный Толстовскій Альманахъ. Составилъ П. Сергѣенко. 1909. „Мое знакомство съ Толстымъ“. Академикъ И. И. Янжулъ. Стран. 409 и пр.

даже сравнивать невозможно. Все, что ни высказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, хотя бы это было совершенно противно вашимъ убѣжденіямъ, какъ, напримѣръ, о сообщенномъ выше фактѣ его мнѣнія о русской женщинѣ съ моимъ, все это говорилось въ такой елейной формѣ, такъ мягко и кротко, что и не приходило въ голову Тургеневу настойчиво возражать и тѣмъ болѣе на него гнѣваться...

Насколько припоминаю, всѣ „вечера съ Тургеневымъ", которые я проводилъ, т. е. въ присутствіи его, въ большомъ обществѣ, отношенія публики, окружавшей великаго писателя, всегда напоминали отношенія учениковъ къ своему уважаемому учителю; всѣ молча, или почти молча прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ къ тому, что говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, вставляя лишь отдѣльныя реплики. Это настроеніе удерживалось въ теченіе всего, напримѣръ, обѣда или вечера, которые приходилось съ нимъ проводить, но едва Иванъ Сергѣевичъ удалится, какъ бы „учитель ушелъ", немедленно поднимался общій говоръ, споръ, совершенно, какъ у дѣтей въ классную перемѣну. Таково было впечатлѣніе мое и вполнѣ согласное съ нимъ моей жены.

Совершенно иначе обстоитъ, по моимъ наблюденіямъ, дѣло при встрѣчахъ въ многолюдномъ обществѣ, напримѣръ, на вечерахъ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Несмотря на всю его рѣзкость (которой я дальше приведу еще примѣры) и на высокую степень уваженія къ нему; онъ почему-то, противно съ Тургеневымъ, совсѣмъ не импонируетъ, такъ сказать, не подавляетъ своимъ авторитетомъ—всѣ держатъ себя какъ обыкновенно, какъ будто Толстой и не присутствуетъ, между тѣмъ его мнѣнія именно и поражаютъ своей замѣчательной оригинальностью и поддаются объясненію, лишь послѣ долгаго размышленія и продолжительнаго знакомства съ его взглядами.

Приведу одинъ весьма наглядный примѣръ для подтвержденія своей мысли: мнѣ, однажды, пришлось посѣтить великаго писателя въ его гнѣздѣ, въ Ясной Полянѣ, и гуляя въ прекрасные зимніе дни по широкимъ полямъ и перелѣскамъ, мы проводили цѣлые дни въ нескончаемыхъ разговорахъ, наша бесѣда коснулась моихъ, недавно напечатанныхъ тогда статей въ „Вѣстникѣ Европы" о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англіи—„въ народъ" и „для народа": какъ молодежь изъ богатыхъ классовъ, не исключая самыхъ аристократическихъ фамилій, покидая домашній комфортъ и всѣ привычныя удобства жизни, поселялась въ Восточномъ Лондонѣ, посреди подонковъ общества, съ единой благородной цѣлью—служить народу, учить народъ и даже развлекать народъ... Для выполненія этой высокой задачи англійская образованная молодежь жерт-

вовала всѣмъ, чѣмъ люди обыкновенно такъ дорожатъ:—матеріальными средствами, своими дѣловыми успѣхами, временемъ и даже безъ всякаго разсчета на благодарность...

Разговоръ мой на эту тему велся, собственно, съ кѣмъ-то изъ старшихъ сыновей хозяина, тутъ присутствовавшихъ, — Сергѣемъ или Львомъ Львовичами; самъ Левъ Николаевичъ сначала только терпѣливо слушалъ наши реплики и молчалъ, какъ вдругъ внезапно, къ моему великому смущенію, разразился такой рѣчью по адресу моихъ англійскихъ героевъ...

„Знаете ли, что я вамъ скажу; конечно, молодежь очень хорошо дѣлаетъ въ англійскихъ университетахъ, что вмѣсто пьянства, или чего-либо иного дурного устраиваетъ для народа разныя удовольствія, или обучаетъ рабочихъ съ ихъ ребятами. Но я, извините меня, не могу на это смотрѣть какъ на серьезное дѣло, и мнѣ лишь припоминаются наши гусары добраго стараго времени: вотъ какой-нибудь изъ нихъ, бывало, кутитъ безъ конца, а затѣмъ, напившись, лѣзетъ въ первую зеркальную или посудную лавку, вынетъ палашъ и давай рубить и сокрушать направо и налѣво... Въ заключеніе вытаскиваетъ кошелекъ и платитъ испуганному торговцу тысячи за побитое... „Ай, да молодцы, моему нраву не препятствуй!“ „Чѣмъ въ сущности англійскіе джентльмены будутъ лучше этихъ гусаръ? Вѣдь подкладка въ сущности одна и та же—игра тщеславія, лишь проявляемая въ разныхъ формахъ, у насъ пожалуй болѣе дико... И только“.

У меня на лицѣ, вѣроятно, ясно было написано великое огорченіе такимъ смѣлымъ сопоставленіемъ уважаемыхъ мною молодыхъ англичанъ съ дикими русскими кутилами, точно также Сергѣй Львовичъ запротестовалъ противъ этого сравненія, и Левъ Николаевичъ немедленно поспѣшилъ, если и не взять слова назадъ, то по крайней мѣрѣ старался всячески ихъ смыслъ смягчить, а меня утѣшить, но это, разумѣется, выходило уже неловко, и мы почти молча поспѣшили вернуться домой.

Безполезно говорить, что Иванъ Сергѣевичъ не въ состояніи былъ бы высказать такое рѣзкое сужденіе о моихъ герояхъ Восточнаго Лондона, если бы мнѣ пришлось коснуться ихъ въ разговорѣ съ нимъ, причина вполнѣ понятная: міровоззрѣніе Ивана Сергѣевича Тургенева не отличалось и не отходило отъ господствующаго міровоззрѣнія лучшихъ людей буржуазной Европы, среди которыхъ онъ жилъ, воспринимая тѣ же мнѣнія и убѣжденія всей своей впечатлительно-воспріимчивой натурой; совсѣмъ иначе было и есть съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, отчасти подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ Шопенгауера, отчасти его собственныхъ самостоятельно

выработанныхъ убѣжденій. Толстой всегда высказывался за широкое переустройство быта цѣлой вселенной, а таковое должно было последовательно поглотить и уничтожить усилія и жертвы отдѣльныхъ лицъ, обществъ и государства... Кромѣ того къ существованію и дѣятельности государства онъ вообще относился отрицательно. Поэтому, разумѣется, несогласія или контроверзы во мнѣніяхъ должны были казаться великому писателю ничтожными и поверхностными сравнительно съ будущимъ въ выполненіи всѣхъ его плановъ и мечтаній.

Въ 1893 году, когда счастливая судьба, въ лицѣ С. Ю. Витте, дала мнѣ возможность посѣтить Америку для исполненія разныхъ научныхъ, экономическихъ и финансовыхъ порученій министерства, никто изъ моихъ знакомыхъ, кажется, такъ не обрадовался, вслѣдъ за мной этой доброй случайности, какъ именно Левъ Николаевичъ: Америка была всегда страной, гдѣ его имя гремѣло больше всѣхъ, а его сочиненія и ученія находили большое число учениковъ и послѣдователей. Постоянный обмѣнъ мыслей, книгъ и журналовъ и сочиненій доставляли, вмѣстѣ съ указанными причинами, Льву Николаевичу, такъ называемыхъ „знакомыхъ незнакомцевъ“ или заочныхъ знакомыхъ, поэтому, когда зимой, въ 1892—93 году былъ уже окончательно рѣшенъ вопросъ о моей командировкѣ въ Америку, въ Чикаго на Колумбійскую выставку, Левъ Николаевичъ великодушно предложилъ меня снабдить въ разныя мѣста Америки своими рекомендаціями и указаніями къ тому за чѣмъ обратиться; зная хорошо уже, по примѣру, нѣсколько сходной страны Англіи, какую великую роль играетъ рекомендація такого человѣка, какъ Толстой, я, разумѣется, отвѣчалъ изъявленіемъ моей глубочайшей благодарности, заранѣе радуясь успѣху порученнаго мнѣ министерствомъ дѣла. Я надѣялся и не безъ основанія найти въ письмахъ и карточкахъ Льва Николаевича въ Америкѣ тотъ волшебный „Сезамъ, Сезамъ, отворись!“, который откроетъ мнѣ всѣ нужныя двери, для интересовъ дѣла въ Америкѣ!..

Въ свою очередь, я, разумѣется, предложилъ Льву Николаевичу и всему его почтенному семейству свои услуги, какія только въ состояніи выполнить, и они найдутъ нужными. Высокоуважаемая Софія Андреевна съ Татьяной Львовной поймали меня на словѣ и заявили желаніе воспользоваться ими,—доставить въ Америку и передать въ цѣлости два набора простородныхъ женскихъ костюма Тульской губерніи, праздничный и будничный. Сюда входили, такъ называемыя паневы, кацавейки, огромные платки и прочія части женскаго костюма. Я съ радостью обѣщалъ все это доставить, когда пріѣду въ Нью-Іоркъ г-жѣ Варварѣ Гэпгудъ. Но по правдѣ, пришелъ въ чистый ужасъ, когда получилъ огромный узелъ разныхъ бабьихъ

тряпокъ и потребовалось очистить значительную часть нашего чемодана отъ собственныхъ вещей, чтобы уложить на днѣ эту рухлядь, перемѣшивая, по возможности, съ принадлежностями нашихъ костюмовъ, чтобы менѣе дразнить вниманіе таможенныхъ.

Левъ Николаевичъ пожелалъ отъ меня имѣть другую болѣе легкую услугу, чтобы я свезъ въ Америку и передалъ той же Гэпгудъ, извѣстной переводчицѣ съ русскаго на англійскій языкъ, его новое сочиненіе; разумѣется, я обѣщалъ исполнить его просьбу, но зная хорошо, что воззрѣнія Льва Николаевича часто расходятся съ существующими у насъ цензурными, я рѣшилъ заранѣе просить передать мнѣ это сочиненіе закрытымъ пакетомъ для передачи Гэпгутъ, чтобы я могъ съ чистой совѣстью не знать, какое сочиненіе было привезено мною отъ Толстого въ Америку.

Въ свою очередь я получилъ полезныя мнѣ отъ Льва Николаевича 20 писемъ и карточекъ во всевозможныя мѣста въ Америкѣ, такъ что, несомнѣнно, если бы мнѣ командировка была дана не на нѣсколько мѣсяцевъ, а на много лѣтъ, я бы могъ ее съ успѣхомъ вести! Значительной частью этихъ рекомендацій я даже не успѣлъ воспользоваться и привезъ ихъ назадъ.

Мой отъѣздъ изъ Москвы въ началѣ апрѣля 1893 г. прямо въ Америку, черезъ Берлинъ и Гамбургъ, какъ я предполагалъ первоначально, совершился съ особенной неожиданной торжественностью. Всѣ панёвы и платки были давно уложены въ нашемъ сундучкѣ, но о рукописи было мнѣ сообщено, что ее пришлютъ прямо на Брестскій вокзалъ; къ моему великому удивленію и удовольствію, первое лицо, которое я увидѣлъ, было—рано туда пріѣхавшій самъ Левъ Николаевичъ, пожелавшій лично проститься, вслѣдъ за нимъ явился одинъ изъ близкихъ знакомыхъ или учениковъ, котораго я изрѣдка встрѣчалъ у Толстого въ кабинетѣ, но фамилію не зналъ. Онъ держалъ большой толстый свертокъ какихъ-то бумагъ въ синей обложкѣ; оказалось, это и былъ столь желанный и стоившій столькихъ хлопотъ манускриптъ графа. Я хотѣлъ взять у него этотъ свертокъ, унести въ свой вагонъ къ вещамъ, но тотъ протестовалъ, желая передать мнѣ рукопись не иначе, какъ въ самомъ вагонѣ, такъ и было сдѣлано. Билеты были мною взяты заранѣе, спальное купэ перваго класса, и я потребовалъ отъ кондуктора показать мнѣ его, и тамъ уже я раскрылъ свой ручной чемоданчикъ или сакъ, отперъ его и освободилъ цѣлую половину для рукописи, которую туда и положилъ торжественно довѣренный Толстого, а я тщательно обложилъ всю рукопись, чтобы она менѣе привлекала вниманіе таможенныхъ, запасомъ своего бѣлья и увѣрилъ его, что до Америки эту половину чемодана открывать не буду.

Левъ Николаевичъ ждалъ насъ на вокзалѣ и вмѣстѣ со мной вернулся въ вагонъ проститься съ моей женой, тамъ мы обмѣнялись взаимными пожеланіями всего лучшаго, я поблагодарилъ его еще разъ за рекомендательныя письма и обѣщался немедленно написать изъ Нью-Іорка, какъ только выполню порученіе графа и его почтенной супруги.

Путь нашъ до Берлина совершили вполнѣ благополучно, тамъ я взялъ билеты на пароходъ „Нормандія", принадлежащій германскому гамбургскому обществу, соединяющему Гамбургъ съ Нью-Іоркомъ. До отхода парохода оставалась еще цѣлая недѣля, на которую падала въ томъ году Святая недѣля. Желая провести ее, по возможности, пріятнѣй, посреди знакомой обстановки, мы рѣшили съ женой немедленно, въ тотъ же день, переѣхать въ знакомый и близкій нашему сердцу Дрезденъ, гдѣ и встрѣтить праздникъ среди нашихъ соотечественниковъ. Такъ мы и сдѣлали.

Черезъ недѣлю, проведя дѣйствительно пріятно время въ полуродномъ для насъ Дрезденѣ, гдѣ еще было порядочно знакомыхъ людей, начиная съ почтеннаго священника Іакова Григорьевича Смирнова, мы перенеслись быстро съ экспрессомъ въ Гамбургъ и представьте наше огорченіе!? Едва мы явились въ контору германскаго гамбургскаго пароходства, намъ объявили, что судно „Нормандія" требуетъ починки и можетъ выйти лишь черезъ недѣлю, а ближайшее судно и гораздо болѣе тихоходное пойдетъ лишь черезъ три дня! Что намъ дѣлать и что предпринять? Послѣ короткихъ размышленій и справокъ въ путеводителяхъ, оказалось, что черезъ два дня вечеромъ идетъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ одинъ изъ лучшихъ пароходовъ общества „Cunard Line", „Etruria", могущій вмѣстить болѣе 1.500 пассажировъ. Мы немедленно телеграфировали въ лондонское бюро общества—оставить два мѣста и съ экспрессомъ выѣхали изъ Гамбурга въ Англію. Поспѣли во-время къ отходу парохода и 22 апрѣля новаго стиля благополучно прибыли въ Нью-Іоркъ, при чемъ строгіе, чуть не жестокіе, таможенные чиновники Соединенныхъ Штатовъ Заатлантической республики отнеслись милостиво къ тульскимъ панёвамъ, кацавейкамъ и платкамъ, принимая ихъ, вѣроятно, за нормальный костюмъ моей жены и вмѣстѣ съ манускриптомъ Льва Николаевича выпустили насъ на свободу на темныя, грязныя улицы Нью-Іорка.

Одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ въ Нью-Іоркѣ, раньше, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь осмотрѣть или кого-нибудь видѣть, былъ къ г-жѣ Гэпгудъ. Хотя я и засталъ ее дома, но она не могла меня принять, вѣроятно, была неодѣта; поэтому я оставилъ ей письмо Софіи Андреевны и обременяющіе мои руки узлы съ паневами и

платками и съ объясненіемъ прислугѣ, что мнѣ необходимо видѣть г-жу Гэпгудъ по извѣстному ей дѣлу. Дня черезъ два Гэпгудъ появилась у насъ въ квартирѣ (кстати, я остановился въ Нью-Іоркѣ, по рекомендаціи моихъ русскихъ друзей, довольно центрально, въ пансіонѣ, содержимомъ г. Бѣляковымъ, нѣкогда предводителемъ дворянства Симбирской губерніи, сдѣлавшимся въ Америкѣ хорошимъ поваромъ).

Г-жа Гэпгудъ, женщина, какъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, необыкновенно большого роста — настоящій гренадеръ, говоритъ громкимъ, почти мужскимъ голосомъ и производитъ вообще сильное впечатлѣніе, какъ дама съ вѣсомъ и значеніемъ. Она очень благодарила насъ съ женой за трудъ доставить ей „эти прекрасные русскіе костюмы“, какъ выразилась вѣжливо она про тульскія паневы. Кстати, говорила она все время на ломанномъ русскомъ языкѣ и отклоняла попытки моей жены, владѣющей совершенно свободно англійскимъ языкомъ, говорить по-англійски. По благородному американскому обычаю, какъ и всѣ другія рекомендованныя намъ лица, г-жа Гэпгудъ задала немедленно вопросъ, чѣмъ она можетъ быть намъ полезна? Я попросилъ ее, въ виду того, что имѣлъ уже много рекомендацій и безъ того, дать письмо, кажется, къ начальнику порта Нью-Іорка, чтобы собрать свѣдѣнія для Министерства Финансовъ о портовыхъ сборахъ; относительно же жены г-жа Гэпгудъ не ограничилась словомъ, но перешла прямо къ дѣлу. Узнавши, что она интересуется школами и благотворительными учрежденіями, взяла ее съ собой и немедленно повезла по разнымъ школамъ, пріютамъ и прочее; вездѣ ей не только показывали посѣщаемыя учрежденія, но Гэпгудъ, такъ сказать, авансомъ брала любезность и для будущаго, предупреждая, что г-жа Янжулъ появится еще не разъ и чтобы были готовы оказать ей всякое содѣйствіе къ ознакомленію съ учрежденіями. Эта любезность стѣсняла мою жену, такъ какъ, и въ данномъ случаѣ и въ будущихъ, насъ выдвигали какъ друзей Толстого, что немедленно обнаруживалось на любезности въ пріемѣ.

Вообще мнѣ не разъ приходило въ голову извѣстное библейское выраженіе: „Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ“. Я воочію убѣдился, какъ высоко стоитъ имя Льва Николаевича и уваженіе къ нему въ Америкѣ, сравнительно съ Россіей и даже съ Европой. Иногда, являясь или обращаясь къ лицу безъ всякой рекомендаціи въ Америкѣ, достаточно было сказать, что мы знакомые Льва Николаевича и имѣемъ отъ него разныя рекомендаціи, чтобы немедленно заинтересовать собой и получить желаемыя свѣдѣнія, или помощь. Газетные интервьюеры не давали намъ скоро покоя, пронюхавши о

насъ и являясь къ намъ на квартиру за разспросами о Толстомъ и его семействѣ. Всѣ эти разговоры, часто совсѣмъ не интересные, съ страшными искаженіями нашей фамиліи и сообщаемыхъ фактовъ, хотя видимо безъ всякаго злого умысла, появлялись потомъ въ газетахъ. Одна молоденькая газетная интервьюерша, которую, во время продолжительнаго у насъ сидѣнія, я вздумалъ угостить шоколадными конфетами, полученными нами отъ знакомыхъ въ Лондонѣ, нашла нужнымъ упомянуть въ газетѣ, какія прекрасныя конфеты приготовляются въ Россіи!

Спустя нѣсколько дней, фигура огромной г-жи Гэпгудъ опять появилась на порогѣ нашего скромнаго жилища. Мы, разумѣется, ее привѣтствовали очень любезно, но на этотъ разъ, къ нашему удивленію, нашли ее въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Съ большимъ раздраженіемъ, можно сказать съ гнѣвомъ, она бросила мнѣ на столъ огромный свертокъ рукописи, ей врученной ранѣе, и быстро заговорила: „Я удивляюсь, какъ мнѣ подобная рукопись могла быть прислана для перевода! Я хорошая христіанка и не могу сочувствовать распространенію этого анархическаго сочиненія: знаете ли вы, профессоръ, что въ немъ заключается? Читали ли вы его?“ Я ей заявилъ, что не читалъ и даже не развертывалъ. „Ну, вотъ это и видно, иначе вы не рѣшились бы мнѣ передать такую рукопись, которая никѣмъ, уважающимъ себя, не можетъ быть одобрена. Она не должна быть переведена и не можетъ распространяться въ Америкѣ!!“ кричала она рѣзкимъ, сердитымъ тономъ.

Когда Гэпгудъ, наконецъ, немного успокоилась, остановилась и дала себѣ передышку, я ее увѣрилъ опять, что манускриптъ мною не только не читанъ, но что я умышленно передалъ ей завернутымъ пакетъ съ рукописью, не развертывая его, и зналъ только, что рукопись Льва Николаевича, не имѣя понятія о ея содержаніи, а потому и не могу входить въ критику произведенія Льва Николаевича. Теперь для меня является вопросъ, что мнѣ дѣлать съ рукописью, не отсылать же ее обратно въ Россію?! По словесному наставленію Льва Николаевича, я имѣю право передать ее для изданія желающему и компетентному лицу, если таковое найдется, у меня есть между прочимъ одно письмо къ г-жѣ Делано въ Бостонѣ (русской по происхожденію), которая издавала кое-что и переводила съ русскаго на англійскій. Г-жа Гэпгудъ не отвѣтила мнѣ ни да, ни нѣтъ и, послѣ моего заявленія, скоро простилась съ нами и ушла, и больше мы ее не видали. На прощаньи я просилъ ее безъ нужды не распространяться о порученіи Льва Николаевича о моемъ посредничествѣ, что, впрочемъ, впослѣдствіи, какъ оказалось, Гэпгудъ рѣзко нарушила, разболтавъ

всю эту исторію, подъ вліяніемъ, вѣроятно, обиженнаго самолюбія, въ американской газетѣ, когда появился чужой для нея переводъ новой книги Толстого.

Немедленно послѣ сего инцидента я написалъ г-жѣ Делано письмо въ Бостонъ съ объясненіемъ всего дѣла и предложилъ, если она пожелаетъ, получить изъ рукъ въ руки или черезъ вѣрнаго человѣка рукопись. Очень скоро я получилъ отъ нея утвердительный отвѣтъ, что она съ удовольствіемъ согласна принять условія (помнится, очень немногія—ничего не выбрасывать и не искажать въ переводѣ). Въ серединѣ мая 1893 года ко мнѣ явился, по рекомендаціи отъ г-жи Делано, Theodore M. Osborne of the Civil Superior Court of Boston. Этому г-ну Теодоръ Осборнъ, судьѣ изъ гражданскаго высшаго суда въ Бостонѣ, я и передалъ подъ росписку манускриптъ Толстого и на обратной сторонѣ той же росписки находилась русская надпись слѣдующаго содержанія: „Рукопись Льва Николаевича Толстого получила, условія его выслушала и на нихъ согласна Александра Делано“.

Разсчитывая на великодушіе Льва Николаевича, я приношу повинную, что и до настоящаго дня я еще не удосужился прочесть „Царство Божіе внутри насъ“, которое отвезъ въ Америку, хотя, разумѣется, читалъ очень много отзывовъ и даже не менѣе гнѣвныхъ, чѣмъ выходка разсерженной Гэпгудъ. Какъ бы то ни было, порученіе такимъ образомъ было мной исполнено, и я благополучно сдалъ его съ рукъ.

Разскажу еще одно любопытное приключеніе изъ моихъ воспоминаній и сношеній съ высокоуважаемымъ писателемъ. Однажды въ зимнее утро, гуляя по Смоленскому бульвару, я встрѣтилъ Льва Николаевича, какъ это было много разъ, и мы пошли вмѣстѣ усердно маршировать по обширнымъ пространствамъ города Москвы. „Вы, кажется, получаете журналъ: „Century?“—„Точно такъ“. „Есть ли у Васъ, и прочли ли Вы статью извѣстнаго Кеннана о поѣздкѣ ко мнѣ въ Ясную Поляну?“ Опять утвердительный отвѣтъ. „Въ такомъ случаѣ, не одолжите ли Вы мнѣ ее прочитать, я обращался ко многимъ знакомымъ, но эта книжка, большею частью, или конфискована, или статья вырѣзана“.—„Съ великимъ удовольствіемъ“, отвѣтилъ я, „мы находимся теперь недалеко отъ моей квартиры, если угодно зайти ко мнѣ на минутку, то я немедленно желаемую книжку передамъ“. Такъ и произошло, и я тотчасъ вручилъ ее Льву Николаевичу; это происходило, сколько помнится, въ серединѣ 80-хъ годовъ, т. е. задолго до моей поѣздки на Чикагскую выставку, которая, какъ извѣстно, произошла въ 1893 году.

Содержаніе статьи. Кеннана, столь заинтересовавшее Льва Нико-

лаевича, было въ дѣйствительности чрезвычайно любопытно и даже не для одного Льва Николаевича. Кеннанъ, посѣщая Сибирскія тюрьмы и каторги, потомъ имъ описанныя въ его извѣстной книгѣ, получилъ отъ многихъ политическо-ссыльныхъ горячую и настойчивую просьбу передать, на обратномъ проѣздѣ въ Америку, посѣтивши специально для этого Ясную Поляну, Льву Николаевичу Толстому о тѣхъ якобы страданіяхъ и лишеніяхъ, которыя они выносятъ отъ произвола администраціи. Жестокіе приставники и строгость всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ ссыльными, разжалобили Кеннана, и онъ согласился съ ними, что дѣйствительно Левъ Николаевичъ Толстой есть единственный человѣкъ въ Россіи, который можетъ безопасно для себя вступиться за ссыльныхъ передъ высшимъ правительствомъ и просить для нихъ всякой милости.

Въ этомъ собственно и заключалась цѣль поѣздки; статья, вообще, написана весьма живо и интересно; суть заключается въ слѣдующемъ: когда Кеннанъ уже пріѣхалъ въ Ясную Поляну и обратился, по порученію политическо-ссыльныхъ, съ ихъ просьбой къ Льву Николаевичу, то онъ долго во время его печальныхъ описаній молчалъ, а затѣмъ, когда Кеннанъ категорически сталъ спрашивать, окажетъ ли онъ имъ свою защиту, выскажетъ ли свое мощное слово въ ихъ пользу, то графъ Толстой отвѣчалъ отрицательно, что онъ-де ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, ибо они сами силою зла боролись съ такой же другой силою и сами виноваты въ происходящемъ. „Кто подниметъ оружіе, тотъ отъ оружія и погибнетъ". Они только несутъ послѣдствія своего поведенія. Единственный правильный способъ дѣйствовать, по его мнѣнію, какъ всѣмъ извѣстно, въ непротивленіи злу, а они борются съ такимъ же зломъ и неправильными средствами насилія, онъ этому сочувствовать не можетъ, а потому и защищать ихъ не въ состояніи.

Кеннанъ продолжалъ далѣе, что, слушая этотъ неутѣшительный для ссыльныхъ отвѣтъ Льва Николаевича, онъ употребилъ всѣ старанія — склонить Толстого въ ихъ пользу; такъ онъ, напримѣръ, старался живо и наглядно описать ему столь обычное въ Россіи средство борьбы въ подобныхъ случаяхъ „Hunger Strike" („голодная стачка"), какъ ее выносили и страдали ужасно, иногда даже женщины, чуть не дѣти... Левъ Николаевичъ морщился, его передергивало, и, видимо, страдалъ, но упорно стоялъ на своемъ. „Мнѣ ихъ очень жалко по чувству, но я не могу ничего сдѣлать для людей, которые употребляютъ для защиты такое же насиліе". „Единственный допустимый способъ борьбы", твердилъ онъ, „это непротивленіе злу".—„Но что же другое могутъ сдѣлать эти

несчастные, чтобы помочь своему горю и облегчить участь, когда нѣтъ никакихъ другихъ способовъ?"

„Такой способъ, какъ говорилъ я раньше—въ непротивленіи злу. Власть и сила государства состоитъ: 1) въ солдатахъ, 2) въ собираніи путемъ налоговъ денегъ. Итакъ, чтобы бороться, единственное допустимое средство, по мнѣнію Толстого, заключается въ девизѣ: „не служить въ солдатахъ и не платить налоговъ". Этимъ будто бы способомъ они могутъ добиться своего, т. е. всякихъ уступокъ и снисхожденій отъ государства...

— „Я съ удивленіемъ выслушалъ предложеніе почтеннаго Льва Николаевича и скромно ему указалъ, что едва ли такой способъ можетъ привести къ благопріятному для политическо-ссыльныхъ результату, ибо невозможно ждать, чтобы сразу всѣ отказались отъ рекрутчины, и сразу всѣ согласились не платить налоговъ уже по весьма многимъ причинамъ. Левъ Николаевичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ повторилъ на это", говоритъ Кеннанъ, „что другихъ способовъ вполнѣ допустимыхъ и дѣйствительныхъ онъ не видитъ, что лишь этимъ способомъ можно и должно бороться съ насиліемъ, не усугубляя зла"; тогда, добавляетъ Кеннанъ, онъ оставилъ дальнѣйшія напрасныя старанія переубѣдить писателя и уѣхалъ изъ Ясной Поляны.

Черезъ недѣлю или двѣ мы съ женой посѣтили Льва Николаевича въ обычный пріемный день (кажется, суббота), и онъ мнѣ вручилъ обратно съ благодарностью книжку журнала „Century" со статьей Кеннана. Я больше для вѣжливости, такъ какъ ожидалъ такого отвѣта, спросилъ: „Вѣрно ли Кеннанъ изобразилъ свое посѣщеніе въ вашу деревню, Левъ Николаевичъ?" „Конечно, вѣрно", отвѣчалъ онъ, „вѣдь Кеннанъ не какой-нибудь корреспондентъ русской газеты, который четверть часа проболтаетъ, а потомъ сообщитъ три короба разнаго вздора изъ головы. Кеннанъ истинный джентльменъ и человѣкъ своего слова"... „Въ такомъ случаѣ, не позволите ли мнѣ, многоуважаемый Левъ Николаевичъ, спросить у васъ принципіально нѣкоторыхъ объясненій по поводу высказаннаго Вами въ разговорѣ съ нимъ девиза: „не служить въ солдатахъ и не платить налоговъ", не будетъ ли нѣсколько фантастически, я затруднился подобрать выраженіе болѣе приличное, „ожидать практическаго осуществленія отъ такого способа? Развѣ черезъ многія сотни лѣтъ, въ будущемъ, а тогда вѣдь и самый девизъ потеряетъ значеніе и смыслъ".—„Я не знаю", отвѣчалъ мнѣ Левъ Николаевичъ замѣтно недовольнымъ тономъ, „другого дозволительнаго способа въ настоящемъ случаѣ, обратить вниманіе правительства на свое желаніе: только такой пассивный способъ не приноситъ зла и мо-

жетъ быть допустимъ“. Я убѣдился отсюда, что спорить дальше безполезно, и оставилъ этотъ вопросъ безъ движенія, никакъ не ожидая, что въ будущемъ появится когда-либо такой неразумный шагъ, какъ буквальное примѣненіе вышеуказаннаго девиза въ пресловутомъ Выборгскомъ воззваніи и еще страннѣе, что въ немъ будетъ участвовать много несомнѣнно выдающихся, по своимъ умственнымъ силамъ, членовъ русскаго образованнаго общества!!? Весь вопросъ сводится къ тому, какъ надо понимать настоящій оригинальный девизъ изъ философіи непротивленія злу и многихъ иныхъ положеній, выраженныхъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ Толстого, не менѣе оригинальныхъ.

Многіе читатели Толстого наклонны нѣкоторыя положенія его міросозерцанія и нравственной философіи понимать и толковать прямо и непосредственно, какъ, напримѣръ, всецѣлое „непротивленіе злу“, какъ основной тезисъ всей философіи Льва Николаевича,

Между тѣмъ, изъ всѣхъ своихъ довольно многочисленныхъ бесѣдъ съ нимъ, болѣе нежели за 15 лѣтъ, и по многимъ однороднымъ вопросамъ, я пришелъ къ рѣшительному заключенію, что такая точка зрѣнія совершенно фальшива, и что всѣ подобныя положенія философіи Толстого надо понимать исключительно лишь условно, какъ тенденцію въ извѣстномъ направленіи и не болѣе, а вовсе не конечный выводъ... Напримѣръ, непротивленіе злу не значитъ вовсе подставлять лѣвую щеку, когда ударили по правой, а означаетъ лишь тенденцію, т. е. стараніе всячески избѣгать съ людьми ссоръ и вражды и беречься безъ крайней необходимости прибѣгать къ насилію. Только принявши такое ограничительное толкованіе, мнѣ кажется, возможно устранить такъ часто встрѣчаемый упрекъ Толстому въ непослѣдовательности или невыдержанности многихъ его убѣжденій...

Я уже сообщалъ выше, что Левъ Николаевичъ, вообще, кажется мнѣ, несмотря на нѣкоторую, по временамъ, рѣзкость—проще, доступнѣе и болѣе вызываетъ къ себѣ довѣрія публики, чѣмъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, несмотря на всю утонченную деликатность послѣдняго. Въ 1894 году, именно, у меня случилась непріятность во время лекцій, которая дала проявиться удивительно деликатной добротѣ ко мнѣ Льва Николаевича. Кучка студентовъ 19 февраля старалась устроить демонстрацію, сорвать лекціи профессоровъ. Я рѣшительно не согласился на просьбы студенческихъ депутатовъ, назвалъ положительною нелѣпостью праздновать великое событіе 19 февраля ничегонедѣланіемъ и не согласился пропускать въ этотъ день свою лекцію ради демонстраціи ввиду правительственнаго распоряженія. Я предложилъ вмѣсто этого собрать по-

жертвованіе на основаніе народной читальни: въ это время какъ разъ Императорское Вольно-экономическое Общество предлагало для такой цѣли свое посредничество, и я самъ первый заявилъ желаніе пожертвовать сто рублей, но все было тщетно, и въ результатѣ получился скандалъ на лекціи: небольшая часть слушателей шикала и свистала, другая аплодировала, пока свистуны не удалились. Студенты, конечно, понемногу образумились, и волненіе улеглось, но мой курсъ былъ прерванъ изъ-за этого на цѣлую недѣлю, и я въ первый разъ въ жизни былъ въ самомъ подавленномъ, угнетенномъ состояніи духа—безъ вины виноватый...

Большинство моихъ пріятелей и друзей относилось равнодушно къ случившейся со мной непріятности и несправедливости, и у многихъ я даже читалъ въ глазахъ неодобреніе моей настойчивости и корректности, и только два вліятельныхъ, среди молодежи, лица (покойный А. И. Чупровъ и Ф. Ф. Эрисманъ), по моей просьбѣ, говорили со студентами и старались всячески ихъ образумить.

И вотъ въ эти тяжелые для меня дни, когда я мысленно уже рѣшилъ покинуть возможно скорѣй свою „alma mater“ и скоро впослѣдствіи это исполнилъ, уйдя въ Академію Наукъ, ко мнѣ внезапно явился Левъ Николаевичъ, чтобы выразить свое сочувствіе потерпѣвшему безъ вины, и онъ говорилъ обо всемъ этомъ смѣло, прямо и рѣзко безъ всякихъ обиняковъ. Изъ всѣхъ моихъ многочисленныхъ знакомыхъ онъ одинъ лишь, не связанный лживой рутиной, догадался это сдѣлать.

„Вы мнѣ, пожалуйста, не трудитесь разсказывать эту печальную исторію“, обратился онъ ко мнѣ, „я вѣдь знаю Васъ достаточно, чтобы вѣрить, что Вы были правы, да и было бы смѣшно на минутку допустить, что Вы менѣе, нежели студенты, цѣните день освобожденія крестьянъ...

„Мы, общество, всячески избаловали, испортили молодежь и вселили въ нее духъ нестерпимаго самомнѣнія, на которое оно, конечно, никакого права не имѣетъ: вѣдь русская молодежь весьма не зрѣла и мало знаетъ... Мнѣ больше всего наша теперешняя молодежь“, сказалъ графъ Толстой, „напоминаетъ ту анекдотическую дѣвицу, которая будто бы привыкла твердить, какъ попугай: „Ахъ, я—невинна, я—невинна, я—невинна“ и т. д. и т. д. А молодежь наша, обращаясь къ русскому обществу, точно также твердитъ: „Ахъ, вѣдь я—молодежь, я—молодежь, и т. д.“ Но что же, спрашивается, изъ этого?! Развѣ одна молодость или невинность даютъ открытый листъ на всѣ права и достоинства! Конечно, нѣтъ и нѣтъ!“

Лишь въ годину несчастья узнается истинная доброта друзей, и откликъ добраго сердца къ непріятности, меня въ первый разъ постигшей, доказываетъ, что внѣшняя шероховатость и даже рѣзкость сужденія Л. Н. составляютъ лишь форму, а не содержаніе отношенія даннаго лица къ его ближнимъ, и подъ этой формой скрывается самое широкое добросердечіе и человѣколюбіе.

Изъ другихъ нашихъ писателей, исключительно Петербургскихъ (о знакомыхъ Московскихъ я говорилъ раньше въ первыхъ главахъ), я наиболѣе близко былъ знакомъ съ почтеннымъ Павломъ Александровичемъ Гайдебуровымъ, редакторомъ, если не основателемъ, за многіе годы извѣстной „Недѣли", одного изъ нашихъ распространенныхъ органовъ печати, погибшаго, къ сожалѣнію, въ полномъ расцвѣтѣ отъ злого рока, въ видѣ безжалостной цензуры. Меня познакомилъ съ Павломъ Александровичемъ человѣкъ совсѣмъ не литературный, мой добрый покровитель, Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, московскій прокуроръ, извѣстный ораторъ, соперникъ князя Урусова и Плевако по многимъ процессамъ. Онъ гдѣ-то подцѣпилъ или познакомился случайно съ Гайдебуровымъ и привезъ его ко мнѣ, желая обоимъ сдѣлать одолженіе: мнѣ молодому и жаждавшему дѣла профессору и писателю дать полезное знакомство въ лицѣ редактора, а Гайдебурову доставить сотрудника.

Когда я познакомился съ Павломъ Александровичемъ, онъ еще былъ вначалѣ своего литературнаго успѣха. „Недѣля" лишь начала распространяться, и онъ жилъ довольно бѣдно, гдѣ-то на Кузнечномъ, но затѣмъ быстро въ нѣсколько лѣтъ, особенно, когда явилось приложеніе, въ видѣ „Книжекъ Недѣли", журналъ и редакторъ великолѣпно расцвѣли и процвѣли. Они перешли въ хорошую квартиру на Кабинетской, завели прекрасную обстановку и расширили кругъ своихъ знакомствъ и сотрудниковъ. Я очень подружился и съ самимъ Гайдебуровымъ и съ его милой супругой Евгеніей Карловной, а впослѣдствіи и съ его дѣтьми и сдѣлался почти своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Пріѣзжая, напримѣръ, иногда лѣтомъ изъ Москвы, я останавливался у нихъ въ Теріокахъ на дачѣ и жилъ по нѣсколько дней, пользуясь и полнымъ вниманіемъ и радушнымъ гостепріимствомъ.

Вскорѣ, вначалѣ нашего знакомства я сталъ изрѣдка пописывать статьи въ „Недѣлѣ", первоначально очень робко и скромно,

безъ имени или съ выдуманнымъ псевдонимомъ или подъ иннціалами, а потомъ мало-по-малу началъ и подписываться по просьбѣ редактора. Статьи касались всевозможныхъ предметовъ для меня интересныхъ. Сюда попадали не только экономическія замѣтки и разсужденія, но даже почему-либо интересныя или курьезныя встрѣчи за границей, или наблюденія дома: въ родѣ, напримѣръ, неподписанной статьи „Встрѣча съ курятникомъ изъ Апраксина двора, въ Лондонѣ и разговоръ съ нимъ". „Разговоръ въ Москвѣ съ хозяйкой-бѣлошвейкой о поставкѣ для раненыхъ бѣлья", и т. д. и т. д. Подобныя шалости пера особенно нравились П. А. Гайдебурову, который меня поощрялъ писать въ такомъ родѣ, но имени я не открывалъ. Къ такимъ шалостямъ пера я отношу въ настоящее время анонимную статью противъ Чичерина и Герье въ пользу общиннаго землевладѣнія, котораго тогда я былъ, къ сожалѣнію, сторонникомъ. Въ „Недѣлѣ" въ первый разъ, вѣроятно, съ роду была, помнится, также моя статейка о несчастьяхъ отъ машинъ въ московскихъ фабрикахъ, по тогдашней несовершенной статистикѣ, данныхъ собранныхъ, по карточной системѣ, доставленной мнѣ М. А. Саблинымъ; своей новостью содержанія она обратила вниманіе и вызвала даже правительственный запросъ, откуда могли попасть такія свѣдѣнія въ частныя руки — показалось, вѣроятно, опаснымъ совать въ нихъ носъ!..

Изъ болѣе серьезныхъ плодовъ моей литературной дѣятельности въ „Недѣлѣ", могу назвать помѣщенную въ „книжкахъ приложенія къ „Недѣлѣ" весьма любопытную статейку „Искусство писательства". Анкетъ или изслѣдованіе одного англійскаго писателя Джоржа Бентона, путемъ опроса многихъ авторовъ объ искусствѣ выработки стиля или хорошаго языка. Въ живомъ изложеніи маленькая статья знакомитъ съ способами, которые весьма многіе англійскіе, а отчасти иностранные авторы (176 человѣкъ) сообщили Бентону о наилучшихъ способахъ выучиться хорошо выражать свои мысли, или просто сочинять и что они сами дѣлали для этой цѣли? Тутъ приводятся любопытныя мнѣнія самыхъ разнообразныхъ и очень крупныхъ писателей, въ родѣ физика Тиндаля, нѣмецкаго эволюціониста Геккеля, многихъ англійскихъ романистовъ: Уильки Коллинза, Миссъ Олифантъ, Марка Твэна, Крауфорда, Уильямъ Блэккъ и мн. др. Общіе выводы весьма поучительны: 1) хорошій стиль или языкъ составляетъ, прежде всего, природный даръ, 2) огромное большинство писателей, повидимому, не довольствуясь такимъ даромъ, употребляли многіе годы на дальнѣйшее развитіе его путемъ чтенія, писанія, изученія иностранныхъ языковъ и т. д. Наконецъ, 3) важнѣйшій выводъ изслѣдованія Бентона заключается въ наблю-

деніи у большинства писателей и писательницъ важнаго вліянія ихъ матерей на образованіе (хорошаго стиля или языка у будущихъ литераторовъ) и лишь въ одномъ случаѣ замѣчено вліяніе отца—крупная важность слѣд. женскаго образованія.

Другая любопытная статья, помѣщенная мною въ „книжкахъ Недѣли“, носитъ оригинальное названіе, вполнѣ опредѣляющее ея содержаніе: „Мы всѣ слишкомъ падки на даровщинку“. Въ статьѣ этой на основаніи наблюденій каждодневной русской жизни и въ сравненіи съ хорошо мнѣ извѣстной жизнью Англіи, я утверждаю, что у насъ, у русскихъ, развита большая и зловредная слабость—живиться на чужой счетъ, выпрашивать и канючить, и это рѣшительно никого не возмущаетъ, въ то время, когда попрошайничество между англичанами презирается и терпится лишь, какъ непріятное исключеніе; „полагайся на самого себя, думай о самомъ себѣ, помогай самому себѣ“—составляетъ тамъ общепринятое правило руководства житейской мудрости, а у насъ, у русскихъ вмѣсто того—„помогите, подайте копеечку!“

Вообще принципъ даровщинки составляетъ, по моему мнѣнію, характерную особенность русской жизни, проникающую одинаково черезъ всѣ слои русскаго народа и кладущую грань между нашей и западно-европейской жизнью. Конечно, и на западѣ много охотниковъ для дарового полученія разныхъ благъ, но тамъ этотъ способъ не одобряется, а представляется достойнымъ лишь трудовое, такъ сказать, начало, которое проходитъ черезъ всю Европейскую жизнь и задаетъ господствующій тонъ... У насъ же наоборотъ—всякая тяжесть, сплошь и рядомъ, сваливается, какъ бы съ общаго молчаливаго согласія на государство, общество, или частныхъ лицъ и во всѣхъ классахъ народа, подъ разными видами, одно и то же стремленіе—къ даровщинкѣ [1])!

---

[1]) Настоящая статья о „Даровщинкѣ“ была написана мною первоначально для перваго нумера новаго спеціальнаго журнала „Трудовая Помощь“ при его основаніи... Но статья моя не понравилась Редакціи, потому что пристрастіе къ даровщинкѣ приписывается мною въ настоящей статьѣ одинаково всему русскому народу, т. е. помимо простого—такъ же дворянству и купечеству... Мнѣ было предложено выкинуть мѣсто статьи, относящееся къ привилегированнымъ сословіямъ... Я не согласился, взялъ статью обратно и послалъ „Даровщинку“ въ „Недѣлю“, гдѣ она и была уже напечатана цѣликомъ, безъ купюровъ (см. сборникъ „Между дѣломъ“).

И. Я.

Очень можетъ быть, что въ маленькой журнальной статьѣ я не успѣлъ и не сумѣлъ обосновать и укрѣпить свои положенія, но во всякомъ случаѣ я руководствовался добрыми мотивами и желалъ только хорошаго русскому народу, поэтому я не могу не признавать рѣзкую критику Евгенія Маркова статьи моей „Даровщинка“, появившуюся въ „Новомъ Времени“ за тотъ годъ (1897) отчасти недоразумѣніемъ, отчасти большой несправедливостью и обвиненіе ad hominem меня самого въ стремленіи къ „Даровщинкѣ“, было забавно для всѣхъ, кто знакомъ съ исторіей моей жизни, въ томъ числѣ, надѣюсь, и для читателей „Русской Старины“.

Очень скоро у Гайдебуровыхъ развелось множество знакомыхъ, какъ въ литературныхъ, такъ и ученыхъ кругахъ. Внимательный, любезный и разнообразно-свѣдущій хозяинъ привлекалъ всѣхъ. За прекрасными обѣдами и, наконецъ, на вечерахъ у Гайдебуровыхъ можно было одинаково встрѣтить и Н. С. Таганцева, и В. И. Сергѣевича, Н. В. Шелгунова, Ѳ. М. Достоевскаго, Я. П. Полонскаго и многихъ другихъ ученыхъ и литераторовъ и болѣе или менѣе лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ. Изъ упомянутыхъ литературныхъ именъ остановлюсь на Ѳ. М. Достоевскомъ; мнѣ его пришлось видѣть лишь 3 раза въ жизни, уже въ дни его славы! Изъ нихъ два раза на вечерѣ у Гайдебурова. Я былъ большимъ его почитателемъ, не только его произведеній отдѣльно печатаемыхъ или въ журналахъ, но особенно въ „Дневникѣ Писателя“.

Когда меня Гайдебуровъ подвелъ къ нему, я чрезвычайно обрадовался и отнесся къ нему, что называется, со всѣмъ сердцемъ. Къ сожалѣнію, мой невольный порывъ встрѣченъ былъ Достоевскимъ болѣе нежели холодно, почему-то ему не понравилось званіе профессора, которое прибавилъ при моей рекомендаціи Гайдебуровъ. Я пытался и даже нѣсколько разъ завести съ нимъ разговоръ, онъ уклонялся и вообще держалъ себя на вечерѣ букой или буддой, принимавшимъ поклоненіе отъ поклонниковъ и съ важностью молчавшимъ. Во время общаго чая за огромнымъ столомъ я усѣлся, помню, между Шелгуновымъ и поэтомъ Андреевскимъ и скоро завязалъ съ ними (дѣло, кажется, было весной) разговоръ о пріятности деревенской жизни, причемъ я разсказалъ своимъ сосѣдямъ, что въ деревнѣ Тверской губерніи (въ имѣніи моего тестя), гдѣ я провелъ тогда нѣсколько лѣтнихъ вакатовъ, я имѣлъ всегда два любимыхъ занятія, доставляющихъ мнѣ столько же удовольствія, сколько и здоровья:—„ходить въ лѣсъ по грибы“ и разводить овощи въ огородѣ. Я съ жаромъ описывалъ обѣ свои любимыя забавы! Какъ я слѣжу за проростаніемъ сѣмянъ въ огородѣ, какъ много въ этомъ

поэзіи и интереса въ опытахъ разнаго рода, напримѣръ, въ искусственномъ ускореніи созрѣванія и т. п. Какъ, наконецъ, пріятно находить подъ кустами рыжики, какъ цѣлыми часами я просиживалъ на одной большой полянѣ съ своими близорукими глазами, болѣе раскапывая, нежели ища маленькіе грибки въ травѣ и мохѣ и т. д. и т. д. Мои сосѣди слушали меня съ видомъ сочувствія, иногда лишь вставляя свои реплики или замѣчанія.

Какъ вдругъ раздался рѣзкій, нѣсколько визгливый голосъ Ѳ. М. Достоевскаго съ другого конца стола, гдѣ онъ сидѣлъ около милой хозяйки Евгеніи Карловны,—„Профессоръ, а профессоръ!" воскликнулъ онъ, хотя ему хозяинъ и назвалъ мое имя съ отчествомъ! „Скажите, зачѣмъ вы занимаетесь въ деревнѣ скучнымъ огородничествомъ, когда гораздо веселѣй и пріятнѣй садоводство?!" Меня очень поразило такое странное, если не сказать болѣе, замѣчаніе, я отвѣчалъ ему коротко и сухо: „Да потому, что я не имѣю счастья владѣть собственнымъ имѣніемъ, а проживаю, и то изрѣдка, на дачѣ, а въ 1—2 года разводить садъ и фруктовыя деревья невозможно". „Ну вотъ и неправда", выстрѣлилъ Достоевскій, „есть сорта яблонь, которыя въ два, три года даютъ фрукты". „Можетъ быть такъ и есть, но, во всякомъ случаѣ, это занятіе не по профессорскому карману и требуетъ слишкомъ много возни и хлопотъ!" — „Напрасно, напрасно, попробуйте!" и все это говорилось самымъ раздраженнымъ злымъ тономъ. Присутствующіе переглянулись, а Шелгуновъ со свойственной ему прямотой, нисколько не стѣсняясь и глядя въ глаза Достоевскому, замѣтилъ мнѣ полусмѣясь: „Ну, что какъ вамъ нравятся, Иванъ Ивановичъ, наши знаменитые писатели, не правда ли, мы ихъ очень избаловали, давая возможность говорить все, что придетъ имъ въ голову?!" Хозяинъ Гайдебуровъ умоляющимъ образомъ взглянулъ на Н. В. Шелгунова, тотъ понялъ, поднялся и пошелъ въ сосѣднюю комнату, туда же вслѣдъ за нимъ отправился и я.

Другой разговоръ, который я велъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, тоже былъ неудачный, или потому, что наши натуры не сошлись, или я ему не понравился; это было въ Александринскомъ театрѣ, я встрѣтилъ его во время антракта. Онъ меня спросилъ, давно ли я пріѣхалъ изъ Москвы и давно ли видѣлъ Владиміра Соловьева, къ которому, очевидно, онъ былъ расположенъ. На дальнѣйшіе его разспросы о Соловьевѣ, какъ онъ поживаетъ, когда узналъ, что мы знакомы, я отвѣтилъ, что, повидимому, хорошо, что по слухамъ все больше обрѣтается около Каткова съ Леонтьевымъ и Любимовымъ, гдѣ ему тепло, и что въ Москвѣ это многимъ не нравится, начиная

со старика-отца! Достоевскаго это передернуло, онъ бросилъ на меня довольно свирѣпый взглядъ и тотчасъ отошелъ, и больше я его не видалъ.

Изъ другихъ литераторовъ, бывавшихъ въ домѣ Гайдебуровыхъ, мы больше всего сошлись съ Н. В. Шелгуновымъ, съ человѣкомъ въ высшей степени интереснымъ, наблюдательнымъ, съ запасомъ многихъ цѣнныхъ экономическихъ свѣдѣній и обширнымъ знакомствомъ съ хозяйственной жизнью народа на сѣверѣ, особенно Вологодской губерніи, мѣстѣ его продолжительной ссылки. Мы настолько съ нимъ сошлись, что, я помню, онъ даже подарилъ моей женѣ свою фотографію на прощанье въ одно изъ свиданій.

Точно также на вечерахъ у Гайдебуровыхъ я встрѣтился и познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ Я. П. Полонскимъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я вскорѣ же узналъ о пунктѣ, насъ сближающемъ: оказалось, мы оба съ Я. П. были воспитанниками одной и той же Рязанской гимназіи, но, конечно, онъ гораздо старше меня и приблизительно лѣтъ на двадцать! Тѣмъ не менѣе нашлись учителя, надзиратели и даже сторожа, которые одинаково жили и дѣйствовали въ Рязанской гимназіи и во время Полонскаго, какъ и въ мое! И вотъ посыпались у насъ воспоминанія о шалостяхъ, забавныхъ приключеніяхъ гимназистовъ и т. д. Особо частую роль играли два лица: учитель французскаго языка Барбэ и швейцаръ „Камрадъ“, исполнитель всякихъ секуцій и, несмотря на то, первый другъ гимназистовъ. Мы съ Полонскимъ встрѣтились у Гайдебуровыхъ раза три, и онъ усердно звалъ меня къ себѣ на пятницы, но я нѣсколько лѣтъ не могъ собраться.

Однажды въ одинъ изъ своихъ частыхъ, но кратковременныхъ наѣздовъ въ Петербургъ, въ концѣ, помнится, 70-хъ годовъ, Гайдебуровъ мнѣ напомнилъ: „Сегодня именины Я. П. Полонскаго и какъ разъ пятница, поѣдемте къ нему, вы собирались много разъ, онъ человѣкъ нецеремонный и только обрадуется Вамъ, народу будетъ масса, и едва ли ему придется отвести душу съ Вами о Рязани и ея гимназіи“.

Въ тотъ же вечеръ довольно поздно по-московски, что-то часовъ въ десять, мы отправились съ Гайдебуровымъ къ Якову Петровичу; Полонскій встрѣтилъ насъ буквально съ распростертыми объятіями и очень, очень благодарилъ меня, что я вспомнилъ свое обѣщаніе и кстати именины, немедленно представилъ меня своей супругѣ и кое-кому изъ своихъ гостей и затѣмъ прочно меня усадилъ на весь вечеръ между двумя наиболѣе почетными гостями, и я, увы! почти не двигался до конца вечера, отданный, такъ сказать, имъ на жертву

почету и при томъ при довольно оригинальной обстановкѣ: мнѣ припоминается небольшая комната и особаго вида, изогнутая какъ S софа, только съ тремя мѣстами, вблизи другихъ сидѣній не было, два крайнихъ мѣста на софѣ было уже занято, когда меня ввелъ въ эту комнату хозяинъ, и представивши сидѣвшимъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто посрединѣ, что̀ я и сдѣлалъ. Хозяинъ назвалъ имъ мое имя и званіе: „Московскій профессоръ Янжулъ", но забылъ назвать мнѣ ихъ, предполагая, что я долженъ знать этихъ знаменитостей, но я какъ разъ не зналъ ни одного! Между тѣмъ былъ посаженъ съ ними для почета и долженъ былъ бесѣдовать болѣе или менѣе долгое время.

Одинъ изъ собесѣдниковъ—высокая, длинная, сухощавая фигура, другой—средняго роста, одѣтъ щеголевато и гораздо менѣе говорливый, нежели первый, который, едва меня хозяинъ представилъ и я усѣлся между ними, къ великому моему удивленію, что называется съ мѣста въ карьеръ, принялся бранить Московскій университетъ, представитель котораго сѣлъ съ нимъ рядомъ. Авторитетнымъ, не допускающимъ, повидимому, возраженій, рѣзкимъ тономъ, онъ осуждалъ и чуть ли не оплакивалъ упадокъ, будто бы, и разложеніе Московскаго университета (это въ періодъ одного изъ лучшихъ моментовъ его процвѣтанія!??). Преимущественно доставалось отъ моего сосѣда именно юридическому факультету, наиболѣе близкому моему сердцу. Къ моему негодованію, онъ позволилъ себѣ употребить такую фразу, говоря о старыхъ профессорахъ: „Всѣ старики или перемерли, или ушли, изъ старыхъ, хорошихъ профессоровъ въ Москвѣ" (и при этомъ слѣдуютъ имена) „остался одинъ и тотъ дуракъ!" Послѣднее ругательное выраженіе относилось къ моему любимому и почтенному декану Василію Николаевичу Лешкову, добрѣйшему оригиналу, но отнюдь не глупому человѣку. Я вспыхнулъ отъ такой крайней безцеремонности этого незнакомца и выступилъ въ горячую защиту милаго старика и всего юридическаго факультета, оговорившись, что, конечно, мнѣ не къ лицу защищать свое, своихъ товарищей, гораздо старше меня, но что я не могу хладнокровно слушать такіе отзывы о почтенныхъ людяхъ, особенно при столь рѣзкихъ обвиненіяхъ и осужденіяхъ. Тогда, не ограничиваясь сказаннымъ, мой собесѣдникъ напалъ спеціально на молодыхъ и наиболѣе всѣхъ на моего друга М. М. Ковалевскаго; предметомъ его выходокъ послужила незадолго передъ этимъ напечатанная книжка М. М. о старой французской финансовой администраціи съ большимъ количествомъ выписокъ и выдержекъ на старомъ французскомъ языкѣ. На это-то и обрушился желчный незнакомецъ, приписывая вполнѣ неосновательно ему лишь желаніе покрасоваться своей ученостью

и многоязычіемъ, а вовсе не любовь къ наукѣ [1])?!. „Вотъ Забѣлинъ ни одного языка не знаетъ, а выше всего факультета“!

Положеніе мое было довольно жалкое, онъ продолжалъ разносить Московскій университетъ, а я даже не зналъ, кто онъ такой, возражать же ему въ его тонѣ не считалъ себя въ правѣ, какъ молодой человѣкъ передъ стариками, тѣмъ болѣе я видѣлъ, что всѣ входящіе отвѣшивали ему низкіе поклоны и, прислушавшись нѣсколько минутъ къ нашей бесѣдѣ, удалялись. Я не могъ выдержать дольше такого измывательства надъ своими чувствами и, услышавъ пѣніе или музыкальное исполненіе и отговорившись любовью къ музыкѣ, направился въ сосѣднюю комнату. Тутъ лишь отъ кого-то изъ присутствующихъ, мнѣ раньше знакомыхъ (юристъ Неклюдовъ, или поэтъ Садовниковъ) я наконецъ узналъ, кто это былъ тотъ желчный старикъ, поносившій нашъ университетъ; оказалось, это былъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, а другой молчаливый собесѣдникъ, князь Волконскій, тогдашній попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа!..

Но не долго продолжалось мое произвольное удаленіе отъ почетныхъ гостей: добрѣйшій хозяинъ Яковъ Петровичъ внезапно появился около меня въ комнатѣ, гдѣ я бесѣдовалъ съ кѣмъ-то изъ упомянутыхъ выше лицъ, и сообщилъ мнѣ на ухо: „Очень понравились Константину Петровичу, (!) проситъ Васъ вернуться, ему что-то надо Вамъ сказать о Добровольномъ флотѣ“. Дѣлать было нечего, я вернулся и водворился на прежнемъ мѣстѣ на софѣ, между двумя сановниками. На этотъ разъ уже мягкимъ тономъ, безъ всякаго брюзжанья, Побѣдоносцевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что онъ слышалъ отъ кого-то, что я по своей спеціальности финансиста интересуюсь портовыми и ластовыми сборами и что даже дѣлаю какую-то работу по этому предмету или собираюсь дѣлать для Московскаго общества содѣйствія мореходства. К. П. выслушалъ внимательно мои объясненія и вдругъ любезно вызвался быть мнѣ даже полезнымъ по своей служебной дѣятельности при Добровольномъ флотѣ, имѣя не мало матеріаловъ по этому вопросу; затѣмъ завязалась у насъ интересная бесѣда, ко-

---

[1]) Довольно любопытная, между прочимъ, иронія судьбы: въ настоящемъ, 1909, году Парижская Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, на мѣсто своего члена-корреспондента, освободившагося за смертію К. П. Побѣдоносцева, избрала именно М. М. Ковалевскаго!!!

торая мнѣ наглядно въ нѣсколько минутъ показала, какой, все-таки, умный и свѣдущій человѣкъ былъ Побѣдоносцевъ, несмотря на извѣстный фанатизмъ и желчное отношеніе и брюзжаніе ко всему свѣжему, что не укладывалось по его привычнымъ старымъ мѣркамъ и трафаретамъ!..

Я, конечно, очень благодарилъ его за предложеніе и обѣщалъ съ благодарностью воспользоваться всѣмъ, что онъ доставитъ мнѣ по этимъ сборамъ. На другой день, дѣйствительно, онъ мнѣ прислалъ съ курьеромъ въ гостиницу кучу печатныхъ и частью гектографическихъ матеріаловъ по указанному вопросу, собранныхъ, очевидно, въ дѣлахъ и въ архивахъ Добровольнаго флота. Такимъ образомъ, въ именинную пятницу у почтеннаго Якова Петровича я имѣлъ случай познакомиться съ новымъ для себя лицомъ въ видѣ будущаго оберъ-прокурора Синода, но зато упустилъ его для болѣе близкаго ознакомленія и сближенія съ симпатичнымъ поэтомъ и хозяиномъ: намъ ни разу не пришлось за этотъ вечеръ обмѣняться словомъ о дорогой Рязани.

Зато мнѣ совершенно неожиданно пришлось чуть не въ тотъ же самый пріѣздъ въ Питеръ познакомиться съ нашимъ крупнымъ писателемъ-сатирикомъ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ, по литературѣ Щедринымъ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ почтеннымъ писателемъ лишь одинъ разъ въ жизни, на вечерѣ, можно сказать карточномъ, у Григорія Захарьевича Елисѣева, сотоварища Салтыкова по „Отечественнымъ Запискамъ“. Я уже нѣсколько лѣтъ предварительно познакомился съ послѣднимъ, желая найти пріютъ для своихъ статей на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ и двѣ изъ моихъ статей были уже, кажется, тамъ напечатаны. На вечерѣ былъ лишь небольшой кружокъ, очевидно, лицъ пріятныхъ Михаилу Евграфовичу и дружественно-расположенныхъ, а именно: Алексѣй Михайловичъ Унковскій, присяжный повѣренный, мнѣ уже хорошо знакомый, какъ большой другъ моего тестя Вельяшева, извѣстный юристъ Александръ Львовичъ Боровиковскій и, кажется, Лихачевъ, бывшій потомъ городскимъ головой и впослѣдствіи сенаторомъ. Хозяева, видимо, всячески старались угодить и ублажить нервнаго гостя; хозяйка прямо труса праздновала и всплескивала руками, если что-нибудь не такъ удавалось.

Салтыковъ весь вечеръ проигралъ въ карты, я же переходилъ отъ одного къ другому свободному гостю и упражнялся въ разговорахъ, такъ какъ въ карты совсѣмъ не играю. По временамъ, впрочемъ, слышенъ былъ будто нѣсколько повышенный голосъ Михаила Евграфовича, но затѣмъ немедленно слѣдовала шутка остро-

умнаго Унковскаго, и все приходило опять въ порядокъ. За ужиномъ, или за чаемъ наступилъ большой антрактъ, въ теченіе котораго мнѣ и пришлось бесѣдовать съ Салтыковымъ. Я ему разсказалъ между прочимъ, какъ мы, воспитанники Рязанскаго т. н. Благороднаго пансіона, бѣгали когда-то тайкомъ отъ своихъ надзирателей смотрѣть несчастнаго повѣсившагося казачка, котораго Михаилъ Евграфовичъ описалъ въ одномъ своемъ разсказѣ во время его службы въ Рязани. Салтыковъ немедленно оживился при упоминаніи о Рязани и вступилъ со мной въ охотный и длинный разговоръ по поводу ея. Видимо, Рязань оставила на немъ глубокое впечатлѣніе, онъ разсказывалъ мнѣ довольно долго о своихъ рязанскихъ знакомыхъ и о тѣхъ господахъ помѣщикахъ, гдѣ служилъ вышеупомянутый казачекъ, и который подалъ поводъ къ его разсказу. Многое изъ того, что онъ разсказывалъ, къ сожалѣнію, ускользнуло изъ моей головы, тѣмъ болѣе, что скоро нашъ разговоръ перешелъ въ общій; между прочимъ припоминаю, что А. Л. Боровиковскій поднялъ вопросъ, почему-то, вѣроятно, придравшись къ какому-нибудь случаю того времени, объ адвокатской этикѣ: всякое ли дѣло имѣетъ право брать адвокатъ для защиты или нѣтъ? къ сожалѣнію, я не помню, что высказалъ по этому поводу Салтыковъ, и скоро споръ продолжался между нами двумя. А. Л. упорно держался мнѣнія, что адвокатъ долженъ брать всякое дѣло, если только оно соотвѣтствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ. Я же старался ограничить этотъ слишкомъ обширный и неопредѣленный кругъ принимаемыхъ дѣлъ исключительно уголовными дѣлами, въ гражданскихъ же дѣлахъ я выражалъ мнѣніе: такъ какъ право писанное очень расходится нерѣдко съ правомъ моральнымъ, поэтому дѣла гражданскія должны съ особенною осторожностью приниматься къ разсмотрѣнію, исключительно лишь тѣ, при томъ, которыя оправдываются общими началами нравственности.

Изъ состава редакціи „Отечественныя Записки“ я чаще всего видался, кромѣ Елисѣева, съ Николаемъ Константиновичемъ Михайловскимъ; съ нимъ меня познакомилъ Николай Ивановичъ Зиберъ, постоянно проживавшій за границей, но въ этотъ разъ почему-то временно находившійся въ Петербургѣ. Мы безъ церемоніи явились къ нему съ Зиберомъ въ его пріемный день, не помню какой, и были очень любезно приняты. Николай Константиновичъ объявилъ мнѣ, что онъ уже обо мнѣ слыхалъ отъ своего пріятеля Глѣба Успенскаго, который видѣлъ меня какъ-то въ Москвѣ (и даже бывалъ у меня) и много ему разсказывалъ о моей личности, какъ новомъ-де типѣ профессоровъ, которые своимъ дѣломъ прилежно занимаются, а въ то же время и выпить при случаѣ

не прочь, и который отлично фехтуетъ на всякихъ смертоносныхъ оружіяхъ, начиная съ рапиры и эспадрона и кончая штыкомъ (я дѣйствительно тогда усердно занимался фехтованьемъ по совѣту врачей)!..

Впослѣдствіи нашему сближенію съ Н. К. Михайловскимъ много способствовала его милая племянница (дочь его сестры) Марія Геннадіевна Мягкова, ученица Московской Консерваторіи. Н. К. М., когда эта молодая особа поступила въ Консерваторію, просилъ насъ письменно изъ Петербурга позаботиться о ней, оказать возможное радушіе, что мы и сдѣлали: черезъ нее мы получали часто извѣстія о дядѣ.

Вечера у Михайловскаго мнѣ очень нравились по своей непринужденности, интересной болтовнѣ и сообщенію всѣхъ литературныхъ и городскихъ новостей. Главнаго украшенія общества—дамъ, насколько я припоминаю, почти не бывало, можетъ быть, впрочемъ вслѣдствіе нелегальнаго положенія супруги хозяина. Съ Григоріемъ Захарьевичемъ Елисѣевымъ онъ былъ въ положительной ссорѣ по извѣстнымъ тогда въ Петербургѣ причинамъ, а о Салтыковѣ просто избѣгалъ почему-то говорить. Изъ его посѣтителей чаще всего я припоминаю Анненскаго и Кривенко, и въ пріятной бесѣдѣ съ хозяиномъ и ими двумя и за стаканомъ рейнвейна, почему-то тамъ любимаго, мы засиживались долго за полночь.

Впослѣдствіи, моя пріязнь съ Михайловскимъ продолжалась довольно долго и, бывая въ Москвѣ, онъ посѣщалъ меня, а я въ свою очередь бывалъ у него, но, увы, уже долго спустя послѣ кончины „Отечественныхъ Записокъ“ и перехода Михайловскаго въ „Русское Богатство“ нашей дружбѣ суждено было покончиться. Николай Константиновичъ прежде всего былъ человѣкъ кружковый и строго смотрѣлъ, чтобы никто изъ его добрыхъ пріятелей не отступалъ отъ малѣйшей буквы правилъ и завѣтовъ, принятыхъ кружкомъ въ былое время; между тѣмъ вмѣстѣ съ годами шла, естественно, перемѣна взглядовъ въ русскомъ обществѣ. Появлялись новыя направленія, новые писатели, переставшіе поклоняться старымъ богамъ. Какъ извѣстно, Михайловскій не переносилъ этого и немедленно вступилъ напр. въ борьбу съ народившимся въ 90-хъ годахъ поколѣніемъ ново-марксистовъ.

Хотя я всегда считалъ себя противникомъ Маркса и Марксъ, мнѣ былъ крайне несимпатиченъ, тѣмъ не менѣе вновь созданное направленіе ново-марксистовъ вызвало немедленно мое сочувствіе и симпатіи въ одномъ отношеніи своимъ стремленіемъ освободиться отъ привычной рутины и здравыми взглядами во многихъ вопросахъ экономіи. Между

прочимъ, въ нѣсколькихъ строкахъ своей новой книги „Промысловые синдикаты“ я сказалъ комплиментъ талантливому и остроумному очерку г. П. Б. Струве, и что съ главнѣйшими его выводами я вполнѣ-де согласенъ [1]). Моя книга о синдикатахъ положила конецъ нашей дружбѣ съ Михайловскимъ, онъ пересталъ у меня бывать, посѣщая Москву, а въ „Русскомъ Богатствѣ“ появилась довольно нелѣпая, но рѣзкая критика о моей книгѣ, написанная, по слухамъ, моимъ товарищемъ и ученикомъ профессоромъ Карышевымъ.

Sic transit gloria mundi!!!...

До настоящаго времени я говорилъ лишь о положительныхъ типахъ нашей литературы, людяхъ вполнѣ добропорядочныхъ и въ большей или меньшей степени извѣстныхъ по своему таланту и той пользѣ для родной литературы, которую они посильно принесли. Въ заключеніе этого отдѣла моихъ воспоминаній, я хочу хотя бы въ сжатой передачѣ разсказать то, что память моя сохранила о совершенно иного рода нашемъ литераторѣ, отрицательномъ типѣ журналистики, который принесъ ей очень сомнительную долю пользы, но въ личной жизни своей оказалъ русскому обществу несомнѣнно много вреда.

Я разумѣю свое преходящее, но по сложности времени довольно продолжительное знакомство съ однимъ любопытнымъ субъектомъ, долго вращавшимся въ нашей литературной средѣ,—это Евгеній Львовичъ Кочетовъ, корреспондентъ и фельетонистъ.

Если память не измѣняетъ, наша встрѣча съ нимъ въ первый разъ произошла еще въ 1866 году. Я проживалъ тогда въ Москвѣ въ домѣ дьякона Покровскаго около Патріаршихъ Прудовъ, набитаго студентами, въ маленькой каморкѣ съ очень легкой стѣной или перегородкой, отдѣлявшей меня отъ сосѣдней большой комнаты, занятой какимъ-то корректоромъ изъ Синодальной типографіи Зубковымъ, женатымъ человѣкомъ, довольно смирнымъ малымъ, но по временамъ выпивавшимъ. Въ одну ночь, мы со студентомъ Павломъ Ивановичемъ Кедровымъ, моимъ хорошимъ пріятелемъ, сидя за чаемъ въ моей комнатѣ, услышали въ комнатѣ Зубковыхъ крупный разговоръ, который скоро перешелъ въ явную ссору, едва не драку: съ одной стороны слышались угрозы выгнать на морозъ (а морозъ былъ тогда сильный въ серединѣ зимы), съ другой стороны жалобы на судьбу и на жестокость людей. Поневолѣ прислушиваясь, мы поняли только одно, что хозяинъ комнаты Зубковъ,

---

[1]) См. „Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“. СПБ. 1895 г. И. И. Янжулъ, стр. 402.

котораго мы знали, выгоняетъ какого-то господина, у него ночевавшаго за какое-то оскорбленіе, нанесенное имъ его женѣ, говорившаго все это довольно пьянымъ голосомъ. Молодой жалобный мужской голосъ умолялъ его о милосердіи, увѣрялъ въ своей невинности и больше всего ссылался на то, что у него вѣдь нѣтъ теплаго пальто, теперь холодно и онъ замерзнетъ и т. д. Но все было напрасно, скоро послышалась возня, изъ сосѣдней комнаты кого-то выталкивали въ общій корридоръ. Мы съ Кедровымъ немедленно бросились въ корридоръ и увидали плачущаго юношу лѣтъ двадцати съ чѣмъ-то, небольшого роста и одѣтаго очень налегкѣ.

Возмущенные фактомъ безчеловѣчія, мы немедленно пригласили пострадавшаго ко мнѣ въ комнату, завѣряя, что мы не дадимъ ему замерзнуть; какъ бы заранѣе гарантируя его отъ такой случайности, напоили его чаемъ съ ромомъ, при чемъ поздно замѣтили, что онъ и такъ уже выпилъ изрядно. Этотъ молодой человѣкъ и былъ Евгеній Львовичъ Кочетовъ [1]), эстандартъ-юнкеръ какого-то кавалерійскаго полка („штыкъ-юнкеръ" по студенческому прозвищу) впослѣдствіи же извѣстнѣйшій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Новаго Времени". Таково было начало нашего знакомства съ этимъ интереснымъ субъектомъ изъ литературнаго міра.

Изъ его разсказовъ въ этотъ же вечеръ немедленно мы узнали, что Кочетовъ сынъ, будто бы, богатыхъ тульскихъ или орловскихъ помѣщиковъ, но въ ссорѣ съ отцомъ и что послѣ хорошей домашней подготовки и, кажется, какого-то кадетскаго корпуса онъ поступилъ на военную службу юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, стоявшій гдѣ-то около Вильны, тамъ послѣ непродолжительной службы, во время повстанія, онъ попалъ въ какую-то исторію, влюбился въ польку и въ чемъ-то ей проговорился, въ очень важномъ; за это онъ былъ заключенъ въ тюрьму и нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ въ ожиданіи надъ собою военнаго суда, будто бы, угрожавшаго ему смертной казнью; въ заключеніе по какому-то счастливому случаю онъ былъ освобожденъ отъ суда и выпущенъ на свободу. Послѣ этого онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ разныя занятія, между прочимъ состоялъ, будто бы, переводчикомъ при Петербургскомъ Окружномъ судѣ, благодаря хорошему знанію языковъ, изученныхъ еще дома, а отчасти во время службы. Онъ, дѣйствительно, при насъ съ Кедровымъ говорилъ съ разными лицами довольно свободно понѣмецки, по-французски, по-польски и на еврейскомъ жаргонѣ. Въ

---

[1]) Е. Л. Кочетовъ всегда подписывался, насколько мнѣ извѣстно, „Львовъ-Кочетовъ",—его литературное имя.

Москву онъ былъ вызванъ (намъ извѣстно по слухамъ) магистрантомъ Ляпидевскимъ, пригласившимъ его для какого-то совмѣстнаго изданія не то журнала, не то книгъ, но Ляпидевскій, будто бы, въ концѣ концовъ обманулъ его и никакой работы ему не предоставилъ, и онъ, проживши скоро ранѣе сдѣланныя имъ сбереженія, уже болѣе мѣсяца жилъ, какъ мы, студенты, выражались, „закладнымъ правомъ"—спустилъ все, что имѣлъ.

Пріискивая средства къ существованію, онъ описывалъ тогда свои приключенія въ Западномъ краѣ въ сочиненіи, озаглавленномъ „Недавнее съ Недалекаго Запада" и теперь пріискивалъ издателя; при этомъ онъ намъ показалъ, вынувъ изъ кармана, небольшую засаленную рукопись, довольно дурно написанную, съ помарками и ошибками. Теперь-де онъ, для исправленія своихъ ошибокъ, въ виду литературной неопытности, познакомился съ нашимъ сосѣдомъ Зубковымъ и послѣдніе дни даже у него ночевалъ, но сегодня Зубковъ будто бы вообразилъ, что онъ ухаживаетъ за его женой и, наговоривши ему дерзостей, выгналъ его, какъ мы видѣли, и поставилъ въ ужасное положеніе. Мы немедленно съ Кедровымъ объявили ему, что мы не дадимъ ему замерзнуть и поможемъ, чѣмъ возможно. На эту ночь я предложилъ ему (на что молодость только способна!) раздѣлить со мною единственную постель, очень узкую и колченогую, а на завтра мы его устроимъ-де лучше и болѣе прочно; такъ и сдѣлали: эту ночь мы проспали съ нимъ не особенно удобно, а на другой день онъ помѣстился въ квартирѣ Кедрова, въ Спиридоновскомъ переулкѣ, въ такъ называемомъ студенческомъ вагонѣ Цемпша (большой деревянный длинный срубъ, стоявшій посреди большого двора и набитый студентами, какъ русская изба тараканами). Комната была побольше моей, и хозяйка Кедрова откуда-то притащила диванъ, и на немъ водворился Кочетовъ, предвкушая свою будущую знаменитость въ газетномъ дѣлѣ!..

Прежде всего намъ съ Кедровымъ, такъ сказать, воспріемнымъ отцамъ этого злосчастнаго литератора, представлялось рѣшить вопросъ, какъ добыть ему средства къ существованію, которыхъ у насъ самихъ было мало?! Мы скоро убѣдились, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, что онъ самъ слишкомъ мало образованъ, чтобы быть путнымъ преподавателемъ, кромѣ развѣ разговорныхъ языковъ. Тутъ внезапно явился и созрѣлъ у насъ смѣлый финансовый планъ, такъ какъ по его словамъ имъ было заложено чуть ли не цѣлое большое имущество по разнымъ закладчикамъ; и вотъ достали нѣкоторую сумму денегъ и поѣхали съ господиномъ Кочетовымъ къ разнымъ евреямъ въ Зарядье отыскивать его имущество и, смотря по суммѣ залога или стоимости его, выкупать или прода-

вать; оказалось, дѣйствительно, что имъ заложено довольно обширный на нашъ студенческій взглядъ гардеробъ и даже золотыя и серебряныя вещи; что стоило того, мы выкупали, перезакладывали и продавали, этимъ путемъ была выручена довольно порядочная, по нашимъ соображеніямъ, сумма, которая и была вручена Кочетову на прожитье и расплату съ нами. Мы прожили вмѣстѣ, помнится, еще два весеннихъ мѣсяца въ домѣ Цемпша, и только ближе къ лѣту, въ концѣ нашихъ экзаменовъ, нашли какой-то подходящій урокъ для Кочетова въ Смоленскую губернію, къ помѣщику Иванову, куда онъ и уѣхалъ.

Изъ продолжительной довольно жизни его въ домѣ Цемпша, среди студенческой компаніи, для насъ выяснились, какъ я сказалъ раньше, во-первыхъ,—малая образованность г. Кочетова, тогда еще плохо владѣвшаго перомъ, и во-вторыхъ,—удивительнѣйшая феноменальная лживость: можно сказать, каждый день онъ придумывалъ какой-нибудь слухъ или извѣстіе, которое въ скоромъ времени не подтверждалось; первоначально это ему сходило съ рукъ, но вскорѣ молодежь, не терпѣвшая надъ собой издѣвательства, начала его преслѣдовать за вранье. Онъ съежился и присмирѣлъ. Никому изъ насъ рѣшительно, несмотря на всѣ сдѣланныя ему любезности, онъ не показалъ никакой благодарности и простился очень холодно, когда уѣхалъ на урокъ. Его сплетни не разъ служили поводомъ ссоръ между пріятелями.

Примѣрно черезъ годъ, мы съ Кедровымъ, или кто-то изъ насъ, встрѣтилъ на улицѣ Евгенія Кочетова, на этотъ разъ уже вполнѣ прилично одѣтаго и гордо поднявшаго голову. На наши вопросы, что онъ дѣлаетъ и когда вернулся съ урока, Кочетовъ отвѣчалъ, что онъ покончилъ скандаломъ съ послѣднимъ хозяиномъ Ивановымъ, такъ какъ онъ невозможный человѣкъ и предъявлялъ ему неосновательныя, будто бы, требованія, что онъ теперь находится здѣсь въ Москвѣ не одинъ, а съ дѣвицей, которую привезъ изъ Смоленской губерніи и на которой собирается жениться. При этомъ просилъ къ себѣ зайти въ сравнительно очень приличные номера на Никитской. Кто-то изъ насъ зашелъ къ нему, и оказалось, дѣйствительно, онъ жилъ довольно зажиточно съ дѣвицей немолодой и некрасивой, племянницей одного изъ знаменитыхъ Севастопольскихъ адмираловъ (фамилію я забылъ), при чемъ Кочетовъ открыто хвасталъ золотыми и серебряными вещами, принадлежавшими родственнику его гражданской жены.

Мое личное знакомство этотъ разъ съ Кочетовымъ возобновилось и продолжалось не долго. Квартира его превратилась совершенно въ игорный домъ и по временамъ, не стѣсняясь, очень гру-

бо онъ помыкалъ этой несчастной дѣвушкой, которую съ собой привезъ. Я скоро прекратилъ свои посѣщенія, но извѣстія о немъ постоянно доходили до меня, сначала черезъ прислугу, потомъ разныхъ общихъ знакомыхъ. Прислуга разсказывала, напримѣръ, разные ужасы, какъ онъ обращается съ женой, при чемъ подъ конецъ онъ бросилъ или выгналъ ее и все ея наличное имущество осталось, будто бы, въ его собственности!..

Прошелъ еще годъ, я, оставленный при университетѣ, жилъ въ деревнѣ на урокѣ у родителей своего товарища по университету графа Камаровскаго. Кто-то въ семьѣ прочелъ и обратилъ мое вниманіе на романтическое убійство. Дѣвица Тр. изъ хорошей семьи (сестра ея—жена извѣстнаго тогда писателя Ф. Д. Нефедова), имѣла несчастье сблизиться съ тѣмъ же самымъ г. Кочетовымъ; въ какихъ-то номерахъ или меблированныхъ комнатахъ, гдѣ она жила, или очутилась, ночью однажды послышались громкіе, сердитые голоса, раздался выстрѣлъ, и когда явились прислуга и полиція, то оказались на-лицо: г. Кочетовъ и сильно раненая дѣвица Тр. Кочетовъ сначала показалъ, что онъ будто бы нечаянно ее ранилъ, а затѣмъ дѣвица заявила, со своей стороны, что никто не виноватъ, она сама стрѣляла въ себя, но къ сожалѣнію неудачно. Этотъ случай вызвалъ большіе толки въ Москвѣ, и всѣ утверждали довольно единогласно, что это было покушеніе на убійство, но несчастная дѣвушка приняла по любви на себя.

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе довольно многихъ лѣтъ мнѣ не приходилось встрѣчаться съ виновникомъ всѣхъ этихъ исторій, но изрѣдка слышалъ о разныхъ романическихъ приключеніяхъ въ томъ же родѣ. Любопытно во всемъ этомъ, что этотъ русскій Донъ-Жуанъ не обладалъ вовсе красивою наружностью; небольшого роста, довольно полный, круглая голова и торчащіе рыжіе усы, такъ что напоминалъ собою фигуру кота, но рѣшительность, назойливость и нахальство обнаруживалъ всегда въ достаточной степени; очевидно, что этихъ качествъ, вѣроятно, было довольно для его побѣдъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Кочетовъ уже состоялъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ качествѣ извѣстнаго корреспондента, ѣздилъ во время Русско-Турецкой кампаніи на войну, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ былъ корреспондентомъ „Новаго Времени". Приблизительно въ это же время онъ сдѣлалъ скандалъ въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей" и вызвалъ В. М. Соболевскаго и кого-то другого на дуэль. Позднѣе, уже въ девяностыхъ годахъ, къ моему великому удивленію, я узналъ изъ газетъ, что Кочетовъ поступилъ на государственную службу по министерству финансовъ и былъ назначенъ сразу на важную должность директора Русскаго Черноморско-Дунай-

скаго Пароходнаго Общества, послѣ закрытія котораго онъ скоро и умеръ. Мнѣ пришлось его видѣть послѣдній разъ въ жизни въ мѣстѣ, гдѣ я никакъ не ожидалъ,—при посѣщеніи дома Л. Н. Толстого. Я тотчасъ же узналъ его сидящаго за чайнымъ столомъ въ кругу семьи Толстого, посреди дамъ. Отъ кого-то изъ лицъ семейства Льва Николаевича я узналъ тогда же, что это было чуть ли не первое его посѣщеніе и, разумѣется, я счелъ долгомъ немедленно разсказать, какую личность представлялъ изъ себя этотъ господинъ и какъ осторожно надо относиться къ его знакомству.

Въ заключеніе разскажу одну нехорошую продѣлку, или шалость господина Кочетова, которая нанесла многимъ непріятности. Весной въ 1866 году, когда мы съ Кедровымъ открыли Кочетова и спасли его отъ замерзанія, случился извѣстный Каракозовскій выстрѣлъ въ Государя Александра II; послѣ него полиція, естественно, обнаружила усиленную дѣятельность въ многочисленныхъ обыскахъ и арестахъ у студентовъ; въ томъ числѣ былъ обыскъ въ знакомомъ намъ вагонѣ Цемпша. Спасаясь отъ будущихъ непріятностей, многіе студенты начали поэтому уничтожать или прятать свои письма или запрещенныя книги, чтобы себя не компрометтировать, на случай обыска, въ числѣ прочихъ и мы съ Кедровымъ; хотя мы и не имѣли ничего выдающагося, чтобы скрывать, но владѣли, конечно, немногими книгами, вродѣ Герцена, Фейербаха и т. д., и я, между прочимъ, имѣлъ свое гимназическое сочиненіе о французской революціи, казавшееся мнѣ весьма краснымъ. Мы начали думать, куда бы намъ скрыть всѣ эти творенія на время, какъ вдругъ наши совѣщанія прервалъ незадолго передъ тѣмъ спасенный нами Кочетовъ: „Да я вамъ, господа, отлично могу спрятать!“ „Куда вы можете спрятать?“ „Видите ли, вчера (хотя объ этомъ ничего не слыхали) я случайно нашелъ свою родственницу, старушку-тетушку, живущую въ Замоскворѣчьѣ, на церковномъ дворѣ въ маленькомъ домикѣ“. Мы имѣли глупость съ Кедровымъ ему повѣрить, собрали все якобы запрещенное, что у насъ было, завернули въ толстую сахарную бумагу, перевязали крѣпкими бичевками и передали Кочетову. На другой день, на нашъ запросъ, онъ отвѣтилъ, что отнесъ къ тетушкѣ, и та съ удовольствіемъ согласилась беречь, сколько времени мы пожелаемъ. Затѣмъ, какъ это водится съ беззаботной молодостью, мы просто забыли всю эту исторію о нашихъ запретныхъ книгахъ.

Черезъ полтора примѣрно года уже, кончивши, помнится, курсъ, лѣтомъ я, гуляя, встрѣтилъ гдѣ-то на Спиридоновкѣ добрѣйшую старушку Анну Ивановну, содержательницу комнатъ въ вагонѣ Цемпша, гдѣ жили раньше Кедровъ и Кочетовъ; естественно, разспросы о здоровьѣ и „какъ поживаете?“. Старушка Анна Ивановна

пользовалась большимъ расположеніемъ своихъ жильцовъ, ибо готовила вкусно и ждала долго деньги со студентовъ. Подѣлились общими воспоминаніями, какъ вдругъ она вспоминаетъ: „А знаете, прошлый годъ меня едва не уморили вы, господа студенты!“ „Что же такое съ вами случилось?“ „Представьте себѣ, изъ подъ нашего дома, собаки, которыхъ было всегда такъ много на дворѣ, вытащили къ лѣту какой-то свертокъ съ книгами и порядочно растрепали его, дворникъ отнялъ у нихъ этотъ свертокъ, увидавши книги—нѣчто цѣнное, отнесъ хозяину, хозяинъ такъ и такъ передалъ въ участокъ—запрещенное-де. Вотъ и пошла писать губернія!“ Въ это время у генералъ-губернатора засѣдала особая комиссія по дѣлу о Каракозовѣ, — производилось слѣдствіе. Бѣдную старушку Анну Ивановну начали таскать для допросовъ чуть не каждый день, кому принадлежали книги, бумаги, и кто у нея жилъ? „Ну, что же мнѣ было отвѣчать?!“ возражала бѣдная Анна Ивановна, „почемъ же я знаю, кому эти книги понадобились. Да студенты, по правдѣ сказать, книгами мало и занимались“. „А не было ли у васъ такихъ, которые занимались этими книжками и политикой?“. Я имъ говорю: „больше господа занимались водкой, дѣвицами“. Смѣются и пристаютъ ко мнѣ, а одинъ даже пригрозилъ. Спасибо, добрый жандармскій полковникъ подарилъ мнѣ 3 рубля и отпустилъ: „Ну, старушка, ступайте, больше къ вамъ приставать не будутъ!“.

Таковы оказались послѣдствія и слѣды безцѣльнаго вранья Евгенія Львовича Кочетова, безъ всякой личной надобности, для краснаго словца о какой-то несуществующей тетушкѣ, погубившаго наши рукописи и книги и надѣлавшаго кучу непріятностей невинной старухѣ!!!...

ГЛАВА VII.

Изъ воспоминаній о В. К. Плеве. Первая моя встрѣча съ Плеве, въ дни молодости, въ поѣздѣ желѣзной дороги.—Дальнѣйшее знакомство въ Москвѣ и Петербургѣ. — В. К. Плеве, какъ Предсѣдатель Комиссіи по рабочему вопросу (Тов. Мин. В. Д.).—Встрѣча съ В. К. П., какъ Государственнымъ Секретаремъ.—Моя поѣздка въ Энчёпингъ въ Швеціи къ д-ру Вестерлунду.—Назначеніе В. К. П. Министромъ Внутр. Дѣлъ и мои размышленія на одрѣ болѣзни по этому поводу.—Возвращеніе въ Петербургъ и дѣловое свиданіе съ Плеве.—Бесѣда о нѣкоторыхъ тревожныхъ общественныхъ симптомахъ и ея ближайшіе результаты.—*Рабочій, университетскій* и *еврейскій вопросы* и предположенныя въ нихъ реформы.—Порученіе мнѣ—выработать планъ государственныхъ экзаменовъ для чиновъ Министерства В. Дѣлъ.—Проектъ широкой реформы организаціи рабочаго вопроса и рабочей статистики въ Россіи.—Печальный конецъ всѣхъ плановъ Плеве вмѣстѣ съ катастрофой, его постигшей.

Въ концѣ 70-хъ или началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка я возвращался съ женой въ Москву на поѣздѣ Московско-Брестской дороги изъ Англіи, куда ѣздилъ почти ежегодно работать въ библіотекѣ Британскаго Музея надъ своими книгами. Въ большомъ отдѣленіи второго класса, какъ помнится, оригинальнаго устройства (теперь такихъ вагоновъ не встрѣчается) мы сидѣли всю дорогу до Москвы лишь втроемъ, такъ какъ въ послѣднюю минуту отхода поѣзда изъ Варшавы вошелъ къ намъ въ купэ какой-то господинъ весьма моложавый на видъ, съ сакомъ въ рукахъ. Онъ усѣлся въ одномъ углу обширнаго купэ, и скоро между нами завязался оживленный разговоръ, къ видимому удовольствію обѣихъ сторонъ. Оказалось, что нашъ спутникъ также русскій и даже, подобно мнѣ, бывшій питомецъ Московскаго университета—юристъ по образо-

ванію и въ то время служилъ въ Варшавѣ товарищемъ прокурора, кажется, судебной палаты. Когда, въ свою очередь, я назвалъ ему свой родъ занятій—профессорство въ Московскомъ университетѣ по финансовому праву, то онъ немедленно сообразилъ, кто я и даже назвалъ фамилію, которую встрѣчалъ въ газетахъ. Естественно, оставалось послѣ этого сдѣлать шагъ дальше — взаимно другъ другу представиться, что̀ мы и исполнили. Нашъ случайный спутникъ оказался моимъ товарищемъ по университету, старше выпускомъ на два года: это былъ Вячеславъ Константиновичъ Плеве.

Такъ началось наше оригинальное знакомство съ Плеве, продолжавшееся, хотя съ большими перерывами, около тридцати лѣтъ; въ бытность мою студентомъ я его не встрѣчалъ и не зналъ. В. К. Плеве оказался весьма образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, и наша длинная дорога отъ Варшавы до Москвы прошла большею частью въ оживленныхъ разговорахъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Онъ много читалъ, наблюдалъ и думалъ и къ моему большому удовольствію оказался очень начитаннымъ въ произведеніяхъ писателя, которому я тогда очень поклонялся—Салтыкова-Щедрина. Мы частенько обмѣнивались воспоминаніями о сарказмахъ и насмѣшкахъ нашего сатирика и припоминали его острыя „словечки", никакъ, разумѣется, не предугадывая возможность, что одинъ изъ насъ сдѣлается въ будущемъ властителемъ судебъ той самой печати, объ одномъ изъ талантливыхъ представителей которой мы тогда вспоминали, прерывая разговоръ смѣхомъ...

Лишь изрѣдка Вячеславъ Константиновичъ какъ-то внезапно задумывался во время нашего разговора и даже на время переходилъ въ сосѣднее купэ. Какъ выяснилось для меня впослѣдствіи, тутъ были двѣ причины: во-первыхъ, мои скверныя грошевыя нѣмецкія сигары, дыма которыхъ онъ не терпѣлъ и изъ деликатности мнѣ ни слова о томъ не сообщилъ, а во-вторыхъ (и всего, конечно, важнѣе), забота и дума о больной женѣ, къ которой, какъ оказалось, онъ ѣхалъ во Владиміръ, гдѣ она гостила у своихъ родственниковъ и сильно заболѣла.

Къ концу нашего двухъ или трехдневнаго путешествія на очень скучномъ поѣздѣ, время на которомъ, впрочемъ, на этотъ разъ прошло незамѣтно, мы настолько подружились съ Плеве, что дали взаимное обѣщаніе отнюдь не прерывать начавшееся знакомство и при случаѣ навѣщать другъ друга. И дѣйствительно, спустя какую-нибудь недѣлю послѣ нашего пріѣзда въ Москву, онъ появился въ моей скромной квартирѣ на Малой Грузинской и извиняясь, что не

могъ привезти съ собой къ намъ жену, которая еще не достаточно оправилась, сообщилъ намъ подробныя свѣдѣнія о ея болѣзни и просилъ не забывать о немъ, когда будемъ опять проѣзжать за границу черезъ Варшаву.

Вмѣсто Варшавы, однако, мнѣ пришлось, черезъ нѣсколько лѣтъ видѣть и навѣстить его уже въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ быстро сдѣлался прокуроромъ судебной палаты. Тамъ я имѣлъ честь познакомиться съ его супругой и разными сослуживцами на довольно большомъ обѣдѣ, который онъ давалъ по какому-то семейному поводу. Затѣмъ, временно, наше знакомство какъ-то пріостановилось, и нѣсколько лѣтъ я его не видалъ. Онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и сдѣлался Директоромъ Департамента Полиціи. Хотя я никогда и никакихъ политическихъ грѣховъ за собою не имѣлъ и былъ тѣмъ, что называется нынѣ строго-корректнымъ, но было какъ-то неловко въ то время, ради мнѣнія товарищей, продолжать съ нимъ частое общеніе, и я постепенно пересталъ заходить къ нему, посѣщая С.-Петербургъ. Обстоятельства скоро, однако, заставили явиться къ нему и при томъ полуоффиціальнымъ просителемъ: въ 1882 году, какъ я это сообщалъ въ другомъ мѣстѣ моихъ „Воспоминаній", въ тогдашнее Министерство Финансовъ Бунге я получилъ приглашеніе занять вновь учрежденную должность фабричнаго инспектора. Одинаково какъ мнѣ, такъ и Министерству, послѣ предварительныхъ и удовлетворительныхъ обо мнѣ справокъ въ надлежащихъ вѣдомствахъ, было желательно возможно ускоренное утвержденіе меня въ должности, дабы я могъ начать немедля объѣздъ своего округа для изученія фабрикъ и участвовать въ разныхъ комиссіяхъ. На обѣдѣ у Н. X. Бунге, который выражалъ мнѣ по этому поводу свои желанія, я мелькомъ обмолвился о своемъ старомъ знакомствѣ съ Плеве. Бунге немедленно сталъ настаивать, что въ такомъ случаѣ я долженъ навѣстить его и просить объ ускореніи, такъ какъ Департаментъ Полиціи—единственная инстанція, справки отъ которой обо мнѣ не достаетъ!

Разумѣется, я немедленно поспѣшилъ явиться къ Плеве, но два раза напрасно, не заставая его на квартирѣ и въ третій разъ отправился прямо въ Департаментъ,—къ Цѣпному мосту—гдѣ засталъ его, какъ сообщилъ мнѣ дежурный жандармъ, за дѣломъ. Я послалъ ему карточку и былъ принятъ весьма скоро, но видимо холодно и оффиціально, не такъ, какъ прежде, въ комнатѣ, гдѣ онъ производилъ, вѣроятно, какое-нибудь дознаніе или допросъ. На вопросительный его взглядъ я обстоятельно объяснилъ причину визита и даже сказалъ, что дѣлаю его по совѣту Бунге. „Я надѣюсь", отвѣтилъ мнѣ Плеве, „что относительно Васъ никакихъ препятствій не встрѣ-

тится... Но скажите мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ Вы думаете совмѣстить Вашу новую должность съ профессурой и совмѣстимы ли онѣ?“ Я ему горячо и довольно длинно объяснилъ желаніе мое принести Россіи посильную пользу правильной постановкой фабричнаго и рабочаго законодательства у насъ и доказывалъ, что сверхъ того эта новая обязанность должна доставить мнѣ много полезныхъ экономическихъ свѣдѣній, которыхъ даже, какъ профессоръ и ученый, я инымъ способомъ и получить не въ состояніи, особенно въ Россіи и о Россіи.

Плеве, повидимому, со мной согласился и сказалъ только: „Въ такомъ случаѣ желаю Вамъ успѣха и обѣщаю категорически завтра же послать въ Министерство Финансовъ о Васъ удовлетворительный отзывъ... Прощайте“!

Слѣдующее мое свиданіе съ Вячеславомъ Константиновичемъ произошло черезъ два года въ комиссіи по пересмотру нашихъ фабричныхъ законовъ и уже было описано въ одной изъ предшествующихъ главъ. В. К. Плеве уже занималъ постъ Товарища Министра при графѣ Толстомъ, и ему поручено было Министромъ предсѣдательство междувѣдомственной комиссіи, созданной по поводу частыхъ въ то время волненій между рабочими. Все теченіе занятій этой комиссіи и важные результаты ея работы, положившей начало у насъ законодательству по этому предмету, описаны мною на своемъ мѣстѣ достаточно подробно, а потому я повторять ихъ не буду. Я принималъ участіе въ этой комиссіи весьма дѣятельное и видался съ Плеве очень часто въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ С.-Петербургѣ. Относился онъ ко мнѣ сначала довольно холодно и сдержанно подъ вліяніемъ, очевидно, воспоминаній (какъ и сознался впослѣдствіи) о моемъ пренебреженіи его знакомствомъ въ бытность его въ Департаментѣ Полиціи. Позднѣе, однако, постепенно ледъ растаялъ: работая совмѣстно и видя во мнѣ, какъ онъ не разъ замѣчалъ, незамѣнимаго помощника въ выработкѣ правилъ новаго промышленнаго и рабочаго законодательства, онъ сдѣлался любезнѣе. Нѣсколько разъ Вячеславъ Константиновичъ являлся ко мнѣ для посѣщенія и бесѣды въ скромнѣйшую Марьинскую гостиницу въ Апраксиномъ дворѣ, въ которой я останавливался, подшучивая даже надъ моимъ домашнимъ костюмомъ (жакетка съ прорванными локтями) и простотой, съ которой я жилъ въ гостиницѣ, излюбленной лишь мелкими провинціальными купцами и торговцами!

Послѣ окончанія фабрично-заводской коммиссіи, и затѣмъ опубликованія ея результатовъ въ видѣ новыхъ законовъ 1885—86 годовъ я видѣлъ въ ближайшее къ тому время Плеве всего раза три и

изъ нихъ одинъ разъ по его личной иниціативѣ, а именно: онъ просилъ меня черезъ полгода сообщить ему письменно для будущихъ соображеній о разныхъ неудобствахъ и недосмотрахъ новыхъ фабричныхъ законовъ, обнаруженныхъ практикой, что я и сдѣлалъ въ особомъ довольно обширномъ докладѣ (напечатанномъ мною впослѣдствіи въ приложеніи къ моей книгѣ „Воспоминанія фабричнаго инспектора перваго призыва"). Затѣмъ, какъ сообщалось объ этомъ мною раньше, въ 1886 году, когда низменные представители печати вродѣ г. Шарапова и Гилярова-Платонова съ самими гг. фабрикантами начали противъ меня настойчивую травлю въ печати и засыпали доносами начальство, чтобы выкурить меня изъ фабричныхъ инспекторовъ, мнѣ пришлось вновь побезпокоить и обратиться къ Плеве съ просьбой о помощи и защитѣ противъ этихъ недостойныхъ преслѣдованій. Собственно одна ничтожная капля переполнила этотъ грязный бассейнъ доносовъ и сплетенъ. Въ расцѣнкахъ фабричныхъ лавокъ (спеціально Богородско-Глуховской фабрики Морозовыхъ) были вычеркнуты моимъ помощникомъ недозволенные къ продажѣ разные сорта дорогой рыбы: осетрины, семги и пр., отпускаемой въ лавкѣ въ кредитъ. Это сдѣлано было въ силу данныхъ намъ словесно инструкцій изъ Петербурга и вовсе не по моему личному желанію. Г. Шараповъ донесъ въ своей статьѣ, что эта мѣра инспекціи указываетъ на ея желаніе препятствовать и ограничивать рабочихъ-де *отъ соблюденія постовъ, предписанныхъ нашею церковью*... и вотъ, какъ выражается одинъ изъ героевъ Тургенева, „Бирюлевскимъ барышнямъ все сдѣлалось извѣстно!..."

Изъ вполнѣ вѣрнаго источника, который назвать не могу, я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что эта гнусная выходка г. литератора, своимъ участіемъ до сихъ поръ срамящаго нашу печать, была доложена и сообщена К. П. Побѣдоносцеву, и мнѣ посовѣтовали частнымъ образомъ объясниться и устранить дальнѣйшій ходъ этой безчестной выдумки. Я поѣхалъ въ Петербургъ просить участія и заступничества Плеве; онъ переговорилъ, какъ объяснилъ мнѣ, съ кѣмъ надлежитъ, т. е. съ К. П. Побѣдоносцевымъ, и устранилъ всякія возможныя отсюда осложненія, предупреждая, однако, чтобы впредь я былъ „осторожнѣе"... но такъ какъ въ дѣйствительности, по моему искреннему убѣжденію, я никакой неосторожности себѣ не позволилъ, а дѣйствовалъ лишь согласно духу и буквѣ закона, то мысленно тогда же рѣшилъ уйти изъ инспекторовъ, хотя свое намѣреніе никому пока не сообщалъ.

Позднѣе, послѣ своего выхода изъ состава фабричной инспекціи въ сентябрѣ 1887 года, я утратилъ поводъ и возможность видѣть В. К. Плеве. Если не ошибаюсь, первый разъ послѣ этого инцидента—борь-

бы съ доносами, я встрѣтился съ Плеве, гуляя на улицѣ осенью или зимою 1898—99 года, уже переселившись въ Петербургъ, въ качествѣ академика. Обратно съ послѣдующимъ временемъ въ обществѣ и печати о Плевѣ, какъ о женѣ Цезаря въ Римѣ, молчали или мало говорили: онъ былъ тогда Государственнымъ Секретаремъ; поэтому, естественно, разговоръ какъ-то сразу сосредоточился на мнѣ: онъ разспрашивалъ обо всемъ происходившемъ со мной за эти *одиннадцать лѣтъ*, которыя мы не видались, при чемъ къ моему пріятному удивленію обнаружилось, что онъ не только до извѣстной степени зналъ о разныхъ эпизодахъ моей жизни изъ газетъ и разсказовъ, но даже не прочь мнѣ былъ помочь, гдѣ дѣло соприкасалось съ его компетенціей. Такъ онъ зналъ и принималъ какое-то косвенное участіе, по своей должности, по поводу моей просьбы о сокращеніи срока моей профессорской пенсіи, ради скорѣйшаго переселенія въ Петербургъ. Я его проводилъ, при этой встрѣчѣ, помнится мнѣ, отъ Морской до его квартиры на Литейномъ. Въ заключеніе онъ любезно пригласилъ на минуту зайти къ нему отдохнуть, что̀ я и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ отплатилъ визитъ, но не засталъ меня на квартирѣ. Я, въ свою очередь, конечно вновь сдѣлалъ ему посѣщеніе, но также неудачно: не засталъ дома. Наше возобновленное знакомство какъ-то не клеилось, и я больше его не встрѣчалъ и только мелькомъ видѣлъ потомъ одинъ разъ въ ресторанѣ Кюба, 12 января, въ Татьянинъ день—праздникъ бывшихъ питомцевъ Московскаго университета. Здѣсь же былъ тогда (если не ошибаюсь, въ 1899 г.) Н. П. Боголѣповъ, который отвлекъ меня отъ Вячеслава Константиновича начавшимся съ нимъ какимъ-то любопытнымъ разговоромъ.

Прошло опять нѣсколько лѣтъ, пока я увидалъ вновь Плеве и при томъ при совершенно особыхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Въ 1902 году мое здоровье опять пошатнулось настолько сильно, что пришлось подумать на этотъ разъ объ экстренномъ леченіи. Въ январѣ этого года, по совѣту нѣсколькихъ моихъ знакомыхъ и между прочимъ добраго Льва Львовича, графа Толстого, сына нашего писателя, я рѣшился обратиться за совѣтомъ къ знаменитому шведскому врачу, у насъ еще мало извѣстному доктору, Теодору Вестерлунду, проживающему зимой обычно въ маленькомъ городкѣ Энчёпингъ (Enköping) въ Швеціи, верстахъ въ шестидесяти отъ Стокгольма. Его паціентами являются преимущественно мѣстные жители, а также норвежцы, датчане, финляндцы и отчасти встрѣчаются и россіяне. Леченіе его отличается индивидуальнымъ характеромъ, смотря по болѣзни и личности больного, и не имѣетъ ничего шаблоннаго, какъ у многихъ другихъ знаменитыхъ врачей. Глав-

ная суть леченья заключается отнюдь не въ лекарствахъ и стряпнѣ аптекарской кухни (хотя онъ и ихъ не отвергаетъ, обратно съ извѣстнымъ, напримѣръ, нѣмцемъ Ламаномъ), но въ соотвѣтствующемъ режимѣ, занятіяхъ и питаніи больного. Съ особеннымъ успѣхомъ, какъ слышно, почтенный докторъ помогаетъ въ болѣзняхъ сердца и нервовъ. При этомъ онъ сразу завоевываетъ симпатію и полное довѣріе своихъ паціентовъ своимъ удивительнымъ безкорыстіемъ, о которомъ всѣ знаютъ. Боже сохрани, Вестерлундъ не запрашиваетъ и не требуетъ ничего напередъ уговорнаго отъ паціента, да еще по таксѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ знаменитые врачи: онъ довольствуется тѣмъ, что дадутъ, а если паціентъ бѣденъ, то пользуетъ и совсѣмъ даромъ. Чтобы лечить по его системѣ, и чтобы надзоръ за больными былъ удовлетворителенъ, онъ организовалъ въ Энчёпингѣ нѣсколько пунктовъ для больныхъ—своего рода санаторіи—sjukhuset. Лица, принимающія въ городкѣ этомъ больныхъ на свое иждивеніе за уговорную плату—обычно дамы, поступаютъ добровольно подъ непосредственный надзоръ доктора Вестерлунда и точно слѣдуютъ всѣмъ его указаніямъ и только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ разрѣшаетъ больнымъ жить въ данныхъ санаторіяхъ. Точно, по золотникамъ, взвѣшивается пища больного, которая ему отпускается, опредѣляется строго весь обиходъ дня, что больной долженъ дѣлать—лежать или ходить и сколько времени до минуты, въ случаѣ предписанія, работать, напримѣръ, на ручномъ ткацкомъ станкѣ. Періодически больные взвѣшиваются, а жидкія отдѣленія ежедневно измѣряются; и все это дѣлается за весьма скромную плату!.. Фёркенъ Гильемо, хозяйка такой санаторіи, у которой мнѣ пришлось жить, была истинной сестрой милосердія, которая вошла во всѣ интересы моего здоровья и благополучія и была строга лишь относительно размѣровъ пищи, мнѣ докторомъ предписанныхъ. Она даже для моего развлеченія добыла гдѣ-то кипу русскихъ книгъ, не говоря уже о газетахъ и журналахъ на шведскомъ языкѣ, которому я началъ усердно учиться.

Я пробылъ въ Энчёпингѣ паціентомъ доктора Вестерлунда всего три мѣсяца слишкомъ, изъ коихъ около двухъ мѣсяцевъ леченіе заключалось въ лежаніи день и ночь на строгой, крайне умѣренной діэтѣ (въ питьѣ ограниченія не было, обратно другимъ системамъ, но пить дозволялось единственно искусственное Виши). Къ этому присоединялся пріемъ каждый вечеръ различнаго слабительнаго лекарства. Тщательное выслушиваніе сердца и постукиванье происходило при каждомъ посѣщеніи доктора не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. „Вашему сердцу необходимо отдохнуть“, говорилъ этотъ проницательный и въ то же время благороднѣйшій врачъ и чело-

вѣкъ, и въ этомъ направленіи построена была вся его система. Ритмъ моего сердца значительно улучшился, его біеніе сдѣлалось правильнымъ и ровнымъ, хотя и было сначала очень слабымъ. Постепенно сердце отдыхало, но я въ то же время благодаря діэтѣ значительно похудѣлъ, потерялъ въ вѣсѣ что-то около пуда; и вотъ послѣ этого продолжительнаго лежанія, докторъ разрѣшилъ мнѣ, наконецъ, встать и попробовать свои силы—прогуляться съ помощью жены и опираясь сильно на палку около четверти часа; затѣмъ каждый день прогулка наша увеличивалась ровно на пять минутъ, пока не равнялась уже цѣлымъ двумъ часамъ. Тогда Вестерлундъ объявилъ мое леченіе оконченнымъ, разрѣшилъ вернуться домой, въ Россію, отдохнуть тамъ мѣсяцъ, другой и затѣмъ ѣхать въ какую-нибудь горную мѣстность Швейцаріи или Тироля съ цѣлью Terrain-kur и пользованія живительнымъ горнымъ воздухомъ.

Само собой разумѣется, что при продолжительномъ двухмѣсячномъ лежаньи, по предписанію доктора, безъ всякаго иного развлеченія кромѣ чтенія газетъ и старыхъ, мнѣ большею частью извѣстныхъ, произведеній, въ приложеніяхъ къ „Нивѣ"—Тургенева, Достоевскаго и Боборыкина—и несмотря даже на всѣ старанія добрѣйшей души моей хозяйки Гильемо занимать меня разговоромъ, не говоря о женѣ, которая, впрочемъ, сама сначала хворала, я не могъ, разумѣется, не скучать и искалъ утѣшенія прежде всего въ думахъ о родинѣ и ея политическихъ и экономическихъ затрудненіяхъ и задачахъ: вѣдь значительная часть моего тридцатилѣтняго курса чтенія въ университетѣ была имъ посвящена. Всѣмъ этимъ думамъ и мечтаньямъ скоро доставило хорошій и обильный матеріалъ и поводъ важное событие для Россіи — назначеніе Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ широкими при томъ, какъ видно было, полномочіями и надеждами, столь хорошо и давно мнѣ знакомаго В. К. Плеве. Зная его лично за много лѣтъ и при томъ на дѣлѣ, при выработкѣ фабричнаго законодательства, за очень умнаго и способнаго человѣка и вовсе не такого прямолинейнаго консерватора, какимъ былъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, а способнаго на уступки, гдѣ это требовалось временемъ или вызывалось необходимостью, я надѣялся, что Плеве можетъ сдѣлать для Россіи много добра и пользы, если пойметъ свое положеніе и истинные пути, которые поведутъ Россію къ дальнѣйшему процвѣтанію, а не къ упадку, какъ видимо къ тому шли представители реакціоннаго элемента въ нашемъ обществѣ. Конечно, я отнюдь не тѣшилъ себя надеждой видѣть въ лицѣ новаго министра либеральнаго дѣятеля, но я ожидалъ, что Вячеславъ Константиновичъ съ его умомъ и способностями легко пойметъ, что нельзя идти старыми проторенными пу-

тями бюрократическихъ препонъ и препятствій, а надо попробовать новые способы достиженія благополучія Россіи. Я помнилъ хорошо, какъ внимательно выслушивалъ когда-то Плеве мои соображенія о разныхъ сторонахъ фабричнаго закона, извлеченныя изъ знакомства съ практикой жизни, и несогласныя съ его собственными взглядами, и въ концѣ концовъ охотно мѣнялъ иногда свое рѣшеніе и примыкалъ къ моему мнѣнію.

Въ своихъ долгихъ размышленіяхъ и мечтаніяхъ, прикованный къ одру болѣзни, я отнюдь, впрочемъ, не задавался какими-нибудь широкими планами переустройства всѣхъ сторонъ русской жизни на новыхъ конституціонныхъ устояхъ и началахъ. Вообще, я совсѣмъ не занимался политической стороной вопроса (былъ равнодушенъ къ ней) и исключительно имѣлъ въ виду лишь нѣкоторыя стороны государственной жизни, мнѣ ближе знакомыя, и на которыя, по-моему, желательно было бы обратить вниманіе Плеве. Въ воздухѣ въ это время уже пахло революціей; чувствовалась близость большихъ смутъ, которыя вскорѣ и осуществились вслѣдъ за японской войной; правительство, думалось мнѣ, чтобы остановить и обезвредить эту грядущую бѣду, признаки которой были для всѣхъ ясны, должно было идти навстрѣчу народному недовольству, ослабить, устранить поводы къ смутѣ и тѣмъ предупредить ее.

Изъ очень многихъ причинъ, питавшихъ революціонное настроеніе и вкусы въ обществѣ, я остановилъ свое вниманіе прежде всего не на общихъ формахъ управленія, а на крайне несовершенной у насъ постановкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ государственнаго быта. Такъ, работая когда-то вмѣстѣ съ Плеве надъ рабочимъ вопросомъ, я и остановилъ первое вниманіе на немъ. Цѣлыя недѣли невольнаго бездѣйствія моего въ Энчёпингѣ я посвятилъ прежде всего на размышленіе и взвѣшиваніе деталей, при разностороннемъ освѣщеніи, русскаго рабочаго вопроса. Для меня выкристаллизовалась вполнѣ ясно и опредѣленно необходимость поспѣшить съ возможно широкимъ развитіемъ правъ русскаго рабочаго и важность спѣшнаго созданія для него лучшихъ условій существованія: получивши незадолго передъ этимъ, въ началѣ моей инспекторской дѣятельности, права на голое-существованіе, на свой заработокъ и время, рабочій естественно вошелъ во вкусъ новыхъ, лучшихъ условій; кстати этому были и другія стороннія благопріятствующія причины. Необходимо было дать ему то, чѣмъ всегда владѣли фактически его хозяева — права на соглашеніе, союзъ и распоряженіе своею собственностью, у рабочаго же главная собственность — его руки и трудъ. Короче, думалъ я, чтобы вырвать одинъ изъ зубовъ будущей революціи, завладѣть симпатіей рабо-

чихъ и выдвинуть изъ нихъ болѣе тихіе, консервативные элементы, правительство обязано не останавливаться на распутьи, идти навстрѣчу ихъ законнымъ желаніямъ и, не дожидаясь ихъ просьбъ, наперекоръ всѣмъ вожделѣніямъ фабрикантовъ, дать рабочимъ право стачекъ и право союзовъ, съ необходимыми, конечно, ограниченіями на первыхъ шагахъ и высшимъ надзоромъ государства.

Второй важный предметъ моихъ размышленій въ Энчёпингѣ, имѣющій крупное государственное значеніе въ моихъ глазахъ, это университетскій вопросъ или вопросъ объ организаціи высшаго образованія въ Россіи. Если фабрично-рабочій вопросъ можно сравнить послѣднее время съ естественнымъ питомникомъ у насъ частой смуты и недовольства въ нашемъ некультурномъ отечествѣ, то и университеты въ значительной степени, къ сожалѣнію, играютъ ту же роль. Необходима совершенная перемѣна постановки у насъ всего образовательнаго дѣла, чтобы оно приносило только пользу. Тридцатилѣтнее профессорство даетъ мнѣ право считать себя достаточно компетентнымъ судить о крайней непригодности нашего высшаго образованія, служащаго часто не для истиннаго просвѣщенія народа, а лишь для созданія опаснаго горючаго матеріала для всякаго рода безпорядковъ, существенно вредныхъ для страны.

Третій важный государственный вопросъ, на который существенно надо было обратить вниманіе въ виду грядущихъ смутъ, по моему мнѣнію, былъ вопросъ еврейскій, или о ненормальномъ и несправедливомъ положеніи у насъ евреевъ, что̀ невольно создаетъ изъ этого способнаго народа готовый контингентъ для революціи, отвлекаетъ множество талантливыхъ людей изъ ихъ среды отъ службы общей родинѣ Россіи, которой они могли бы приносить несомнѣнную пользу во многихъ сферахъ народной дѣятельности, а не вредить только въ качествѣ, зачастую, недобросовѣстныхъ закладчиковъ, маклаковъ, коммиссіонеровъ, инициаторовъ многихъ преступныхъ организацій, а послѣднее время и революціонныхъ смутъ. *Мы, русскіе, сами виноваты*, въ значительной степени, *во вредной роли, которую евреи играютъ въ нашей народной жизни.*

Вотъ, собственно, три пункта, или вопроса, которые меня занимали въ длинныя ночи и дни моего тягостнаго лежанія въ Энчёпингѣ. Шведскія газеты, которыя мы съ женой глотали въ огромномъ количествѣ, были весной того года (1902) переполнены статьями о Плеве и его возможной будущей политикѣ. Большой портретъ Плеве и обстоятельная статья о его прошломъ были помѣщены въ извѣстнѣйшей Aftonbladet съ самыми мрачными предсказаніями для будущаго Финляндіи—этого маленькаго, но злокачественнаго прироста къ обширному государственному тѣлу Россіи, которая яв-

ляется постояннымъ и злобнымъ источникомъ всякихъ клеветъ и вздорныхъ, часто незаслуженныхъ обвиненій противъ нашей несчастной родины [1]).

Перечисленныя размышленія о судьбахъ Россіи въ указанныхъ трехъ пунктахъ буквально мнѣ не давали спать и лишали покоя. Къ счастью леченье мое уже подходило къ концу, и я сталъ понемногу двигаться по пустыннымъ улицамъ шведскаго городишки, желая путемъ движенія пріобрѣсть недостающій сонъ. Впрочемъ мало-по-малу я успокоился на мысли, что *я нравственно обязанъ*, какъ лицо когда-то знакомое съ Плеве, сообщить ему свои соображенія. Сначала я собирался даже сдѣлать это письменно въ самомъ Энчёпингѣ, но потомъ раздумалъ, придя къ заключенію, что трудно все выразить и мотивировать основательно на бумагѣ, тѣмъ болѣе попадетъ ли мое письмо еще прямо въ руки Министра?! Потому я окончательно рѣшилъ ждать своего возвращенія домой и постараться видѣть Вячеслава Константиновича и изложить ему свои мысли лично при свиданіи, путемъ живой рѣчи.

Во второй половинѣ апрѣля, благословляя Вестерлунда за несомнѣнную помощь и пользу, которую онъ оказалъ моему здоровью, и распростившись нѣжно съ моей хозяйкой и благодѣтельницей госпожею Гильемо, я вернулся домой въ Петербургъ. Отдохнувши недѣли двѣ, я немедленно сталъ искать способа добиться аудіенціи у Плеве и при томъ заставить выслушать терпѣливо плоды всѣхъ моихъ Энчёпингскихъ размышленій. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшился обратиться за помощью къ моему товарищу по Московскому университету Н. А. Звѣреву, въ это время занимавшему должность, какъ извѣстно, Начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Я попросилъ его именно при одномъ изъ его докладовъ Министру, которые происходили по субботамъ, передать Вячеславу Константиновичу словесно мою просьбу дозволить мнѣ посѣтить его въ свободное для него время, примѣрно на полчаса, *для бесѣды по нѣкоторымъ государственнымъ вопросамъ*; я просилъ Н. А. Звѣрева въ разговорѣ съ Министромъ, какъ на нѣкоторое право съ моей

---

[1]) Удобнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Въ городокъ Энчёпингъ, въ бытность мою тамъ, пріѣзжалъ какой-то финляндецъ (имя его я забылъ) прочесть двѣ лекціи о Россіи и финляндскихъ дѣлахъ. Узнавши изъ бесѣдъ съ публикой, что на его первой лекціи была русская дама (моя жена), онъ спеціально обратился съ просьбой къ милѣйшей нашей хозяйкѣ Гильемо, чтобы *она уговорила русскую даму не приходить на его вторую лекцію*, ибо ея присутствіе его стѣсняетъ,—надо думать, хорошія и вѣрныя вещи онъ собирался сообщать о нашей родинѣ!?!

стороны, сослаться на наше долголѣтнее знакомство, но при этомъ непремѣнно добавить, что я въ данной бесѣдѣ съ Министромъ отнюдь не преслѣдую никакихъ личныхъ цѣлей и ни о чемъ для себя не прошу. Понравится или не понравится Вячеславу Константиновичу предметъ моего сообщенія, я убѣдительнѣйше прошу его, во имя нашей старой пріязни, оставить мысль о какомъ-либо личномъ для меня удовольствіи. *Мнѣ рѣшительно ничего отъ него не нужно*: я хочу съ нимъ поговорить *исключительно лишь въ общественныхъ интересахъ*, какъ я ихъ понимаю.

Н. А. Звѣревъ обѣщалъ буквально и точно, какъ я его о томъ просилъ, передать мою просьбу Плеве и въ субботу вечеромъ уже сообщилъ мнѣ, что Плеве принялъ мое предложеніе очень любезно, вспомнилъ съ похвалой мнѣ о томъ, какъ мы съ нимъ работали вмѣстѣ по фабричному законодательству, и обѣщалъ немедленно выбрать время для свиданія и сообщить мнѣ о немъ. Въ воскресенье я уже получилъ съ курьеромъ собственноручное любезное письмо отъ Министра, сообщавшее, что Вячеславъ Константиновичъ будетъ ждать меня для бесѣды на другой день въ понедѣльникъ, вечеромъ (это было въ началѣ мая 1902 года).

Въ назначенное время, ровно въ 9 часовъ вечера, я явился въ квартиру Министра, близъ Цѣпного моста, и немедленно былъ принятъ въ его кабинетъ. Прежде всего я счелъ нужнымъ извиниться за безпокойство, которое причиняю ему своимъ визитомъ, мною настойчиво истребованнымъ, и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ поводъ своего посѣщенія; разсказалъ о своей недавней болѣзни и пребываніи въ Швеціи во время его назначенія на высокій постъ Министра, и какъ я постепенно пришелъ къ убѣжденію, въ качествѣ стараго его знакомаго, что я долженъ непремѣнно подѣлиться съ нимъ моими мыслями въ интересахъ Россіи: никакихъ личныхъ цѣлей я не преслѣдую и ничего отъ него не желаю, но питаю лишь надежду, что, можетъ быть, съ нѣкоторыми изъ моихъ идей Министръ согласится, онѣ найдутъ у него откликъ, или послужатъ по крайней мѣрѣ матеріаломъ какъ независимый голосъ изъ общества, что̀ едва ли до него часто доходитъ...

Вячеславъ Константиновичъ на это вступленіе отвѣтилъ мнѣ, какъ мнѣ показалось сначала, довольно сухо и рѣзко, что онъ всегда готовъ выслушать мнѣніе каждаго лица по государственному вопросу и принять къ свѣдѣнію, если съ мыслью согласится, и что я, спеціально, имѣлъ возможность благодаря продолжительному моему съ нимъ знакомству сообщать и передавать ему откровенно всѣ свои мысли и желанія, тѣмъ болѣе не преслѣдующія личныхъ цѣлей, но что онъ хорошо помнитъ, что я по своему собственному желанію

замѣтно уклонялся и избѣгалъ прежняго знакомства и сближенія съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. „Вы представляли, мнѣ казалось, мнѣнія кружка „Русскихъ Вѣдомостей“, которыя съ моими иногда не укладывались, а потому, надо думать, и удалялись меня“.

Такъ какъ въ послѣднемъ упрекѣ Плеве было много справедливаго, то мнѣ было бы очень трудно его отпарировать, и я постарался уклониться отъ прямого отвѣта одной лишь ссылкой на желаніе мое побесѣдовать о нѣкоторыхъ государственныхъ вопросахъ, лишь теперь, когда онъ получилъ прямую власть и при томъ опять таки безъ всякаго отношенія къ моимъ личнымъ интересамъ и прежнему образу дѣйствія. Какъ человѣкъ независимый по общественному и экономическому положенію, я просто желаю побесѣдовать съ нимъ, какъ съ лицомъ власть имущимъ, по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, надѣясь, что авось онъ обратитъ на мои мысли вниманіе, и изъ нихъ получится нѣкоторая польза для общественнаго дѣла... Затѣмъ, я прямо приступилъ къ дѣлу и остановилъ его вниманіе исключительно (при этомъ оговорился на первый разъ)— на трехъ лишь пунктахъ, которые здѣсь съ точностью, но вкратцѣ и въ сжатомъ видѣ изложу. (Къ счастью, наканунѣ моего посѣщенія къ Министру, опасаясь, что во время бесѣды съ нимъ, если онъ меня будетъ прерывать какими-нибудь посторонними разспросами, то я пропущу что-нибудь важное, я набросалъ краткій конспектъ моего, такъ-сказать, будущаго словеснаго доклада Министру. Совершенно неожиданно, во время писанія настоящихъ воспоминаній, я нашелъ этотъ набросокъ въ грудѣ своихъ бумагъ, а потому могу возстановить содержаніе самаго разговора вполнѣ правильно и точно, хотя можетъ быть слишкомъ кратко). Вся бесѣда, вмѣсто просимаго мною у Министра „полчаса“ въ дѣйствительности продолжалась до 10 1/2 часовъ вечера, т. е. цѣлые полтора часа, въ теченіе коихъ я все говорилъ и говорилъ, Плеве же внимательно слушалъ и лишь изрѣдка вставлялъ немногія фразы, вопросительнаго характера или одобрительнаго содержанія. Вотъ сущность бесѣды:

Я указалъ прежде всего на развитіе въ Россіи революціоннаго духа и признаки приближенія революціи, что министръ едва ли отрицать будетъ. Я считаю всякую революцію или переворотъ, если онъ происходитъ насильственно, большимъ зломъ для страны, а потому опасаюсь катастрофы, гибели многихъ существенныхъ интересовъ и возможной передѣлки и переустройства всего государственнаго быта, вовсе не по указанію дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей страны и, при томъ слишкомъ поспѣшно и мало обдумано... Въ виду разнообразнаго и трудно поправимаго зла, которое

вообще революція можетъ принести Россіи, я считаю, какъ человѣкъ, любящій свою родину, необходимымъ всячески бороться и противодѣйствовать этому теченію, причинъ которому много и знать ихъ—равносильно имѣть и самую возможность бороться съ революціоннымъ духомъ.

Ограничиваясь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ, ближе мнѣ знакомыхъ причинъ развитія грядущей революціи, я остановился сначала на первомъ планѣ на поводѣ, который предполагалъ обоимъ намъ съ Министромъ близкимъ къ сердцу—на неустройствѣ фабрично-рабочаго вопроса въ Россіи. Какъ авторъ закона 3 іюня 1886 года и другихъ позднѣйшихъ узаконеній, давшихъ рабочимъ нѣкоторыя человѣческія права, Министръ долженъ за этимъ вопросомъ необходимо признавать крупное значеніе (Плеве кивалъ мнѣ утвердительно головой). Какъ всякой живой организмъ, человѣкъ съ теченіемъ времени измѣняется, и нашъ рабочій классъ, что бы ни говорили о его связи съ землей и съ крестьянскимъ бытомъ, растетъ и развивается; если онъ полусознательно доволенъ закономъ 1886 года, обезпечившимъ ему право на личный заработокъ и первыя попытки регуляціи противъ злоупотребленій хозяевъ и пр., то въ настоящее время этого слишкомъ мало: русскій рабочій наслушался о классныхъ интересахъ и желаетъ попробовать собственныя силы въ защиту своихъ правъ противъ предпринимателей. Необходимы дальнѣйшіе шаги законодательства навстрѣчу этимъ потребностямъ и не дожидаясь ихъ бурнаго и насильственнаго проявленія.

Короче, надо идти дальше, завершить начатое дѣло переустройства всего фабрично-рабочаго быта. Несмотря на надѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ землей и пр., у насъ замѣтно создается и увеличивается свой собственный пролетаріатъ, такой же, какъ въ Западной Европѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ однѣ силы правительства недостаточны для установленія мирнаго сколько-либо сожитія для интересовъ двухъ классовъ—рабочихъ и капиталистовъ: необходимо допустить ихъ *самодѣятельность*, что отчасти, но очень односторонне и теперь проявляется, по крайней мѣрѣ для одной стороны—предпринимателей. Въ этихъ видахъ я считаю, не касаясь вопросовъ общаго государственнаго устройства, безусловно необходимымъ:

„1. Созданіе и веденіе рабочими ихъ союзовъ для защиты интересовъ и для улучшенія ихъ экономическихъ условій труда и вообще быта“.

„2. Вслѣдъ за созданіемъ права союзовъ—свободное разрѣшеніе рабочимъ стачекъ или забастовокъ кромѣ тѣхъ слу-

чаевъ, гдѣ этому противорѣчатъ иные болѣе важные государственные или экономическіе интересы".

„3. Завѣдываніе фабрично-рабочимъ вопросомъ Министерствомъ Финансовъ противорѣчитъ существу дѣла и равносильно сидѣнію между двумя стульями, такъ какъ Министръ Финансовъ долженъ заботиться о возможномъ удовлетвореніи интересовъ фабрично-промышленныхъ классовъ предпринимателей и въ то же время о наилучшемъ устройствѣ и удовлетвореніи интересовъ представителей труда, что къ сожалѣнію часто, хотя и не всегда, совершенно несовмѣстимо и противорѣчитъ одно другому. Единственнымъ выходомъ можетъ въ данномъ случаѣ служить раздѣленіе вѣдомствъ, и если Министръ Финансовъ заботится на-ряду съ фискальными интересами о наилучшемъ удовлетвореніи выгодъ торгово-промышленныхъ предпринимателей, то такая же забота о другой сторонѣ, гораздо болѣе многолюдной, о рабочихъ, должна быть перенесена и возложена на единственное вѣдомство, которому довѣрено созданіе и наблюденіе порядка и благополучіе цѣлаго народа—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" [1]).

Все это я говорилъ, иллюстрируя вводными примѣрами и разсужденіями, здѣсь не сохранившимися, и излагалъ съ большимъ жаромъ и убѣжденіемъ. Вячеславъ Константиновичъ во время всего изложенія моего доклада, если его такъ назвать, или молчалъ или сочувственно кивалъ головой; когда же я покончилъ вышеуказанный абзацъ, министръ привсталъ и заявилъ мнѣ: „*Съ существомъ всего, что Вы говорили, я вполнѣ согласенъ* и готовъ даже отчасти немедленно приступить къ работѣ въ томъ смыслѣ, какъ вы желаете и прошу Васъ только не отказаться мнѣ помочь, когда понадобится. Затѣмъ прошу продолжать Ваше интересное сообщеніе".

Другая важная причина, питающая революціонный духъ въ Россіи и подготовляющая въ будущемъ переворотъ, это—неустройство университетскаго вопроса. Вмѣсто основательнаго изученія наукъ и дѣйствительнаго распространенія въ странѣ свѣта науки и высшаго образованія, обученіе у насъ ведется крайне поверхностно и узко ути-

---

[1]) Считаю долгомъ напомнить читателямъ моихъ „Воспоминаній", что въ 1902 г., когда происходилъ мой разговоръ съ покойнымъ Плеве, Министерство Торговли и Промышленности, къ которому нынѣ отнесены и заботы о рабочемъ классѣ, еще не существовало, и оно учреждено позднѣе отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ идей или возраженій, которыя мною выше указаны. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, созданіе этого новаго министерства не уничтожаетъ силы моего соображенія.

литарно: все направляется, главнымъ образомъ, къ полученію университетскаго диплома или доступа къ казенному и общественному пирогу, къ служебнымъ выгодамъ и преимуществамъ. Вмѣсто свѣдущихъ профессіональныхъ классовъ, всѣхъ видовъ, и подъема всеобщаго знанія и пытливости, у насъ вырабатывается образованный пролетаріатъ, который стремится по преимуществу лишь къ наилучшему устройству своихъ денежныхъ дѣлъ и стяжанію изъ всѣхъ общественныхъ источниковъ, а вовсе не къ полезной службѣ народу и обществу. Существующая система стипендій въ Россіи имѣетъ также одинъ неизбѣжный результатъ: притягиваетъ ко всѣмъ видамъ управленія и занятій въ странѣ преимущественно бѣдные классы съ хорошими аппетитами, но безъ соотвѣтствующихъ, нерѣдко умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Надо не забывать, что не всѣ бѣдняки родятся Ломоносовыми и являются выдающимися людьми!.. Масса нежелательнаго полузнайства и низкій этическій уровень распространяется въ русскомъ обществѣ, и университетскія стѣны вмѣщаютъ въ себѣ вовсе не наилучшія силы Россіи, а часто наименѣе способныя дать хорошіе умственные и нравственные результаты!!.. Вообще нравственный уровень въ нашихъ образованныхъ классахъ замѣтно понижается...

Занятіе политикой или вмѣшательство ребятъ, учащихся въ университетахъ, въ посторонніе для нихъ государственные вопросы, обратно, напримѣръ, съ Германіей и Англіей, является, несмотря на утилитарныя цѣли поступленія въ университетъ, господствующимъ занятіемъ большинства русской молодежи; и къ стыду нашему, это привлеченіе учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ къ политикѣ, не подлежащей ихъ вѣдѣнію, вмѣсто научныхъ занятій, всегда у насъ совершалось и ведется съ полнаго одобренія всего русскаго общества, взрослыхъ членовъ его, которые въ другихъ странахъ достаточно благоразумны, чтобы обуздывать и препятствовать вмѣшательству юношей въ неподлежащую ихъ вѣдѣнію область.

Разумѣется, государство должно всѣми мѣрами стараться дать доступъ къ высшему образованію бѣднымъ классамъ, какъ и богатымъ, но это можетъ и должно совершаться лишь путемъ болѣе строгаго и тщательнаго выбора кандидатовъ на высшее образованіе и службу, нежели это дѣлается у насъ нынѣ, и какъ установлено въ большинствѣ за границей. Эгоизмъ русскаго общества и малая отвѣтственность молодежи за свои политическіе грѣхи, сравнительно съ взрослыми членами общества, которыхъ наоборотъ караютъ часто слишкомъ жестоко, толкаютъ и санкціонируютъ постоянные безпорядки въ университетахъ, которыми общество только и занимается,

какъ невиннымъ развлеченіемъ съ одной стороны, а съ другой — средствомъ показать правительству кулакъ сравнительно легко и безнаказанно!!!

Что же дѣлать, какъ исправить длительное неустройство нашего университетскаго вопроса?.. Это средство проистекаетъ непосредственно изъ самаго источника указаннаго зла. Права и преимущества кончающихъ высшія учебныя заведенія должны относиться лишь къ ученію, а отнюдь не быть правами служебными или личными. *Никакихъ правъ высшія заведенія, кромѣ учебныхъ, не должны давать*, а для службы должны быть въ каждомъ вѣдомствѣ особые служебные или государственные экзамены, совершенно отличные отъ настоящихъ, несправедливо носящихъ это названіе. Прямой непосредственной связи съ университетскимъ образованіемъ, кромѣ усиленія такъ называемыхъ практическихъ занятій, государственные экзамены не должны имѣть и должны быть такъ же разнообразны, какъ занятія разныхъ служебныхъ профессій и званій.

Картина русскаго высшаго образованія значительно измѣнилась бы съ прекращеніемъ служебныхъ правъ и преимуществъ учащихся:

1) Сильно уменьшилась бы, можетъ быть, въ результатѣ численность учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (собственно въ началѣ), но и сравнительно зато усовершенствовалось бы обученіе и подготовка аспирантовъ въ чиновники, и слѣдовательно качество столь порицаемой русской бюрократіи улучшилось бы.

2) Матеріальные интересы учащихся, прикрываемые нынѣ пышными фразами о любви къ извѣстной отрасли наукъ, отошли бы на задній планъ, представители ихъ отпали бы отъ университетовъ, и получилась бы большая возможность регулировать весь строй занятій.

3) Измѣнилось бы мнѣніе и взгляды общества на безнаказанность и невинность всякой политической пропаганды въ стѣнахъ университета, что̀ способствуетъ нынѣ нескончаемымъ безпорядкамъ, отвлекающимъ отъ занятій.

Черезъ рѣшительную отмѣну всякихъ правъ и преимуществъ, наконецъ, уменьшилось бы число поводовъ къ недовольству молодежи и общественное возбужденіе, постоянно реагирующее на всѣ эти безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а послѣднее время даже и въ среднихъ. Укажу, напримѣръ, на экзаменъ, нынѣ имѣющій важныя служебныя послѣдствія, какъ на та̀ковой поводъ недовольства учащихся.

Послѣ всего указаннаго и развитаго въ моей рѣчи гораздо подробнѣе, В. К. Плеве, выслушавши меня со вниманіемъ, заявилъ, что

въ сущности или въ принципѣ, онъ вполнѣ со мной согласенъ и даже собирается просить меня объ одной работѣ въ связи съ этой темой, когда я покончу все мое сообщеніе. Онъ также, конечно, какъ я, твердо увѣренъ, что неустройство университетской жизни даетъ пищу развитію у насъ революціоннаго духа и подготовляетъ двигателей всѣхъ будущихъ смутъ, поддерживая и распространяя въ то же время въ народѣ недовольство чуть ли не каждой мѣрой правительства. Но, разумѣется, это не можетъ измѣниться скоро или сразу, а лишь постепеннымъ путемъ—поднятіемъ образовательнаго ценза чиновниковъ и, какъ я правильно замѣтилъ, устройствомъ настоящихъ государственныхъ экзаменовъ для доступа на разнообразные виды государственной службы. На первый разъ сказалъ Плеве, онъ хочетъ поднять образованіе чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ устройствомъ для нихъ спеціальныхъ государственныхъ экзаменовъ разныхъ видовъ и вотъ по этому-то вопросу, разъ я интересуюсь имъ, онъ и думаетъ въ скоромъ будущемъ попросить моей помощи...

Послѣ этой части моего доклада или сообщенія послѣдовалъ маленькій антрактъ, во время котораго мы пили чай, принесенный въ кабинетъ, и на нѣсколько минутъ отвлеклись отъ занятій воспоминаніями о разныхъ моментахъ нашихъ встрѣчъ и жизни. При этомъ неизбѣжно былъ помянутъ А. И. Чупровъ, и Министръ задалъ мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ нѣсколько вопросовъ относительно того, что мнѣ извѣстно о его тогдашней жизни и занятіяхъ. Затѣмъ, я перешелъ прямо, по приглашенію Министра, къ изложенію послѣдней части моего предположеннаго доклада—о евреяхъ.

Третью важную причину общаго неустройства въ Россіи и подготовки къ революціи, утверждалъ я, составляетъ неестественное, ненормальное, по моему крайнему убѣжденію, положеніе евреевъ въ Россійской Имперіи. Извѣстныя обязанности должны сопровождаться и соотвѣтствующими правами, и это банальное по своей общепризнанности правило у насъ совершенно не соблюдается въ примѣненіи евреямъ: они несутъ по отношенію государства почти тѣ же самыя обязанности и тягости, какъ и всѣ остальные русскіе подданные: платятъ, напримѣръ, налоги, въ томъ числѣ наиболѣе тяжелый видъ изъ нихъ—налогъ крови, отправляютъ воинскую повинность, отвѣчаютъ такъ же по закону за всѣ свои дѣйствія и нарушенія, какъ и всѣ русскіе, а между тѣмъ ихъ гражданскія и личныя права во многихъ случаяхъ не только ограничены, но даже прямо урѣзаны, по сравненію даже съ низшими по культурѣ и религіи племенами, какъ язычники—шаманисты и т. п. Самое важное право—свобода передвиженія и свобода жизни на значи-

тельной части страны для нихъ ограничено мѣстностями „осѣдлости“ и избѣгнуть этого ограниченія можно лишь обходомъ закона!.. Что же удивляться послѣ этого многочисленнымъ со стороны евреевъ нарушеніямъ законовъ, гдѣ это только возможно, и распространенному чувству обиды, зависти и даже злобы противъ своихъ согражданъ, несправедливо поощряемыхъ и награждаемыхъ государствомъ, которое для евреевъ большею частью является лишь сплошь злой мачихой!..

Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, что вышеуказанныя, какъ и многія другія ограниченія и факты безправія у насъ евреевъ вызываются и оправдываются тѣмъ чрезвычайнымъ вредомъ и непосильной конкуренціей, которую евреи во всѣхъ отношеніяхъ и преимущественно экономическомъ, дѣлаютъ коренному населенію—русскимъ и всѣмъ другимъ согражданамъ. По своимъ высшимъ-де практическимъ способностямъ, хитрости, изворотливости, коммерческому духу, а часто даже безчестности и духу солидарности, кагальности ихъ связующей, евреи вездѣ выигрываютъ и берутъ верхъ, утѣсняя простаковъ-русскихъ и выжимая изъ нихъ соки. Расширеніе правъ евревъ, утверждаютъ, неминуемо уничтожило бы послѣднія препоны къ ихъ стяжанію и закабалило бы все русское населеніе въ пользу еврейскихъ эксплоататоровъ. Даже теперь, несмотря на всѣ ограниченія, значительная часть источниковъ богатства въ Россіи, не говоря о денежномъ капиталѣ, находится въ рукахъ сыновъ Израиля. Уравненіе въ правахъ на жительство и пріобрѣтеніе земель немедленно перевело бы все, утверждаютъ, въ руки евреевъ и сдѣлало бы русскихъ ихъ покорными рабами...

Находя даже всѣ указанныя возраженія противъ еврейскаго равноправія до сихъ поръ въ значительной степени нелишенными справедливости, я тѣмъ не менѣе считаю, сказалъ я Министру, что такое положеніе вещей никакъ не можетъ продолжаться вѣчно и ему долженъ быть положенъ конецъ прежде всего путемъ постепеннаго по возможности *поднятія шансовъ экономической конкуренціи со стороны русскаго населенія, развитіемъ широкаго образованія и воспитанія народа!*. Мы же поступаемъ, какъ разъ наоборотъ: ограничиваемъ всячески школьныя права евреевъ, а сами двигаемся по-черепашьи!!.. Самое святое право человѣка—это его право на просвѣщеніе, на расширеніе его умственнаго кругозора. Если еврейскій народъ такъ рвется и стремится къ образованію (хотя и побуждаемый отчасти практическими соображеніями), и это почтенное качество вызываетъ съ нашей стороны ограниченія доступа для евреевъ въ школы лишь извѣстнымъ процентомъ, то такого рода государственная мѣра является въ

сущности не только явной нелѣпостью, но даже вопіющей безсмыслицей!!? *Стремленіе къ образованію всегда и вездѣ поощряется*, а тутъ наоборотъ, въ нашемъ отечествѣ, оно самыми рѣшительными мѣрами сдерживается!?.. Не было ли бы гораздо справедливѣе и дѣйствительнѣе, если бы государство всѣми возможными способами, своею властью и деньгами, содѣйствовало скорѣйшему расширенію и распространенію самаго большого спроса на образованіе со стороны русскаго народа, а не уничтожало подобное же стремленіе у другого народца, относительно немногочисленнаго? Подобная политика прежде всего самоубійственна, ибо, задерживая ограниченіями такого рода образованіе у евреевъ, она уменьшаетъ его косвенно и у русскихъ, *ослабляя конкуренцію* и лишая Россію многихъ способныхъ ученыхъ и профессоровъ и представителей другихъ занятій, которые могли бы у насъ получиться изъ лицъ Моисеева закона. Многія лица изъ моихъ учениковъ этой вѣры, которые были бы лучшимъ украшеніемъ ученыхъ силъ любого университета, нынѣ въ скудной умственными силами Россіи украшаютъ лишь банковыя конторы и всякіе гешефты!!!.. Евреи особенно опасны до настоящаго времени были въ такихъ профессіяхъ, какъ ростовщики, закладчики, торговые посредники и т. п., и между тѣмъ всѣ эти профессіи остались въ рукахъ евреевъ; а цѣлый рядъ совершенно безвредныхъ занятій является для нихъ въ Россіи запрещенными или стѣсненными!.. Спрашивается, кто въ этомъ виноватъ?!..

Всѣ подобнаго рода соображенія и аргументы мною приводились въ сообщеніи передъ Плеве въ пользу моей главной идеи—о необходимости *постепеннаго расширенія правъ евреевъ*. Государство не можетъ остановиться на вѣчныя времена на теперешнемъ крайне несправедливомъ и невыгодномъ для евреевъ порядкѣ: оно обязано въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ единовременно съ одной стороны стараться поднять образованіе и развитіе и способности русскаго народа (включая, конечно, сюда и другія народности, населяющія Россію), а съ другой единовременно снимать съ евреевъ тяжелыя ограниченія старыхъ законовъ, заставляющихъ насъ по справедливости бранить и ненавидѣть во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Лишь тогда можно разсчитывать на благоустройство и порядокъ въ странѣ, когда признается въ ней хоть элементарная справедливость, взаимоотношеніе правъ и обязанностей, и когда всѣ этнографически и религіозно различныя народности въ странѣ пользуются примѣрно одинаковыми гражданскими правами, а не являются, безъ всякаго положительнаго основанія, случайными пасынками своей родины!!..

Слушая мою довольно горячую реплику въ пользу установленія

равноправія евреевъ, я замѣтилъ, Плеве нѣсколько разъ улыбнулся, и я предположилъ въ своей головѣ, что это произошло вслѣдствіе нѣкоторой, можетъ быть, наивности или слабости моей аргументаціи въ пользу защищаемаго вопроса. Но къ моему великому удовольствію, едва я кончилъ, Вячеславъ Константиновичъ немедленно замѣтилъ, что „я вполнѣ согласенъ со многимъ, что вы сказали о евреяхъ, и вы, вѣроятно, удивитесь, когда я вамъ скажу: всѣ меня почему-то считаютъ юдофобомъ, тогда какъ скорѣе меня слѣдуетъ назвать юдофиломъ; я съ дѣтства знаю евреевъ и уважаю ихъ за многія почтенныя качества. Когда я учился въ дѣтствѣ въ Варшавской гимназіи, то лучшими моими друзьями были евреи, и я о нихъ сохранилъ наилучшія воспоминанія... Если мнѣ, въ качествѣ Товарища Министра, въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ пришлось дѣйствовать противъ евреевъ, то не надо забывать, что я былъ тогда исполнителемъ чужихъ распоряженій, а затѣмъ законъ вообще не долженъ ломать жизни и опережать ее“...

„Въ заключеніе“, сказалъ Министръ, „я очень, очень благодаренъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, за Вашу мысль побесѣдовать со мной по государственнымъ вопросамъ и сообщить мнѣ плоды Вашихъ интересныхъ думъ на чужбинѣ. Изъ трехъ тезисовъ, вами выставленныхъ въ Вашемъ сообщеніи, на первый планъ, по справедливости, Вы поставили рабочій вопросъ. Съ него я и приступлю къ дѣлу, сказалъ Министръ, „въ нашемъ союзѣ и сговорѣ“—выразился онъ со смѣхомъ. Нельзя ничего сдѣлать изъ предположеннаго вами, пока всѣ рабочіе не будутъ въ моемъ вѣдомствѣ, а потому я приступлю немедленно къ хлопотамъ о переводѣ фабричной инспекціи изъ вѣдомства Министерства Финансовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ“.

„Кромѣ того вы, конечно, не должны остановиться въ началѣ столь интереснаго и существеннаго для Россіи дѣла и не откажетесь отъ помощи мнѣ въ будущемъ; надѣюсь, мы будемъ съ Вами по-прежнему друзьями. Начнемъ желательное преобразованіе чиновничества съ устройства настоящихъ государственыхъ экзаменовъ для главнѣйшихъ отраслей службы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Для этой цѣли я Вамъ сообщу кое-какой матеріалъ и въ другое наше свиданіе мои мысли. Постепенно Вы ихъ разработаете, совѣщаясь со мной: надѣюсь, Вы не откажетесь отъ этой первой работы. Очень, очень благодарю Васъ за посѣщеніе и бесѣду... Я хорошо знаю, какъ вы съ этого начали, что Вамъ никакого вознагражденія за Вашъ трудъ не надо, но мы будемъ трудиться изъ любви къ дѣлу... Еще разъ благодарю Васъ и до скораго свиданія!“

Такъ закончилась моя первая бесѣда съ Министромъ по госу-

дарственнымъ вопросамъ, относительно которыхъ мнѣ вздумалось съ нимъ подѣлиться мыслями...

Со времени описаннаго посѣщенія и моего доклада, возобновились довольно дѣятельныя отношенія мои къ В. К. Плеве и довольно частыя свиданія. Нѣсколько мѣсяцевъ (всю зиму и весну 1902—3 г.) я видался съ нимъ нерѣдко ради совѣщанія и бесѣды по поводу приготовляемаго мною проекта государственныхъ экзаменовъ, вслѣдствіе его порученія. Вячеславъ Константиновичъ всегда принималъ меня немедленно, какъ только я появлялся, если былъ дома и свободенъ: иначе же поручалъ сказать, когда можетъ принять меня для бесѣды или заранѣе назначалъ для того время. Позднѣе, когда мы, такъ сказать, привыкли болѣе другъ къ другу, и онъ къ моимъ посѣщеніямъ, я обращался къ нему нерѣдко съ просьбами исключительно, такъ сказать, филантропическаго характера, т. е. просилъ или предстательствовалъ о какомъ-нибудь лицѣ, потерпѣвшемъ отъ тогдашняго стараго полицейскаго режима, напримѣръ, заключеннаго подъ стражу или высланнаго и т. п. Надо отдать полную справедливость, Министръ всегда очень снисходительно и любезно выслушивалъ мою просьбу и часто удовлетворялъ ее: были случаи, когда я самъ по болѣзни не могъ явиться для этой доброй цѣли, тогда за меня являлась моя жена, и онъ одинаково любезно принималъ и выслушивалъ ее, удовлетворяя нѣсколько разъ наши ходатайства за пострадавшихъ.

Примѣрно въ мѣсяцъ или два времени я познакомился бѣгло по книгамъ и документамъ съ вопросомъ о государственныхъ экзаменахъ и составилъ краткій первоначальный планъ проекта экзаменовъ, при чемъ нѣсколько разъ видѣлся съ Плеве и измѣнялъ планъ въ ту или другую сторону. Наконецъ къ веснѣ 1903 года я приготовилъ этотъ проектъ, при чемъ въ отдѣльныхъ частяхъ, въ примѣненіи къ Россіи, по требованію Министра, онъ нѣсколько разъ передѣлывался и измѣнялся. Наконецъ, помнится мнѣ, въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, при свиданіи со мной, Вячеславъ Константиновичъ объявилъ, что въ общихъ чертахъ проектъ, мною составленный, достаточенъ для его цѣлей, и я могу покончить свою работу въ виду своего скораго отъѣзда за границу.—При удобномъ случаѣ онъ воспользуется моей работой, чтобы пустить дѣло въ ходъ, и тогда, конечно, будетъ безпокоить меня опять.

При одномъ изъ послѣднихъ въ этомъ году свиданій, Министръ просилъ указать или рекомендовать ему лицо, пригодное для статистическихъ работъ, которому онъ хотѣлъ бы поручить собраніе и обработку матеріала по фабрично-заводскому вопросу, необходимаго для будущихъ реформъ по этому вопросу.

Почти не колеблясь, я ему указалъ какъ на такое лицо, на извѣстнаго автора многихъ книгъ по рабочему вопросу, доктора Александра Васильевича *Погожева*, который кстати былъ въ то время безъ работы. Министръ просилъ его прислать къ себѣ, что въ скорѣйшемъ времени, переговоривши съ Погожевымъ, я и сдѣлалъ. Какъ извѣстно, онъ былъ принятъ на службу въ Центральный Статистическій Комитетъ, гдѣ исполнилъ свою обширную работу о подсчетѣ рабочихъ въ Россіи, впослѣдствіи напечатанную, по моей же рекомендаціи, Академіей Наукъ.

Перейду теперь къ краткому изложенію моей важнѣйшей работы для Плеве—краткаго проекта государственныхъ экзаменовъ для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ, если фактическая часть проекта, напримѣръ, всѣ справки по иностраннымъ законодательствамъ принадлежатъ мнѣ, то части его, относящіяся къ предполагаемому устройству экзаменовъ въ Россіи, въ значительной степени, принадлежатъ также и Министру. Перечитывая вмѣстѣ со мной этотъ проектъ, Плеве вставлялъ то ту, то другую мысль или просилъ объ измѣненіи, такъ что я по совѣсти въ настоящее время не знаю, какая мысль въ данномъ отдѣлѣ принадлежитъ мнѣ, какая ему, т. е. сообщена въ сущности имъ, а мною только изложена.

Вотъ вкратцѣ, въ немногихъ словахъ, содержаніе этого любопытнаго проекта.

Стараніе привлечь на службу въ вѣдомство Внутреннихъ Дѣлъ подготовленныхъ и пригодныхъ лицъ составляло всегда усиленную заботу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но къ сожалѣнію эта цѣль достигалась въ весьма малой степени, во-первыхъ, потому что въ Россіи вообще число лицъ, получившихъ высшее образованіе, незначительно, и во-вторыхъ, далеко не всѣ лица, имѣющія даже дипломъ высшаго учебнаго заведенія, въ сущности подготовлены достаточно для той разнообразной дѣятельности, которая входитъ въ кругъ заботъ Министерства и его компетенціи; наконецъ, юридическіе факультеты, поставляющіе главнымъ образомъ чиновниковъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вызываютъ послѣднее время неоднократныя нареканія, вмѣстѣ съ указаніемъ на необходимость желательныхъ измѣненій въ постановкѣ всего юридическаго образованія. Достаточно припомнить отвѣтъ Министра Юстиціи въ 1902 г. на запросъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, генерала Ванновскаго.

Наконецъ, сами требованія отъ чиновъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ ходомъ жизни и разсмотрѣніемъ разнообразныхъ обязанностей и заботъ о народномъ благоустройствѣ и благосостояніи, не могутъ удовлетвориться существующими программами выс-

шихъ учебныхъ заведеній, не говоря о чисто техническихъ и спеціальныхъ частяхъ управленія вѣдомства (какъ почтово-телеграфная служба, медицинскій департаментъ, жандармскій корпусъ, и т. д.). Какъ на общей службѣ въ центральномъ управленіи министерства, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ, требуется отъ служащихъ столько разнообразныхъ свѣдѣній и познаній, которыя не укладываются въ однѣ и тѣ же рамки программы любого учебнаго заведенія. На юридическомъ факультетѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ Министерства, отсутствуютъ многія научныя дисциплины, съ нужными для чиновника вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣніями и, наоборотъ, имѣется много излишнихъ. Напримѣръ, полицейское и административное право представлено въ университетахъ большей частью не съ должной полнотой и обстоятельностью, которыя желательны для чиновниковъ этого вѣдомства.

Въ виду подобныхъ же соображеній когда-то были заведены особые, такъ называемые камеральные факультеты въ университетахъ, но по многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь излишне, эти факультеты, за исключеніемъ немногихъ нѣмецкихъ университетовъ, повсюду закрылись, въ виду, главнымъ образомъ, разнородности требованій для слушателей и отдѣленій. Вмѣсто того, въ настоящее время, главный способъ рѣшенія вопроса улучшенія состава чиновниковъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, всюду во всѣхъ странахъ, заключается въ установленіи спеціальныхъ государственныхъ экзаменовъ, которымъ вездѣ въ Европѣ должны подвергаться всѣ лица, за тѣми или иными исключеніями, желающія поступить на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Эти спеціальные служебные экзамены даютъ возможность Министерству строго опредѣлить тотъ уровень и родъ познаній, который оно желаетъ требовать отъ кандидатовъ на свои должности и общее образованіе которыхъ для данной цѣли оно считаетъ необходимымъ.

Государственные экзамены въ разныхъ странахъ Европы достигли разной степени развитія, но вездѣ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, существованіе такихъ экзаменовъ обыкновенно связано съ отсутствіемъ служебныхъ правъ путемъ одного лишь окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Каждый желающій служить обязанъ, по окончаніи курса, помимо университетскаго экзамена, сдать этотъ государственный. Лишь одна Франція вмѣстѣ съ Россіей, за нѣкоторыми исключеніями (судебныхъ, дипломатическихъ, консульскихъ должностей), держатся иной политики, довольствуясь однимъ университетскимъ экзаменомъ, и въ обѣихъ странахъ этотъ порядокъ вызываетъ большое осужденіе. Правда, у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, существуетъ подъ именемъ государственнаго экзамена остатокъ испытаній для

нѣкоторыхъ предметовъ, введенный университетскимъ уставомъ 1884 года, но онъ вовсе по существу не является экзаменомъ служебнымъ, а лишь представляетъ незначительное видоизмѣненіе формы прежнихъ испытаній. Особыя испытанія имѣются у насъ лишь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и для кандидатовъ на судебныя должности въ Министерствѣ Юстиціи и нѣкоторыхъ иныхъ спеціальныхъ должностей. Въ истинномъ смыслѣ служебнаго государственнаго экзамена, какъ общее правило, у насъ нѣтъ, хотя потребность и давно созрѣла.

Второй отдѣлъ моей записки о государственныхъ экзаменахъ, составленный для Плеве, содержитъ справку объ иностранныхъ законодательствахъ по данному предмету, т. е. о государственныхъ экзаменахъ, составленную мной, отчасти руководствуясь для того самими законами по этому поводу разныхъ странъ Германіи и въ Англіи, отчасти пользуясь спеціальнымъ изслѣдованіемъ профессора Н. О. Куплеваскаго [1]).

Опираясь на примѣръ или опытъ перечисленныхъ странъ и главнѣйшія особенности законодательствъ объ ихъ служебныхъ экзаменахъ, я выводилъ заключеніе о безусловной важности и необходимости организаціи такихъ же служебныхъ испытаній для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ Россіи, приноравливаясь къ особенностямъ требованія русской жизни, такъ какъ новизна дѣла и отсутствіе у насъ, за немногими указанными исключеніями, служебныхъ экзаменовъ, прежде всего вынуждаютъ отнестись въ своихъ требованіяхъ къ экзаменующимся съ большей снисходительностью, чѣмъ это дѣлается въ другихъ странахъ Европы, особенно въ Германіи и Англіи. У насъ приходится ограничиваться, конечно, лишь немногими важнѣйшими науками, знаніе коихъ наиболѣе существенно для ближайшихъ задачъ и цѣлей вѣдомства, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; мало того, у насъ, по недостатку распространенности образованія, нельзя ограничивать доступъ служебнаго экзамена Министерства Внутреннихъ Дѣлъ лишь одними лицами высшаго образованія и желательно расширить этотъ кругъ, предоставивъ доступъ также лицамъ съ среднимъ образованіемъ. Помимо вообще недостатка у насъ подготовленныхъ чиновниковъ для нуждъ Министерства, въ особенности въ провинціи, пониженіе требованій доступа на службу со среднимъ образованіемъ оправдывается у насъ и иными государственными соображеніями, а

---

[1]) „Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствительномъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи“. Н. О. Куплеваскій, Харьковъ, 1888.

именно благодаря этой мѣрѣ, позволительно думать, уменьшится также и безполезный наплывъ и переполненіе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно университетовъ, разъ доступъ на службу окончившихъ ихъ будетъ уравненъ съ средними учебными заведеніями. Всѣмъ извѣстно, что причиной у насъ переполненія въ значительной степени является не столько жажда знаній, сколько простое желаніе получить необходимый для службы дипломъ и связанныя съ нимъ права. Точно также, въ силу отчасти указанныхъ условій нашей государственной жизни, едва-ли у насъ является желательнымъ и необходимымъ *двойной* служебный экзаменъ, принятый во всѣхъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи. У насъ, во-первыхъ, безъ того всѣ кончающіе въ университетахъ подвергаются экзамену, и повтореніе его въ формѣ второго, служебнаго экзамена, было бы очень затруднительно. Итакъ, экзаменъ для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, согласно проекту, долженъ быть въ Россіи *лишь одинъ* и по возможности въ срокъ не слишкомъ отдаленный отъ окончанія курса (напримѣръ, два года).

Служебный или государственный экзаменъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ достаточно ограничить, кромѣ новыхъ иностранныхъ языковъ, обязательныхъ только для центральнаго управленія, лишь слѣдующими четырьмя предметами:

1. Полицейское и административное право, какъ теорія, такъ и практика.
2. Политическая экономія. Экономическая политика съ финансовымъ правомъ.
3. Русское государственное право.
4. Статистика.

Знакомство съ иностранными языками для многихъ чиновниковъ очень желательно, но благодаря неудовлетворительности у насъ постановки ихъ преподаванія и трудности подготовки, проектъ ограничился требованіемъ ихъ исключительно лишь для Петербурга и центральнаго управленія и къ главнымъ иностраннымъ языкамъ я добавилъ еще два, шведскій и финскій, въ виду важности знакомства съ этими языками, какъ мѣстными для Финляндіи.

Далѣе проектъ довольно подробно разрабатываетъ и установляетъ внѣшнюю организацію экзаменовъ, придерживаясь различныхъ требованій и пріемовъ для Петербурга и губернскихъ учрежденій (провинціи). Для перваго, при одинаковыхъ по существу требованіяхъ, предположена была конкурсная система экзаменовъ, т. е. проходить должны были исключительно болѣе выдающіеся экзаменующіеся, и, наконецъ, для губернскихъ учрежденій и провинціи—обыкновенный

экзаменъ безъ состязанія и безъ обязательнаго знакомства съ какими-нибудь иностранными языками.

Въ заключеніе проектъ содержитъ подробности, или детали организаціи экзаменаціонныхъ комиссій, устройство ихъ періодическихъ сессій, оцѣнки отвѣтовъ на экзаменахъ, и балльную систему для выраженія этой оцѣнки. Конкурсный экзаменъ опредѣляется суммой балловъ, простой же экзаменъ извѣстнымъ размѣромъ балла. Въ заключеніе, государственный экзаменъ существуетъ исключительно для среднихъ должностей, и именно для лицъ, занимающихъ должности съ IX по V классъ, при чемъ канцелярскіе чиновники данному испытанію не подвергаются, а равно и высшіе чины отъ нихъ избавлены. Назначенія выше V класса слѣдуютъ по достоинствамъ лица, опредѣляемымъ высшимъ начальствомъ, но не внѣшнимъ доказательствомъ извѣстныхъ познаній, или не по экзамену. Для техническихъ отдѣловъ Министерства, какъ почты, телеграфа и пр., устанавливается особый экзаменъ съ особыми требованіями, или временно ограничиваются для принятія на службу лишь дипломами соотвѣтствующихъ *спеціальныхъ учебныхъ заведеній*.

Такова сущность составленнаго мной, совмѣстно съ указаніями Вячеслава Константиновича, проекта. Послѣ нѣсколькихъ разъ его прочтенія по частямъ и въ цѣломъ, я его передалъ Министру, и уже болѣе мнѣ не пришлось о немъ слышать, хотя я видѣлся съ Плеве еще нѣсколько разъ по разнымъ поводамъ. По поводу его, на мои дальнѣйшіе вопросы онъ отвѣчалъ, что при ближайшей возможности дастъ ему ходъ, но теперь-де другія болѣе настойчивыя нужды мѣшаютъ имъ заниматься.

Осенью 1903 года, вернувшись изъ продолжительной, почти полугодовой командировки за границу, я нашелъ записку отъ А. В. Погожева, что, по порученію Вячеслава Константиновича Плеве, онъ мнѣ спѣшитъ сообщить, что Министръ желаетъ со мной поговорить объ одномъ дѣлѣ, могу ли я его принять въ ближайшую среду, между 3—4-мя, у себя?.. Я, разумѣется, немедленно отвѣтилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ его видѣть, и самъ собирался къ нему явиться, чтобы побесѣдовать о разныхъ вопросахъ, и что буду ждать его въ квартирѣ въ назначенное время. Когда въ указанное время пріѣхалъ Вячеславъ Константиновичъ, то его приняла моя жена и пригласила къ себѣ въ кабинетъ выпить чашку чая или кофе, на что онъ охотно согласился, такъ какъ это обычное наше время four o'clock tea. Онъ поблагодарилъ и пожелалъ именно кофе, питьемъ котораго и занялся, бесѣдуя съ нами о разныхъ матеріяхъ. Наконецъ, онъ послѣ кофе перешелъ къ причинѣ

своего визита и сообщилъ намъ съ женой, потому что моя жена все время оставалась тутъ же по его желанію, слѣдующее:

„*Я задумалъ широкое преобразованіе моего вѣдомства*, въ которомъ отчасти въ прошломъ году Вы приняли участіе выработкой экзаменаціонной программы. Между прочимъ я думаю *измѣнить значительно положеніе вопроса о рабочемъ законодательствѣ*. Во-первыхъ, всѣ свѣдѣнія и законодательства о рабочихъ всякаго рода сосредоточить исключительно въ одномъ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отъ Министерства Финансовъ и изъ другихъ вѣдомствъ все относящееся до рабочихъ должно перейти въ особый отдѣлъ, или Департаментъ Труда, который будетъ состоять при моемъ вѣдомствѣ внутренняго управленія. По причинамъ, которыя излишне объяснять, вѣдомство наше не пользуется отнюдь популярностью, а потому этотъ будущій Департаментъ непремѣнно будетъ самостоятельнымъ; глава его будетъ хотя числиться по службѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но получитъ право самостоятельнаго доклада Государю. Все, конечно, у насъ надо дѣлать постепенно, чтобы никого не пугать, а потому я предполагаю начать преобразованіе съ Центральнаго Статистическаго Комитета, который надо именно сдѣлать постепенно *центральнымъ вѣдомствомъ для труда*, но пока, безъ этого названія, а со старымъ его именемъ. Мало по малу, я думаю, *озможно расширить права рабочихъ и удовлетворить многія ихъ требованія*. Многое будетъ зависѣть отъ дѣятельности главы этого учрежденія, Центральнаго Комитета, который въ дѣйствительности будетъ—Центральнымъ Бюро Труда. Я пріѣхалъ къ Вамъ, чтобы сдѣлать именно предложеніе, не хотите ли стать во главѣ этого учрежденія, предсѣдателемъ или директоромъ Бюро Труда, именуемаго до поры до времени Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ?! Вы, по моему мнѣнію, наиболѣе подходящее лицо для этой обязанности по своимъ знаніямъ и по прежней памяти о Вашей дѣятельности“.

Я поблагодарилъ Министра за доброе мнѣніе и заявилъ, что необходимо подумать, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ. Въ то же время, полушутя, полусерьезно я спросилъ его, извѣстна ли ему, какъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, та по истинѣ удивительная бумага московскаго генералъ-губернатора о моей будто бы конспиративной дѣятельности, въ качествѣ члена Московскаго Юридическаго Общества и Московскаго Профессора, которая взводитъ на меня цѣлую кучу небылицъ и обвиненій самаго крайняго свойства..?!

В. К. Плеве объявилъ, что онъ ничего не знаетъ объ этой бумагѣ (отношеніе московскаго генералъ-губернатора отъ 14 января 1903 г. за № 128), и поинтересовался на нее взглянуть. Тогда я

подалъ ему номеръ извѣстнаго за границей изданія „Освобожденіе“ 1903 г., № 6, гдѣ онъ со смѣхомъ и восклицаніями ироніи прочелъ статью по данному поводу и передалъ мнѣ ее обратно безъ всякихъ комментарій, но, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смущенный. Затѣмъ мы простились, при чемъ онъ просилъ меня въ ближайшіе дни обдумать сдѣланное предложеніе и отвѣтить ему письменно, „да“ или „нѣтъ“ и ждать терпѣливо результата, въ виду многихъ чиновничьихъ волокитъ, не отъ него зависящихъ...

Черезъ два дня я отвѣтилъ ему утвердительно, что я согласенъ принять его предложеніе въ интересахъ дѣла, а что размѣръ вознагражденія, о которомъ онъ упоминалъ во время свиданія, не играетъ для меня серьезной роли.

Послѣ этого прошло продолжительное время, и я не видѣлъ и не слышалъ ничего о Вячеславѣ Константиновичѣ, при чемъ онъ нѣсколько разъ выѣзжалъ на продолжительные сроки изъ Петербурга. Наконецъ, уже въ концѣ декабря мѣсяца, я узналъ случайно о предполагаемомъ вскорѣ назначеніи совсѣмъ другого лица на должность, о которой со мной говорилъ Плеве, и что никакихъ слуховъ о движеніи дѣла въ смыслѣ основанія у насъ Департамента Труда не имѣется, тогда я обратился уже письменно съ просьбой сообщить, въ какомъ смыслѣ рѣшился его планъ по рабочему вопросу? Я получилъ въ отвѣтъ короткое письмо, что къ сожалѣнію, *внѣ его воли*, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, и предложеніе его, сдѣланное мнѣ, приходится взять назадъ противъ его-де желанія...

Такимъ образомъ, къ моему, можетъ быть, личному благополучію, не состоялся планъ, составленный Вячеславомъ Константиновичемъ, который въ принципѣ, мнѣ кажется, несомнѣнно оказался бы небезполезнымъ, при его осуществленіи, для предупрежденія многихъ эксцессовъ и крайностей въ эпоху освободительнаго движенія 1905 г. и ближайшаго къ тому времени. Мнѣ представляется, что если бы рабочіе въ то время, какъ думалъ и говорилъ объ этомъ Министръ, получили дѣйствительно нѣкоторыя права имъ желательныя, союзовъ, сговоровъ и т. п., то это *явилось бы въ значительной степени предохранительнымъ клапаномъ противъ крайнихъ требованій ихъ послѣдующаго революціоннаго настроенія* и *способствовало бы болѣе мирному ходу и рѣшенію нашего рабочаго вопроса*...

Какъ бы ни толковать планъ, изложенный мнѣ покойнымъ Министромъ, считать ли его вполнѣ искреннимъ выраженіемъ мнѣній Вячеслава Константиновича, которое онъ не могъ осуществить по чисто независящимъ отъ него обстоятельствамъ, или же допустить предположеніе, какъ нѣкоторые мои пріятели дѣлаютъ, что, узнавши

отъ меня же о неблагопріятныхъ обо мнѣ, хотя и очевидно ложныхъ сужденіяхъ въ извѣстныхъ кругахъ, Плеве не захотѣлъ рисковать и устранилъ самый планъ моей кандидатуры и вмѣстѣ основаніи Департамента Труда, въ самомъ же началѣ, и до его исполненія; все это можетъ быть, но нѣтъ сомнѣній также, что жестокая рука убійцы, положившая конецъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго Министра, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, привела къ послѣдствіямъ, *совершенно противоположнымъ съ его ожиданіями*: Россія, я убѣжденъ, лишилась черезъ это мирнаго и благополучнаго разрѣшенія многихъ трудныхъ вопросовъ, удручающихъ ее до сихъ поръ, какъ тѣ три вопроса, разбираемые мной въ присутствіи Министра и описанные при аудіенціи у него весной 1902 года. Вопросы—рабочій, университетскій и еврейскій, какъ извѣстная тройка изъ басни Крылова—„Лебедь, Ракъ и Щука“, не подвинулись съ тѣхъ поръ вѣдь ни на іоту впередъ, благодаря ужасной катастрофѣ съ В. К. П., вызванной революціей!!...

Мои дальнѣйшія сношенія съ Плеве исключительно вращались на помощи разнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ крутыхъ дѣйствій полиціи, и я долженъ отдать справедливость, что во многихъ случаяхъ Плеве относился очень гуманно и добро къ моимъ въ этихъ случаяхъ ходатайствамъ, хотя я нахожу неудобнымъ, разумѣется, называть по именамъ лицъ, о которыхъ мнѣ приходилось просить и предстательствовать. Затѣмъ, не смущаясь нисколько косыми взглядами многочисленныхъ недоброжелателей несчастнаго Министра, я, не получавшій отъ него лично никакихъ выгодъ, или пріобрѣтеній, вполнѣ откровенно признаюсь, что съ глубокимъ прискорбіемъ вспоминаю о преждевременной кончинѣ этого способнаго и талантливаго государственнаго человѣка!.. Къ глубокой потерѣ для Россіи, онъ не успѣлъ принести ей той обширной пользы, которую былъ намѣренъ и могъ бы навѣрное оказать, при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

ГЛАВА VIII.

Три русскихъ экономиста: Константинъ Степановичъ Веселовскій.—Николай Христіановичъ Бунге.—Александръ Ивановичъ Чупровъ.—Ихъ отношенія ко мнѣ, и чѣмъ я имъ обязанъ.—Ученые труды К. С. Веселовскаго и изъятіе (уничтоженіе) въ эпоху реакціи, начала 50-хъ годовъ XIX вѣка, главнѣйшаго изъ нихъ: „Статистики недвижимыхъ имуществъ г. С.-Петербурга".—Переломъ характера всей его научной дѣятельности.—Моя промоція въ члены Академіи Наукъ.—Переписка съ Н. Х. Бунге и К. С. Веселовскимъ.—Проектъ изданія Академіей Экономическаго Словаря и крушеніе этого плана со скорой кончины Бунге.—А. И. Чупровъ, наша дружба и какъ она поддерживалась.—Взаимныя услуги и одолженія: примѣры ихъ для обѣихъ сторонъ.—Старанія напр. А. И. къ прекращенію моего конфликта со студентами 19 февраля и въ свою очередь мои хлопоты для устраненія горестнаго проекта Министерства Народнаго Просвѣщенія къ удаленію Чупрова изъ Московскаго Университета.—Противоположность характеровъ А. И. Чупрова и Николая Павловича Боголѣпова.

Въ 1901 году скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи, Константинъ Степановичъ Веселовскій. Въ его лицѣ Россія лишилась одного изъ своихъ скромныхъ, но даровитѣйшихъ ученыхъ, а наша Академія Наукъ одного изъ трудолюбивѣйшихъ и полезнѣйшихъ сочленовъ. Лишь немногіе наши ученые даже могутъ сравниться, по энциклопедичности своего образованія и своихъ трудовъ, съ покойнымъ академикомъ. Статистика, народное хозяйство, математика, сельское хозяйство, агрономія, астрономія, метеорологія, климатологія, составляли предметъ занятій и серьезныхъ трудовъ этого ученаго, котораго я имѣлъ счастье узнать лишь въ позднѣйшіе годы его жизни, и которому обязанъ въ значительной степени своимъ привлеченіемъ и выборомъ въ нашу Академію. Познакомимся сначала съ его научною дѣятельностью, а затѣмъ и съ личными ко мнѣ отношеніями и встрѣчами.

Въ области экономическихъ наукъ, которыми К. С. Веселовскій наиболѣе занимался, онъ оставилъ, помимо нѣсколькихъ крупныхъ сочиненій, поразительное количество журнальныхъ статей, небольшихъ, но важныхъ монографій и критическихъ работъ всякаго рода. Знакомясь съ его многолѣтней дѣятельностью и возстановляя въ памяти имъ сдѣланное, я не зналъ часто, чему болѣе удивляться, его неистощимому трудолюбію, или замѣчательной разносторонности и энциклопедичности его образованія. Въ области экономическихъ наукъ онъ былъ прежде всего, по своимъ вкусамъ и наклонностямъ, статистикъ съ хорошей экономической подготовкой, а потому вѣроятно его перу и принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ и біографій: Эйлера, Никиты Попова и другихъ математиковъ и членовъ Академіи XVIII и начала XIX вѣка.

Интересуясь математикой и будучи статистикомъ; К. С. Веселовскій въ то же время былъ серьезнымъ финансистомъ и изслѣдователемъ разнообразнѣйшихъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, и русская наука обязана ему нѣсколькими прекрасными по этому вопросу монографіями. Едва-ли еще не больше его трудамъ обязана наука сельскаго хозяйства: его перу принадлежитъ нѣсколько огромныхъ работъ и обзоровъ сельскохозяйственной дѣятельности въ Россіи за сто лѣтъ, помимо множества разнообразныхъ монографій по разнымъ мелкимъ вопросамъ сельскаго хозяйства.

Такова была разнообразная и научная продуктивность Константина Степановича до 50-хъ годовъ XIX вѣка. Съ этого времени, по причинамъ, которыя мы будемъ излагать отдѣльно, спеціальность Веселовскаго измѣнилась. Его труды, вмѣсто политической экономіи, посвященные климатологіи и метеорологіи Россіи, составили въ свое время единственныя капитальныя по этимъ вопросамъ изслѣдованія.

Любопытно, что въ научныхъ вкусахъ и вліяніяхъ, которымъ подвергался почтенный русскій ученый въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, замѣчается удивительное совпаденіе въ тѣхъ же самыхъ факторахъ, подъ вліяніемъ которыхъ началъ работать и я, какъ объ этомъ было мною описано въ первой главѣ моихъ „Воспоминаній“ (см. „Русская Старина“, октябрь, 1909 г.), а именно творенія великаго бельгійскаго ученаго Адольфа Кеттле, воззрѣнія котораго произвели цѣлый переворотъ въ области общественной статистики и статистики народонаселенія, за 25 лѣтъ еще до меня, остались не безъ сильнаго вліянія также на направленіе первыхъ трудовъ и научные вкусы Константина Степановича. Въ своихъ сочиненіяхъ, появившихся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ мірѣ личной жизни человѣка, его

дѣйствій и всей общественной системы, гдѣ видимо все совершается по вкусу и капризу индивидовъ, Кеттле внесъ порядокъ и на мѣсто произвола выставилъ закономѣрность соціальныхъ явленій. Въ его „Среднемъ человѣкѣ“, онъ создалъ типъ человѣка, олицетворяющаго соціальное тѣло, которое сохраняется въ силу постоянныхъ или періодически дѣйствующихъ причинъ, отысканіе которыхъ и составляетъ главную задачу статистики, или соціальной физики, какъ онъ ее назвалъ, дѣйствія которой считались совершенно произвольными или же объяснялись неизвѣстными еще или неизслѣдованными законами природы. Его письма о теоріи вѣроятности представляютъ собою попытку примѣненія этой теоріи и явились первымъ пособіемъ къ изученію новой статистики, имъ установленной.

Новыя идеи Кеттле въ 40-хъ годахъ поразили молодое воображеніе почтеннаго академика, такъ же какъ сдѣлали это въ 60-хъ годахъ относительно меня, и Веселовскій съ жаромъ принялся за цифры и изученіе съ помощью ихъ различныхъ общественныхъ явленій. Къ этому именно періоду относятся два его замѣчательныхъ изслѣдованія подъ названіемъ: первое „О вліяніи временъ года на здоровье и жизнь человѣка“ и второе, еще болѣе важное, „Опыты нравственной статистики Россіи“. Въ первомъ трудѣ онъ изслѣдуетъ, во всеоружіи европейскихъ знаній, тогда еще мало затронутый у насъ вопросъ по медицинской статистикѣ, о заболѣваемости и смертности въ нашихъ городахъ, преимущественно въ Петербургѣ, Одессѣ, сравнительно съ Европой, особенно съ Берлиномъ и Парижемъ, при чемъ приходитъ ко многимъ самостоятельнымъ и новымъ для того времени выводамъ, при своеобразности многихъ русскихъ условій городской жизни и при сопоставленіи ихъ съ извѣстными по этому роду данными на Западѣ.

Другой трудъ, „Опыты нравственной статистики“ представляетъ собой самостоятельную провѣрку началъ гипотезы новаго статистическаго метода, созданнаго Кеттле, въ примѣненіи къ важному, совершенно новому тогда вопросу о самоубійствѣ, начало цѣлой серіи изслѣдованій по нравственной статистикѣ, къ сожалѣнію не доведенныхъ до конца по независящимъ отъ него обстоятельствамъ (вѣроятно, главнымъ образомъ, цензурнымъ).

Не останавливаясь на многочисленныхъ, какъ мы упомянули, изслѣдованіяхъ Веселовскаго по сельскому хозяйству, мы перейдемъ прямо къ важнѣйшему труду академика, составляющему переломъ въ его дѣятельности и положившему начало совершенно новой его спеціальности—въ области метеорологіи и климатологіи. Какъ извѣстно, конецъ 40-хъ годовъ, къ которому относится раз-

гаръ статистической ученой дѣятельности К. С. Веселовскаго, принадлежитъ къ эпохамъ нашей исторіи, весьма неблагопріятнымъ для свободной научной дѣятельности въ области изслѣдованій какихъ-либо общественныхъ явленій, требовавшихъ свободнаго и самостоятельнаго анализа этихъ явленій. Въ это именно время, второй половины 40-хъ годовъ, было окончено тогда молодымъ авторомъ важнѣйшее экономическое изслѣдованіе его времени: „Статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ", основанное на результатахъ произведенной въ 1843 и 1844 годахъ оцѣнки домовъ и недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, для распредѣленія сборовъ съ этихъ имуществъ на городскія и общественныя надобности. Часть этихъ изслѣдованій гораздо позднѣе (на 10 лѣтъ) была прочитана авторомъ въ Географическомъ обществѣ, а небольшой кусокъ даже былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" того времени (1848 г.); что же касается до этого замѣчательнаго изслѣдованія въ цѣломъ, то судьба его, какъ любилъ нѣкогда выражаться учебникъ русской исторіи Кайданова, „покрыта мракомъ неизвѣстности", какъ видно изъ единственнаго полнаго экземпляра этого труда и замѣчанія, сдѣланнаго на его поляхъ покойнымъ Константиномъ Степановичемъ. Нигдѣ болѣе цѣльнаго экземпляра не существуетъ, а свой единственный экземпляръ, подаренный мнѣ высокочтимымъ академикомъ, я счелъ долгомъ передать въ Академическую Библіотеку.

По существу содержанія „Статистика недвижимыхъ имуществъ" представляетъ собою не только полный критическій разборъ добытыхъ указанными переписями данныхъ о недвижимыхъ имуществахъ Петербурга и интересъ съ финансовой точки зрѣнія, но еще болѣе представляетъ важности съ общественной—для сужденія о зажиточности населенія того времени.

Этотъ фактъ исчезновенія столь невинной по содержанію книги, съ большими непріятностями и послѣдствіями для автора, разсказанъ академикомъ Веселовскимъ въ двухъ мѣстахъ; во-первыхъ, когда-то кратко на страницахъ „Русской Старины" и затѣмъ въ подробномъ письмѣ ко мнѣ лично, на мой запросъ объ этомъ произведеніи почтеннаго академика. Несомнѣнно, что „Статистика недвижимыхъ имуществъ" навлекла на голову молодого тогда автора крупную непріятность и угрожала прекратить его ученую дѣятельность въ началѣ самымъ рѣзкимъ образомъ, и только случайнымъ и счастливымъ для автора обстоятельствамъ нужно приписать благополучное для него окончаніе этой крупной экскурсіи въ область хозяйственной статистики города Петербурга.

Въ 1893 году я имѣлъ честь познакомиться съ Константиномъ Степановичемъ на обѣдѣ у другого нашего знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля Н. Х. Бунге, гдѣ онъ отнесся ко мнѣ крайне любезно и дружелюбно, заявляя желаніе имѣть полное собраніе моихъ научныхъ работъ, такъ какъ лишь нѣкоторыя ему были знакомы. Я обѣщался ему немедленно собрать ихъ, еще прежде, чѣмъ вернусь въ Москву, въ петербургскихъ книжныхъ лавкахъ и у издателей, но внезапно простудился и заболѣлъ, почему поспѣшилъ домой въ Москву, и уже оттуда выслалъ ему все обѣщанное, хотя все-таки съ нѣкоторыми дефектами. Въ отвѣтъ получилъ обширное, на цѣломъ большомъ листѣ благодарственное письмо, съ приложеніемъ, въ свою очередь, разнообразныхъ трудовъ академика и въ томъ числѣ *и единственный экземпляръ* этого изслѣдованія о „недвижимыхъ имуществахъ Петербурга“. Письмо это, съ объясненіемъ по поводу исчезновенія книги и сравненіемъ нынѣшняго времени со „старымъ добрымъ временемъ“, я и привожу:

„Взамѣнъ личной бесѣды, вы мнѣ дали щедрою рукою другое средство болѣе близкаго съ вами знакомства: по вашему распоряженію, я получилъ отъ Карбасникова, въ два пріема, богатое, почти полное собраніе вашихъ для меня въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ сочиненій — плодъ цѣлой жизни, отданной наукѣ. Если справедливо, что всякій писатель вкладываетъ въ свои творенія лучшую часть своей души, то это особенно можно сказать именно о вашихъ сочиненіяхъ, которыя всѣ имѣютъ одинъ весьма замѣтный характеръ, — служить на пользу человѣчества и, будучи взяты въ ихъ совокупности, выражаютъ весьма явственно альтруизмъ автора. Не знаю, какъ лучше выразить мою мысль. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были мнѣ извѣстны только по наслышкѣ, по газетнымъ статьямъ, — но я теперь съ жадностью принялся за ихъ чтеніе, особенно обязали вы меня сообщеніемъ списка важнѣйшихъ ученыхъ трудовъ вашихъ; онъ мнѣ именно теперь понадобился, и если бы не ваше любезное сообщеніе, то я долженъ былъ бы употребить не мало времени на составленіе такого списка по библіографическимъ указателямъ и по каталогу Академической Библіотеки, которая не можетъ похвалиться порядкомъ“.

„Но получивъ отъ васъ такъ много вашихъ сочиненій, я остаюсь у васъ по уши въ долгу. Я послалъ вамъ кое-что изъ послѣдне напечатаннаго мною, но потому только, что это еще нашлось у меня подъ руками, а прочихъ моихъ трудовъ, — однихъ у меня болѣе нѣтъ экземпляровъ, другіе не могли бы для васъ имѣть интереса,

либо по предмету своему (по метеорологіи и климатологіи), либо какъ уже очень устарѣвшіе. Вы счастливы, что при той спеціальности, какую вы себѣ избрали, ваша ученая карьера протекаетъ въ эпоху благопріятную у насъ для политическихъ наукъ. Но не такова была моя судьба: избравъ въ пору неопытной юности эти именно науки, какъ такія, которыя давали возможность трудами въ ихъ области быть полезнымъ для соотечественниковъ („къ учености для учености", къ бездушной эрудиціи—я не чувствовалъ симпатіи), я работалъ, сколько позволяли мнѣ развѣ тогдашнія внѣшнія условія, но когда за статью, напечатанную мною въ 1848 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ" (часть 57, отд. II, стр. 28) о „Статистикѣ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ", я чуть было не подвергся административной ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя обширнаго нашего отечества (подобно Салтыкову, Костомарову, Надеждину, Данилевскому et tutti quanti), то каюсь, не ощутилъ въ себѣ охоты разыграть роль мученика за идеи и разомъ повернулъ на такія изслѣдованія, въ которыхъ можно было говорить безопасно всю правду, а именно, на изслѣдованіе климата Россіи и его вліянія на человѣка и его бытъ [1]). Эти же самыя причины заставили меня потомъ принять предложенное мнѣ Академіею званіе ея Непремѣннаго Секретаря, тяготы котораго я несъ почти 35 лѣтъ и которое, если и налагало на меня необходимость почти совсѣмъ отказаться отъ собственныхъ ученыхъ трудовъ, но зато вполнѣ удовлетворяло моей душевной потребности—быть полезнымъ вообще для науки въ нашемъ отечествѣ".

Въ дѣйствительности ученые труды Константина Степановича, несмотря на описанную катастрофу, не остановились, а только видоизмѣнились, такъ какъ его перу принадлежитъ крупный трудъ по хозяйственной статистикѣ „Атласъ Европейской Россіи", выдержавшій въ сравнительно короткое время три изданія. Сюда же относится его важная работа для изученія общаго хозяйства Россіи, именно „Почвенная карта Европейской Россіи", которая представляетъ собою критически обработанный сводъ лучшихъ свѣдѣній, какія въ то время возможно было собрать, и служила долго единственнымъ источникомъ для почвопознанія Россіи. Ему же принадлежитъ „Очеркъ статистики Царства Польскаго", „Водныхъ путей сообщенія",

---

[1]) Страшная кара постигла было за невинную книгу академика К. С. Веселовскаго по настоянію такъ называемаго „Негласнаго (Бутурлинскаго) Комитета", учрежденнаго въ то мрачное время для сугубаго надзора за печатнымъ словомъ.

„Коммерческая статистика Испаніи и Португаліи“, множество критическихъ разборовъ и оцѣнокъ разнообразныхъ сочиненій, одно другого важнѣе, напримѣръ, „Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ въ прошломъ и текущемъ столѣтіе“, „По поводу русской этнографіи“, „Устройство эмеритальныхъ кассъ“ и т. д., и т. д. Наконецъ, Константинъ Степановичъ, не говоря объ его заслугахъ по климатологіи, гдѣ долго его сочиненія были единственными въ Россіи по этому предмету, былъ незаурядный художникъ-живописецъ и художественный критикъ. Онъ оставилъ послѣ себя не одну картину собственной кисти и нѣсколько рецензій и статей по художественнымъ вопросамъ.

Подводя итоги всему, что я зналъ о личности и ученыхъ заслугахъ почтеннаго академика Веселовскаго, нельзя не придти къ заключенію, что его пытливому духу было какъ бы тѣсно въ предѣлахъ какой-нибудь одной спеціальности, какъ показываютъ всѣ указанныя нами работы. Во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ науки и искусства и всѣхъ областяхъ ихъ, которыхъ касался его трудъ, Константинъ Степановичъ Веселовскій выступалъ съ честью и по истинѣ оставилъ доброе имя. Какъ бы памятуя и слѣдуя словамъ евангелія, онъ „таланта въ землю не зарывалъ“ и пользовался съ выгодой для науки и окружающихъ всѣми разнообразными сторонами своего духа и способностей, не забывая и другого золотого правила, — любить людей. Константинъ Степановичъ отличался истиннымъ доброжелательствомъ ко всѣмъ окружающимъ и имѣющимъ съ нимъ дѣло людямъ. Благодаря его уму и наблюдательности, вмѣстѣ съ опытомъ его многолѣтней, долгой жизни, академикъ Веселовскій по истинѣ былъ „мудрымъ Улиссомъ“, незамѣнимымъ и драгоцѣннымъ совѣтникомъ во всѣхъ вопросахъ, не только касающихся Академіи Наукъ, но и просто въ серьезныхъ вопросахъ практической жизни. Онъ умѣлъ сказать всякому лицу, которое того заслуживало, доброе, ободряющее слово и сообщить умный, вполнѣ идущій къ обстоятельствамъ дѣла, совѣтъ и указаніе. Въ добавокъ ко всему Константинъ Степановичъ вплоть до своей смерти сохранилъ полную ясность ума и даже воображенія. Это высокое качество, на-ряду съ многолѣтнимъ опытомъ, придавало необыкновенную привлекательность и мѣткость всѣмъ его сужденіямъ. Такъ, я припоминаю одинъ случай: однажды, исполняя его желаніе, я сообщилъ ему во время частной бесѣды объ одномъ у насъ соціальномъ движеніи, преимущественно у молодежи, вызывавшемъ со многихъ сторонъ значительную долю осужденія и антипатіи. Выслушавъ мою, можетъ быть, нѣсколько запальчивую рѣчь объ ихъ увлеченіяхъ и сумасбродныхъ фантазіяхъ, Константинъ Сте-

пановичъ закончилъ, какъ добрый и умный председатель на суде, такимъ выводомъ: „А, ведь, несомненно, у нихъ были все-таки добрыя намеренія, но зачемъ они такъ торопятся, такъ спешатъ?!“ Это въ высшей степени меткое и тонкое замечаніе покойнаго Константина Степановича мне всегда теперь приходитъ въ голову, когда я слышу или читаю о верныхъ и быстрыхъ способахъ осчастливить человечество: „Да, да, зачемъ подобные реформаторы торопятся, зачемъ не хотятъ знать исторіи и, попирая время, перескакиваютъ черезъ столетія?!“ какъ это верно заметилъ почтенный академикъ Веселовскій.

Въ моей личной жизни, какъ было упомянуто раньше, К. С. Веселовскій вместе съ почтеннымъ Н. Х. Бунге играли важную роль въ моемъ привлеченіи въ Академію и выборе въ академики. Это событіе произошло следующимъ образомъ: какъ я уже упоминалъ въ главе шестой моихъ записокъ, въ 90-хъ годахъ на моихъ лекціяхъ произошелъ такъ называемый безпорядокъ, вызванный моимъ несогласіемъ подчиниться желанію кучки студентовъ, даже большею частью не изъ моихъ слушателей, сорвать лекцію на 19 февраля, чтобы сделать начальству демонстрацію. Я всячески первоначально убеждалъ ихъ, если желаютъ отпраздновать память великаго освобожденія крестьянъ, употребить другой для этого способъ, путемъ, напримеръ, складчины и основанія читальни, къ чему какъ разъ въ это время призывали газеты отъ имени Вольно-экономическаго Общества, но все было тщетно. Представители демонстрантовъ-студентовъ, ко мне явившіеся, требовали решительно и настаивали на одномъ, на отмене чтенія. Въ то же время мои постоянные слушатели, и при томъ въ довольно большомъ количестве, изъявляли свое желаніе, чтобы чтеніе состоялось, и я не пропускалъ лекцій. Между этими двумя противоречивыми требованіями я предпочелъ наиболее правильный, законный путь—читать въ этотъ день и этимъ вызвалъ безпорядокъ, прервавшій лекціи на целую неделю, пока понемногу, при дружномъ содействіи моихъ друзей, профессоровъ Эрисмана и Чупрова, студенты успокоились и лекціи опять пошли спокойно, своимъ ходомъ.

Не имея никогда въ теченіе своего продолжительнаго профессорства подобныхъ столкновеній со студентами, безполезно говорить, я былъ глубоко огорченъ. Темъ более все признаки для будущаго представлялись крайне неутешительными. Студенты, видимо, поднимали головы въ своихъ требованіяхъ и брали на себя права, имъ не принадлежащія, судить и рядить профессоровъ. Одновременно съ моей „исторіей“ произошло въ университете несколько еще более прискорбныхъ столкновеній у различныхъ

лицъ изъ преподавателей; короче, будущее не предвѣщало ничего хорошаго. Можно было опасаться, что всевозможныя дурныя черты студенческаго своеволія разовьются въ будущемъ еще болѣе и принесутъ не мало огорченій, несмотря на всю мою корректность и доброжелательность къ учащимся. Я невольно задумался объ этомъ. Что же дѣлать? Тѣмъ болѣе, мнѣ оставалось какихъ-либо 5 или 6 лѣтъ до выслуги полной пенсіи и столь желаннаго званія заслуженнаго профессора. Какъ разъ въ это время, въ 1893 году произошло чрезвычайно пріятное для меня событіе, а именно наша Академія Наукъ премировала мою книгу „Основныя начала финансовъ“ преміей Грейга (которую я цѣликомъ пожертвовалъ въ Литературный фондъ) и единовременно избрала меня, совершенно для меня неожиданно, „членомъ-корреспондентомъ.“ Двое моихъ почетныхъ друзей и покровителей Константинъ Степановичъ и Николай Христіановичъ, награждая меня описаннымъ образомъ, какъ бы желали изгладить то грустное, непріятное впечатлѣніе, которое я переживалъ еще подъ вліяніемъ студенческаго безпорядка. Они хорошо понимали, какъ мнѣ, одному изъ любимыхъ и уважаемыхъ профессоровъ (несмотря на мою экзаменаціонную строгость), было тяжко и грустно оказаться безъ вины виноватымъ и проглотить ничѣмъ не заслуженную обиду, по капризу юношей, отчасти даже вовсе не моихъ учениковъ. Поэтому въ письмахъ этихъ обоихъ лицъ уже прямо подсказывался мнѣ совѣтъ, для моего будущаго, уйти изъ университета и окончить свою жизнь болѣе покойно въ стѣнахъ Академіи, безъ дальнѣйшихъ помѣхъ продолжая свои научныя занятія.

Привожу отрывки изъ современныхъ этому событію писемъ обоихъ уважаемыхъ академиковъ. Такъ К. С. Веселовскій, отъ 5 декабря 1893 года, сообщая мнѣ о пріятномъ событіи избранія меня въ члены-корреспонденты, дополняетъ это слѣдующимъ поясненіемъ: „Званіе члена-корреспондента—пишетъ онъ—есть почетное и безвозмедное, не налагающее никакихъ прямыхъ или опредѣленныхъ обязанностей; это есть только признаніе ученыхъ заслугъ, но Академія очень цѣнитъ, если членъ-корреспондентъ сообщаетъ ей, когда признаетъ то для себя удобнымъ, что̀-нибудь изъ своихъ трудовъ, печатныхъ или рукописныхъ, этихъ послѣднихъ для напечатанія въ ея изданіяхъ. Такими сообщеніями вы бы могли установить и поддерживать ближайшую связь съ Академіей, съ моей точки зрѣнія весьма желательную и вотъ почему: я, Божіею милостью, дожилъ до тѣхъ лѣтъ, что долженъ быть какъ пассажиръ, ожидающій со своимъ багажемъ на станціи своего поѣзда. Недаромъ же я и самъ составлялъ „Таблицы смертности“. Безпристрастное и нелицепріятное

знакомство съ трудами русскихъ ученыхъ по политической экономіи и статистикѣ привело меня къ твердому убѣжденію, что вамъ именно принадлежитъ безспорно первое право быть моимъ пріемникомъ въ Академіи. Скажу вамъ откровенно, между нами, что въ прошломъ году я имѣлъ эти виды на профессора Ю. Э. Янсона, а онъ такъ былъ глупъ, что взялъ да и умеръ раньше меня. Его смерть была для меня острымъ ножемъ въ сердце: такъ я сжился съ надеждой, что онъ будетъ моимъ замѣстителемъ въ Академіи. Свое мнѣніе объ его ученыхъ заслугахъ я высказалъ публично въ томъ докладѣ о его „Теоріи статистики", котораго экземпляръ я, помнится, послалъ вамъ. Теперь между нашими статистиками нѣтъ никого, кто могъ бы быть поставленъ на-ряду съ Янсономъ, но зато въ области государственнаго хозяйства есть равныя ему ученыя силы—и это вы. Вѣдь ученыхъ нельзя дѣлать по заказу: нѣтъ статистика, такъ можно взять политико-эконома, благо, по допотопному уставу Академіи, мое мѣсто академика по статистикѣ и политической экономіи... Я люблю Академію и желаю ей добра, а единственное добро, которое можно ей сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы привлекать въ нее самыхъ выдающихся дѣятелей по наукѣ. Въ этихъ-то именно видахъ, думая о пользѣ Академіи, я и считаю, что постольку важны въ настоящее время науки, какъ государственнаго хозяйства, важны именно съ точки зрѣнія современныхъ государственныхъ потребностей Россіи, въ высшей степени необходимо, чтобы Академія имѣла въ своей средѣ выдающагося представителя по этой наукѣ".

„Вотъ вамъ, вмѣсто простого отвѣта, еще въ придачу и моя исповѣдь, которая, какъ это само собой понятно, должна остаться пока абсолютно между нами"...

Единовременно съ этимъ отъ 30 декабря того же года Н. Х. Бунге, въ отвѣтъ на письмо мое, въ которомъ я благодарилъ за оказанную мнѣ Академіею честь, очевидно по его старанію и содѣйствію, писалъ мнѣ слѣдующее: „Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, отъ души благодарю васъ за любезное ваше письмо. Вы, конечно, знаете, какъ я васъ уважаю, какъ высоко цѣню вашу дѣятельность и ваши труды; но главнымъ дѣятелемъ и въ присужденіи преміи и въ избраніи васъ корреспондентомъ былъ К. С. Веселовскій. Онъ написалъ и отзывъ о вашей книгѣ и представленіе. Я только подписался на послѣднемъ, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что оно вполнѣ совпадало съ моими взглядами на ваши труды и съ мнѣніемъ о вашихъ „Основныхъ началахъ финансовой науки". Конечно, я могъ бы кое-что прибавить къ сказанному: вы одинъ изъ нашихъ экономистовъ, которые умѣютъ внести въ науку жи-

вую струю и умѣютъ это потому, что приступаютъ къ изслѣдованіямъ не во всеоружіи лишь „незыблемыхъ принциповъ“, а съ запасомъ добытыхъ истинъ для дальнѣйшаго ихъ развитія. Изъ моей академической дѣятельности выходитъ мало толку. Я не только старъ, но и достаточно занятъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ Министровъ и Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги и въ этомъ году рѣдко могъ являться въ академическія засѣданія, которыя совпадали часто съ комитетскими... Какое же было бы благо для Академіи, если бы она увидѣла васъ со временемъ ординарнымъ академикомъ!?!? Крѣпко жму вашу руку, душевно преданный

Н. Бунге“.

Этихъ двухъ писемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ старцевъ достаточно, чтобы видѣть, что я, собственно, не столько самъ стремился и думалъ объ Академіи и переселеніи въ Петербургъ, сколько меня толкали и подсказывали объ этомъ эти заслуженные дѣятели на научной почвѣ, при первой же наградѣ, мною полученной отъ Академіи, и сношеніяхъ, возникшихъ по данному поводу. Разумѣется, я сначала колебался передъ этой обольстительной перспективой, принять ее или нѣтъ? Мнѣ крайне жалко было покинуть преподавательское дѣло и доброе отношеніе, установившееся у меня въ цѣломъ съ большинствомъ молодежи, меня окружавшей въ Москвѣ, но надвигавшееся на Россію смутное время чувствовалось больше и больше въ разныхъ проявленіяхъ безпорядковъ, сомнѣній и заносчивости молодежи, болѣе и болѣе захватывавшей въ свои руки политику и не принадлежащія ей права распоряжаться судьбами русскаго просвѣщенія. Уже въ слѣдующемъ году, 4 декабря 1894 года, Н. Х. Бунге обратился ко мнѣ съ рѣшительнымъ по этому предмету предложеніемъ: „Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга, осенью сего года К. С. Веселовскій и я порѣшили *просить Васъ позволить выставить вашу кандидатуру въ Академіи*, но треволненія по случаю кончины Государя, а затѣмъ наши недуги помѣшали намъ исполнить наше намѣреніе, и я дѣлаю это только въ настоящее время“. Засимъ Н. Х. сообщаетъ что онъ спрашивалъ мнѣніе Л. Н. Майкова вице-президента, а равно, и Великаго Князя и нѣсколькихъ коллегъ, академиковъ, и что всѣ рѣшительно сочувствуютъ моему переходу въ Академію и никакихъ препятствій не предвидится, и именно въ ординарные академики. „*Обрадуйте насъ*“,—заключаетъ онъ письмо—*вашимъ согласіемъ* и сообщите мнѣ списокъ вашихъ сочиненій... Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта. Крѣпко жму вашу руку. Душевно преданный

Бунге“.

Въ то же время К. С. Веселовскій подробно излагалъ мнѣ и указывалъ всю матеріальную сторону вопроса. Обдумавши и сообразивши, такимъ образомъ, дѣло со всѣхъ сторонъ и взвѣсивши всѣ pro и contra опять по рецепту и способу американца Франклина, я пришелъ къ рѣшительному заключенію принять лестное предложеніе и пожертвовать университетомъ для Академіи. Довольно быстро, въ какіе-нибудь три, четыре мѣсяца, вопросъ о моемъ избраніи въ академики, въ мартѣ 1905 года, былъ рѣшенъ утвердительно. Выборы мои прошли вполнѣ удовлетворительно, и я былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго академика; мнѣ представилось лишь одно затрудненіе: какъ поступить мнѣ, при переселеніи, съ моей огромной библіотекой, накопившейся въ теченіе всей моей жизни и достигавшей многихъ тысячъ номеровъ книгъ и разныхъ печатныхъ произведеній, отчасти даже рукописей? Оставить ее въ моихъ рукахъ, переселившись въ Петербургъ, немыслимымъ препятствіемъ являлся ея размѣръ. Уже нѣсколько лѣтъ до своего переселенія, я вынужденъ былъ имѣть постоянное лицо для ея регистрированія и записи. Переселившись въ Петербургъ, я долженъ былъ бы увеличить размѣръ квартиры, чтобы ее вмѣстить и опять держать лицо для записей вновь входящихъ книгъ и общаго порядка въ ней.

Вообще мнѣ не разъ припоминалось замѣчаніе мудраго и опытнаго К. С. Веселовскаго: „Огромная библіотека ученаго, когда онъ не имѣетъ крупныхъ средствъ ее поддерживать, является какъ бы ядромъ на ногахъ каторжника“; поэтому самое естественное для меня, послѣ переселенія въ Петербургъ, было бы отдать ее въ то учрежденіе, при которомъ, предполагается, я долженъ кончить свои дни; но представьте мое удивленіе, увы! я получилъ отказъ въ моемъ желаніи, за недостаткомъ мѣста. Академія Наукъ, несмотря на бѣдность своей библіотеки экономическими книгами, особенно иностранными, рѣшительно отказалась принять мой даръ, при томъ на указанныхъ условіяхъ, чтобы библіотека эта не смѣшивалась съ прочими книгами, а по возможности была бы изолирована. Примѣрная стоимость моей библіотеки была не менѣе 30.000 рублей по моему разсчету. Что было дѣлать въ данномъ случаѣ? Будучи очень друженъ съ главнымъ библіотекаремъ Московской библіотеки графа Румянцева, покойнымъ Н. И. Стороженко, я рѣшилъ было возвратить ее домой въ Москву и отдать въ эту Публичную библіотеку, но, увы! и тутъ, несмотря даже на личную дружбу, я встрѣтилъ рѣшительный отказъ по тѣмъ же мотивамъ. „Если, другъ, ты желаешь жертвовать намъ свою библіотеку, говорилъ покойный Николай Ильичъ, то сначала пожертвуй доста-

точно тысячъ выстроить эту библіотеку, а затѣмъ жертвуй и книги!" Къ моему счастью въ это время Московскій университетъ, много лѣтъ хлопотавшій о средствахъ для устройства своихъ зданій, наконецъ получилъ ихъ и воздвигъ, между прочимъ, новое помѣщеніе для своего книгохранилища. Я воспользовался этимъ и предложилъ свою библіотеку Московскому университету съ обѣщаніемъ отдать часть библіотеки моей немедленно, а остальное послѣ моей смерти, съ нѣсколькими тысячами для ея устройства; и только на этихъ условіяхъ я могъ добиться согласія принять и получить мой даръ, всю мою умственную жизнь, собранную въ этомъ книгохранилищѣ: такъ трудно у насъ не только работать, но даже жертвовать и даромъ отдавать!!!

Итакъ, хотя не скоро, но вопросъ о судьбѣ моей библіотеки наконецъ устроился. Но слѣдовало позаботиться и о собственной своей судьбѣ. Я еще не выслужилъ 30 лѣтъ, необходимыхъ для полной профессорской пенсіи, когда былъ избранъ въ Академію, и лишился бы профессорской пенсіи, имѣющей, какъ извѣстно, волшебное свойство сохраняться при всякомъ содержаніи. По совѣту моихъ мудрыхъ старыхъ друзей Бунге и Веселовскаго, пришлось начать новыя хлопоты, которыя на этотъ разъ, благодаря доброму и просвѣщенному вниманію С. Ю. Витте, тогда Министра Финансовъ, и графа И. Д. Делянова, довольно быстро разрѣшились въ мою пользу. Мнѣ сначала было дозволено остаться въ Москвѣ до выслуги пенсіи, а за два съ чѣмъ-то года до этого, самый срокъ пенсіи былъ нѣсколько сокращенъ. Я получилъ возможность раньше срока переселиться въ Петербургъ, не подвергаясь долѣе непріятности постоянныхъ разъѣздовъ между двумя нашими столицами и городами, Университетомъ и Академіей.

Но помимо моихъ личныхъ интересовъ и соображеній мое избраніе въ академики и переселеніе въ Петербургъ имѣло и другое значеніе въ глазахъ обоихъ почтенныхъ старцевъ, проводившихъ меня въ это высшее ученое учрежденіе. Уже давно Н. Х. Бунге, въ своихъ бесѣдахъ и свиданіяхъ съ К. С. Веселовскимъ, подѣлились общею мыслью и желаніемъ изданія въ Россіи политико-экономическаго словаря. По мнѣнію обоихъ ученыхъ, уже давно созрѣла необходимость намъ имѣть нѣчто въ этомъ родѣ, хотя въ опредѣленіи подробностей академики и расходились. Константинъ Степановичъ считалъ, что для Россіи нуженъ такой же, по возможности, сообразно научнымъ силамъ, ученый словарь, какъ знаменитый словарь государственныхъ наукъ Конрада („Handwörterbuch der Staatswissensschaften, Herausgegeben von Dr. *I. Conrad* u. a.). Напротивъ, Бунге думалъ, что на первый разъ

достаточно будетъ, ежели словарь будетъ значительно сокращенныхъ размѣровъ и имѣть характеръ лишь справочный, въ родѣ извѣстнаго англійскаго словаря „Dictionnary of Political Economy by *R. H. Inglis Palgrave*", или еще короче. Въ 1895 году, когда рѣшился въ принципѣ вопросъ о моемъ избраніи въ члены Академіи и переселеніи въ Петербургъ, оба почтенныхъ академика съ жаромъ ухватились за осуществленіе мысли о словарѣ, вслѣдъ за моимъ переселеніемъ. Преклонные годы и слабое здоровье мѣшали имъ обоимъ лично заняться сложнымъ дѣломъ изданія. Поэтому Николай Христіановичъ и Константинъ Степановичъ рѣшили, для осуществленія мысли, воспользоваться моимъ присутствіемъ и осуществить планъ о словарѣ подъ моей фактической редакціей и, разумѣется, при ихъ ближайшемъ и благосклонномъ къ этому дѣлу участіи. Такъ дѣло это между нами и было рѣшено. Я еще не былъ даже утвержденъ академикомъ послѣ выборовъ, а между нами шла довольно дѣятельная переписка по поводу предполагаемаго словаря. Оба старца были такъ дѣятельны, что, не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, уже выработали записку по поводу словаря для внесенія ея въ историко-филологическое отдѣленіе Академіи и собрали всѣ необходимыя для этого справки. Министръ финансовъ С. Ю. Витте, у котораго по этому поводу зондировалъ почву Н. X Бунге, отозвался о планѣ очень сочувственно и обѣщалъ достать необходимыя для словаря деньги. Необходимо было, слѣдовательно, выработать подробности проекта и пустить дѣло на утвержденіе Академіи. Къ сожалѣнію, серьезной препоной къ успѣшному ходу дѣла явился я, противъ своей воли. Сначала, почему-то, утвержденіе мое, уже послѣ сдѣланныхъ выборовъ, сильно затянулось, затѣмъ къ маю я уже былъ утвержденъ, но вслѣдствіе серьезной болѣзни, которой страдалъ всю первую половину этого 1895 года, я, по настоянію врачей, вынужденъ былъ наскоро собраться и ѣхать за границу для серьезнаго леченія грязями въ Маріенбадъ, не заѣзжая въ Петербургъ. Тамъ я получилъ письмо отъ Николая Христіановича отъ 12 мая изъ Царскаго Села, гдѣ онъ проживалъ, съ упоминаніемъ, во-первыхъ, о моемъ утвержденіи ординарнымъ академикомъ, и во-вторыхъ, что по поводу словаря послѣ совѣщанія съ сочувствовавшими этому предпріятію лицами, было рѣшено *ждать моего возвращенія изъ-за границы, такъ какъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, съ этимъ связанныхъ, безъ меня было бы затруднительно.* О томъ же самомъ увѣдомилъ меня скоро и Веселовскій, а сверхъ того Николай Христіановичъ переслалъ мнѣ записку, ими составленную, для внесенія въ конференцію Академіи. Вотъ ея содержаніе:

„Въ послѣдніе годы въ русской политико-экономической литературѣ замѣтно значительное оживленіе. Объ интересѣ, пробудившемся въ читающемъ обществѣ къ этой отрасли знаній, можно судить по числу издаваемыхъ книгъ и по числу статей политико-экономическаго содержанія, помѣщаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Въ этомъ движеніи, однако, болѣе замѣтно желаніе удовлетворить возникшія потребности, чѣмъ стремленіе къ серьезному изученію текущихъ вопросовъ. Съ одинаковою легкостью превозносятся и осуждаются развитіе или съуженіе финансовой дѣятельности государства, тѣ или другіе способы обезпеченія народнаго продовольствія, возстановленіе обращенія монеты, развитіе кредитныхъ операцій, тѣ или другія формы земельной собственности, начиная отъ маіоратовъ и оканчивая такъ называемою „національзаціею“ земли.

Возникновеніе противоположныхъ мнѣній вызывается у насъ не столько служеніемъ извѣстнымъ интересамъ, какъ это часто бываетъ въ Западной Европѣ, сколько нѣкоторымъ незнакомствомъ съ исторіею экономическихъ явленій и съ основными положеніями, выработанными и жизнью и наукой.

Поэтому казалось бы полезнымъ предпринять изданіе Словаря экономическихъ наукъ, заключающаго въ себѣ, по преимуществу, фактическую разработку важнѣйшихъ предметовъ, относящихся къ народному и государственному хозяйству. Само собою разумѣется, что безъидейнымъ такое изданіе быть не можетъ, но въ немъ необходимо устранить всякую односторонность въ направленіи. Въ этомъ отношеніи образцомъ могъ бы служить „Hanwörterbuch der Staatswissenschaften“ Конрада.

Подобный Словарь могъ бы сдѣлаться настольною книжкою не только для многихъ служащихъ, нуждающихся въ теоретическихъ и фактическихъ справкахъ, но и для каждаго образованнаго человѣка, желающаго или разъяснить себѣ извѣстный вопросъ, или, приступая къ его изученію, найти также и указаніе литературы предмета.

Предпринимая подобное изданіе, Академія, при даровомъ участіи своихъ сочленовъ по политической экономіи и статистикѣ, могла бы пригласить сотрудниковъ за извѣстную плату изъ числа ученыхъ и служащихъ по Министерствамъ: Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія и по Государственному Контролю. Участіе Академіи въ дѣлѣ послужило бы ручательствомъ относительно серьезнаго направленія, а также и того, что послѣднее будетъ доведено до конца.

На изданіе двухъ томовъ, считая въ каждомъ по 50 листовъ въ 2 столбца, потребуется по прилагаемому разсчету круглымъ чи-

сломъ около 15.000 руб. Если бы эти деньги были отпущены въ теченіе двухъ лѣтъ по 7.000 р. на каждый томъ, то было бы обезпечено не только изданіе Словаря, но также его продолженіе и выпускъ новыхъ изданій, конечно, подъ условіемъ, что отпущенныя суммы будутъ отнесены къ спеціальнымъ средствамъ Академіи, имѣющимъ опредѣленное назначеніе".

Двумя недѣлями позднѣе я получилъ еще письмо, увы, послѣднее, отъ почтеннаго Николая Христіановича, гдѣ онъ сообщаетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и о судьбѣ нашего общаго Словаря:

„Искренне уважаемый Иванъ Ивановичъ,

„Очень обрадовало меня извѣстіе, что воды принесли вамъ пользу. Я тоже пью Киссингенъ. Встаю въ 5 часовъ и гуляю, но безъ музыки, только нѣтъ, увы, той жизни, которая прельщала меня на водахъ. Царское Село вообще городъ съ домами, но безъ жителей, а теперь, кажется, ихъ еще менѣе.

„Императорская чета ведетъ очень уединенную жизнь, пріемовъ нѣтъ, Александровскій паркъ закрытъ, такъ что отсутствіе оживленія совершенно естественно. Въ послѣднія двѣ недѣли я былъ замученъ работою. — Витте притянулъ меня въ разныя засѣданія, въ томъ числѣ и сахарное, которое портитъ мнѣ много крови, потому что придется опять регламентировать, если не синдикатъ, то какой-нибудь способъ для ограниченія производства!!...

„Въ сущности, никакой потери не произойдетъ отъ того, что дѣло объ изданіи Словаря будетъ отложено до Вашего возвращенія. Вѣдь все равно до сентября денегъ не потребуется, и ничего написано не будетъ.

„Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ предположеніе К. С. Веселовскаго, тѣмъ болѣе отдаю справедливости его основной мысли, но тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, чтобы она была легко осуществима. Я предпочелъ бы „справочный" Словарь—ученому, но такая книга быть можетъ не для Академіи.

Искренне желаю вамъ полнаго выздоровленія

Сердечно преданный Вамъ

Н. Бунге".

Затѣмъ наступила нѣкоторая заминка въ нашей корреспонденціи. Я довольно долго не получалъ никакихъ извѣстій, какъ внезапно прочелъ въ читальнѣ Курорта Маріенбада, въ русской газетѣ, печальную телеграмму о внезапной кончинѣ Николая Христіановича... Въ его лицѣ для Россіи умеръ одинъ изъ полезнѣйшихъ ея гражданъ, а для меня лично дорогой, можно сказать покровитель и другъ, расположеніемъ котораго я пользовался много лѣтъ безъ всякой съ моей

стороны заслуги, и я даже не знаю, имѣлъ ли я право на такое доброе, истинно дружеское къ себѣ расположеніе и вниманіе!? Какъ относился Николай Христіановичъ ко всѣмъ моимъ научнымъ трудамъ, поддерживалъ во мнѣ бодрость духа, нужную энергію и чувство самоуваженія, можно судить по тѣмъ лестнымъ для меня похваламъ и снисходительному сужденію, которыя онъ высказывалъ всегда къ моимъ работамъ. Такъ, напримѣръ, еще въ 1890 году отъ 11 Іюня, я получилъ отъ него нижеслѣдующее письмо съ столь доброй оцѣнкой о моемъ „Курсѣ Финансовъ", только что передъ этимъ ему посланномъ. Письмо я получилъ, также находясь за границей, въ Цюрихѣ. Вотъ оно:

„Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ!

„Благодарю Васъ за „Основныя начала финансовой науки", которыя я получилъ на этихъ дняхъ и спѣшу поздравить тѣхъ, которые будутъ по нимъ учиться, — съ возможностью быстро, легко и основательно ознакомиться съ предметомъ.

„Мнѣ приходилось четыре раза приниматься за преподаваніе финансовъ. Я читалъ Финансовое Право въ Лицеѣ Кн. Безбородко въ 1845—1850; потомъ года два въ Университетѣ, въ 60-хъ годахъ, и наконецъ составилъ два курса для моихъ Августѣйшихъ слушателей въ 1863—64 и 1888—89 годахъ. Поэтому вы не поставите мнѣ въ вину, если я отнесусь къ вашему труду критически.

„Ваши „Основныя Начала" по ясности изложенія, по умѣнію связывать факты съ теоретическими соображеніями напоминаютъ Леруа Болье, но Леруа болѣе написалъ трактатъ, а не учебникъ.—Вы избѣжали философствованія Штейна, абстрактности Вагнера (я не говорю объ его Исторіи налоговъ въ XIX вѣкѣ—это образцовое изслѣдованіе) и нѣкоторой сухости Рошера.—Я не сопоставлю Вашей книги съ „Steuerpolitik" Шеффле—это не учебникъ, а изслѣдованіе,— Вамъ, если я не ошибаюсь, можно поставить въ упрекъ только одно, что вы не остановились достаточно на тѣхъ финансовыхъ задачахъ, которыя пытались разрѣшить Вагнеръ, а въ особенности Шеффле.— Я поклонникъ послѣдняго и ставлю очень высоко его попытки внести свѣтъ науки и общихъ началъ въ практическіе вопросы. Во всякомъ случаѣ Ваше сочиненіе одно изъ немногихъ, которымъ я искренне желаю возможно большаго успѣха, потому что успѣхъ его будетъ успѣхомъ финансовыхъ знаній въ Россіи.

„Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и всегдашней преданности.

Н. Бунге".

Также добро относился онъ, впрочемъ, и ко многимъ другимъ моимъ трудамъ, восхваляя ихъ выше достоинства, подъ вліяніемъ несомнѣнной симпатіи и чувства близости, которое имѣлъ ко мнѣ.

Вскорѣ, послѣ кончины Николая Христіановича, повергшей меня въ большое уныніе и горе, я обратился немедленно къ К. С. Веселовскому съ выраженіями своихъ по этому поводу чувствъ, а также и съ вопросами о возможномъ будущемъ нашихъ общихъ плановъ. Отвѣтъ отъ Веселовскаго, подлинникъ котораго у меня затерялся, получился самый рѣшительный и прискорбный: „Разумѣется, на основаніи хорошихъ знаній нашихъ русскихъ условій, со смертью Бунге мы должны покончить и похоронить также и наши планы объ изданіи Словаря. Первый, конечно, вопросъ о деньгахъ, но если ихъ даже, въ виду категорическаго, хотя бы и словеснаго согласія Витте, намъ и дадутъ, то, вѣдь, предстоитъ гораздо болѣе серьезный вопросъ о цензурѣ. Несмотря ни на какія бумажныя изъятія и привилегіи, цензура насъ съѣстъ,—буквально выразился почтенный старецъ—„хотя бы на первой буквѣ А, за слово „анархія“, или второй—Б, за слово „богатство“. Итакъ, оставимъ нынѣ тщетный и безполезный планъ, изъ котораго теперь ничего не выйдетъ, кромѣ сокращенія нашего бреннаго существованія“!!..

Такимъ образомъ, увы! со смертью Николая Христіановича, чего я сначала не понималъ, и что мнѣ не входило въ голову, рушился въ самомъ зародышѣ планъ изданія Академическаго Словаря политико-экономическихъ и общественныхъ наукъ. Я сдѣлался съ 1905 года дѣйствительнымъ членомъ Академіи наукъ, но вопросъ объ Экономическомъ Словарѣ уже болѣе не поднимался.

Я уже охарактеризовалъ въ одной изъ первыхъ главъ прекрасную личность Александра Ивановича Чупрова и тѣ сомнѣнія, которыя впрочемъ, имѣли мѣсто при первомъ знакомствѣ и изгладились при дальнѣйшемъ сближеніи, превратившись въ самую тѣсную дружбу. Несмотря на нѣкоторыя уже довольно раннія различія въ общемъ характерѣ міросозерцанія, мнѣнія наши съ Александромъ Ивановичемъ въ большинствѣ совпадали или болѣе или менѣе были близки другъ къ другу. Впрочемъ,—онъ былъ наклоненъ больше къ оптимизму—смотрѣть на все черезъ розовыя очки,—я же—скорѣе къ пессимизму. Онъ старался не видѣть зла даже тамъ, гдѣ оно было; я же, наоборотъ, прежде всего обращалъ вниманіе на дурную сторону предмета или лица. Поэтому онъ часто дружилъ тамъ, гдѣ я склонялся къ непріязни, или, по крайней мѣрѣ, къ полному равнодушію.

Наша связь и дружба поддерживалась, конечно, взаимными одолженіями и услугами, которымъ нѣтъ числа и въ крупныхъ и мел-

кихъ случаяхъ обыденной жизни. Эти услуги дѣлались обыкновенно охотно, безъ особой даже просьбы и только при одномъ предположеніи или намекѣ, какъ увидимъ дальше на примѣрахъ, относительно желательности такой услуги. Трудно рѣшить, кто изъ насъ въ этомъ отношеніи остался должникомъ у другого. Приведу дальше перечисленіе нѣкоторыхъ выдающихся пунктовъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Первая крупная услуга мнѣ со стороны Чупрова, насколько я припоминаю, были большія и удачныя хлопоты его объ опредѣленіи на службу моего зятя М. И. Шмуккера, земскаго врача въ Саратовской губерніи, только что лишившагося своего мѣста, съ огромной семьей на рукахъ, при губернаторствѣ въ Саратовской губерніи князя Мещерскаго. Такъ какъ возвращеніе на старую службу моему зятю было немыслимо, то надо было по возможности въ той же губерніи выхлопотать ему другое мѣсто. Благодаря усерднымъ стараніямъ Александра Ивановича и его обращенію къ лицамъ, власть имѣющимъ, Шмуккеръ вскорѣ нашелъ себѣ мѣсто въ качествѣ желѣзнодорожнаго врача на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ въ г. Вольскѣ, гдѣ уже много лѣтъ пребываетъ благополучно и донынѣ.

Вторая дружеская услуга покойнаго Александра Ивановича, которую я цѣню еще больше, это сердечное его отношеніе и участіе, которыя онъ выказалъ для успокоенія и смягченія послѣдствій нелѣпаго студенческаго безпорядка, бывшаго въ 1894 г. у меня на лекціяхъ (о которомъ я уже упоминалъ еще въ главѣ VI, говоря о Л. Толстомъ). Студенты потребовали отъ меня произвольно отмѣны лекціи; я не согласился; вышло, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, раздѣленіе аудиторіи на двѣ части: половина студентовъ шикала, другая хлопала. Университетъ назначилъ слѣдствіе, съ недѣлю продолжалось броженіе и чтеніе лекцій временно пріостановилось. Чупровъ, одинаково съ Ф. Ф. Эрисманомъ собиралъ у себя студентовъ и черезъ знакомыхъ старался повліять на нихъ объясненіемъ истинныхъ ихъ обязанностей. Черезъ недѣлю, примѣрно, все благополучно кончилось, и курсъ возобновился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ. Вся эта исторія оставила во мнѣ лишь непріятныя воспоминанія и дала толчокъ рѣшенію моему покинуть Университетъ и принять предложеніе Петербургской Академіи Наукъ перейти къ ней на службу. Такъ какъ мною уже былъ подготовленъ достойный преемникъ И. Х. Озеровъ, то я счелъ этотъ планъ удобопріемлемымъ для избѣжанія возможнаго въ будущемъ повторенія непріятностей, въ виду замѣтно возростающаго броженія между студентами и скоро сдѣлался академикомъ, о чемъ подробнѣе буду говорить въ другомъ мѣстѣ (въ перепискѣ съ Н. Х. Бунге).

Съ моей стороны выказывалось также полнѣйшее желаніе и стараніе помогать милому Александру Ивановичу во всѣхъ его затрудненіяхъ, насколько это было въ моихъ силахъ и средствахъ. Приведу также нѣсколько примѣровъ. Возвратившись изъ первой моей поѣздки въ Англію въ семидесятыхъ годахъ и познакомившись тамъ случайно и довольно близко съ страхованіемъ жизни и важностью его не только для государства, но и для личнаго семейнаго благополучія, я сдѣлался усерднымъ, ревностнымъ пропагандистомъ этого вида страхованія, застраховался немедленно самъ и даже два раза въ посильныя суммы, и на всѣхъ собраніяхъ и встрѣчахъ убѣждалъ усердно всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, особенно семейныхъ, какъ Чупровъ, послѣдовать моему примѣру и застраховаться. Нѣкоторые дѣйствительно поддались моимъ внушеніямъ, но Чупровъ долго колебался, возражая, что бѣдность мѣшаетъ ему застраховаться въ солидную сумму, а въ малую-де не стоитъ. Но тутъ произошелъ на глазахъ наглядный случай всей важности страхованія, даже въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ: скоропостижно умеръ нашъ общій знакомый нѣкто Добросердовъ, болѣе всѣхъ поддерживавшій Александра Ивановича въ безполезности малыхъ страхованій. И какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ его рѣчей, на одномъ изъ моихъ обычныхъ журфиксовъ я объявилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Добросердова, проживавшаго въ одномъ со мной домѣ, и о необходимости сдѣлать сборъ на похороны и въ пользу голодавшей его семьи, въ чемъ великодушно принялъ конечно участіе и Александръ Ивановичъ. Этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервы Александра Ивановича, что онъ немедленно побѣжалъ къ врачу страхового общества, кажется „Якоря", и поспѣшилъ застраховаться. Много разъ въ жизни онъ вспоминалъ потомъ объ этомъ обстоятельствѣ, благодаря меня за уговоры мои и убѣжденія къ страхованію.

Вѣроятно, немногія лица знаютъ, что Александръ Ивановичъ Чупровъ едва не прошелъ въ нашу Академію Наукъ вмѣсто меня и гораздо раньше меня, и если этого не случилось, то это зависѣло не отъ нашей воли, а отъ слѣпого случая. Въ одно прекрасное утро въ концѣ восьмидесятыхъ или началѣ девяностыхъ годовъ ко мнѣ внезапно появился на квартиру въ Москвѣ мой товарищъ по профессурѣ Николай Яковлевичъ Гротъ, профессоръ философіи, нынѣ давно умершій. Такъ какъ мы домами съ нимъ не были знакомы и даже обычнаго визита при поступленіи въ Университетъ онъ не сдѣлалъ, и наши свиданія ограничивались лишь засѣданіями въ университетскомъ совѣтѣ и случайными встрѣчами, то я, разумѣется, былъ не мало удивленъ его визиту и сразу предположилъ, что его привело ко мнѣ какое-нибудь серьезное и важное дѣло.

„Я только что получилъ“, приступилъ прямо Николай Яковлевичъ, „важное, спѣшное письмо отъ отца моего, академика Грота въ Петербургѣ. Зная вѣроятно о Вашей близости и дружбѣ съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ, онъ поручилъ мнѣ просить Васъ отъ Академіи, въ виду того, что тамъ опросталась (кажется, за смертью Безобразова) каѳедра политической экономіи, написать мотивированный отчетъ о трудахъ и сочиненіяхъ А. И. Чупрова для предложенія его и промоціи въ Академіи на это мѣсто. При этомъ необходимо два условія: спѣшность и полная скромность, т. е. молчаніе обо всемъ этомъ дѣлѣ до поры до времени... Если Вы согласитесь, въ чемъ я увѣренъ по дружбѣ къ Чупрову, то я немедленно телеграфирую отцу“.—„Извѣстно ли обо всемъ этомъ“, спросилъ на это я, „самому А. И. Чупрову и изъявилъ ли онъ свое согласіе?“—„Совершенно ничего не знаю“, „но Вамъ рѣшительно ничего не мѣшаетъ и даже благоразумно, въ дѣйствительности, спросить самого Чупрова“.

Конечно послѣ этого я тотчасъ изъявилъ свое согласіе исполнить возможно скоро работу для своего друга, искренно порадовавшись за него. Затѣмъ я немедленно отправился къ Александру Ивановичу и объявилъ ему объ этомъ предложеніи и своемъ обѣщаніи. Къ моему удивленію, Александръ Ивановичъ отнесся къ этому дѣлу далеко, повидимому, не съ радостью и готовностью, какъ слѣдовало ожидать. Онъ указывалъ, главнымъ образомъ, на зависть и разныя сплетни и нареканія, которыя вызоветъ его избраніе въ академики; со свойственной ему скромностью онъ ссылался наиболѣе на малое количество своихъ трудовъ и указывалъ на то, что многіе русскіе экономисты работали-де гораздо больше и скорѣе заслуживаютъ этой чести. Я ему въ свою очередь указывалъ на тѣ преимущества, которыя онъ пріобрѣтетъ, и главное на болѣе прочное положеніе въ служебномъ отношеніи, въ особенности въ виду косыхъ взглядовъ на него министерства, которые могутъ помѣшать его утвержденію при ближайшихъ выборахъ (что въ дѣйствительности, какъ сейчасъ узнаемъ, вскорѣ и случилось).

Послѣ этихъ довольно длинныхъ разговоровъ, Александръ Ивановичъ заявилъ, наконецъ, свое согласіе на дальнѣйшее движеніе этого дѣла и обѣщалъ мнѣ даже дать списокъ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ его трудовъ, которые я могъ упустить въ своемъ отзывѣ.

Черезъ недѣлю мой отзывъ, разумѣется очень лестный, объ ученыхъ трудахъ и дѣятельности Александра Ивановича былъ готовъ и переданъ Н. Я. Гроту, который отправилъ его въ Петербургъ къ академику Гроту. По всему дѣлу соблюдалась нами полная скромность, т.е. о немъ рѣшительно никто не зналъ, кромѣ заинтересованныхъ лицъ.

Прошло, однако, нѣсколько мѣсяцевъ, и не было никакихъ слуховъ о нашемъ съ Гротомъ начинаніи, пока я, наконецъ, не узналъ, не помню лично ли отъ Грота, слѣдующія обстоятельства, которыя и поспѣшилъ сообщить Чупрову—почему его промоція на этотъ разъ не удалась. Оказалось именно, что Н. Х. Бунге, бывшій министръ Финансовъ, а тогда предсѣдатель Комитета Министровъ и *почетный членъ* Академіи Наукъ, вздумалъ это послѣднее званіе, въ виду освободившейся вакансіи, измѣнить въ *дѣйствительные члены, но безъ содержанія* для чего и пожелалъ подвергнуться новому избранію Конференціи. Разумѣется, при такой конкурренціи отпала всякая мысль о дальнѣйшемъ замѣщеніи каѳедры политической экономіи, въ виду почета, во-первыхъ, имѣть такого члена въ рядахъ Академіи и вслѣдствіе общей симпатіи и уваженія къ Николаю Христіановичу. Кромѣ того, Академія при этомъ планѣ выигрывала въ свою пользу, по закону, всѣ средства, освобождавшіяся отъ содержанія данной каѳедры. Такъ безрезультатно остался мой трудъ надъ отзывомъ о столь достойномъ кандидатѣ, какъ А. И. Чупровъ, и это тѣмъ болѣе было жаль, что онъ состоялъ уже въ это время членомъ-корреспондентомъ Академіи и, слѣдовательно, имѣлъ извѣстныя права надѣяться на успѣхъ въ выборахъ, я же тогда былъ совершенно въ сторонѣ отъ Академіи и даже не мечталъ о чести попасть когда-либо въ ея ряды.

Милый Александръ Ивановичъ не хотѣлъ остаться въ долгу за описанную услугу мою, хотя и безрезультатную, не по моей винѣ. Онъ уже былъ тогда членомъ Международнаго Статистическаго Института, одинъ изъ немногихъ тогдашнихъ русскихъ ученыхъ, носившихъ это почетное званіе. Не говоря мнѣ ни слова, онъ сдѣлалъ въ Институтѣ предложеніе объ избраніи меня также, что̀ вскорѣ и состоялось, и я внезапно для себя получилъ увѣдомленіе, кажется изъ Лондона, объ избраніи меня въ члены этого почтеннаго учрежденія и предложеніе участвовать въ его трудахъ и выборахъ!..

Подобный обмѣнъ услугъ, а еще больше того, совмѣстныя и общія дѣйствія мои съ Александромъ Ивановичемъ были очень часто выраженіемъ нашего общенія и дружбы, и перечислить ихъ всѣ цѣликомъ почти за тридцать лѣтъ совмѣстнаго профессорства совсѣмъ невозможно,—приведу, пожалуй, лишь одинъ случай, который особенно ярко припоминается, благодаря печальной извѣстности того имени, котораго этотъ случай касается. Магистрантъ М. Я. Герценштейнъ, такъ трагически и несчастно покончившій впослѣдствіи свои дни отъ руки убійцы, нѣсколько разъ представлялъ въ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета заявленіе о своемъ

желаніи открыть, въ качествѣ приватъ-доцента, чтеніе курса политической экономіи; но каждый разъ это ходатайство отклонялось по волѣ начальства и, по моему мнѣнію, *безъ всякаго законнаго основанія*. Въ самомъ дѣлѣ, Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ всѣ основанія получить разрѣшеніе на открытіе курса въ качествѣ приватъ-доцента. Прежде формальнымъ препятствіемъ служило его еврейское вѣроисповѣданіе, но онъ давно уже, вмѣстѣ съ женитьбой на русской—принялъ христіанство; отлично выдержалъ магистерскій экзаменъ и просилъ только допустить его до чтенія пробныхъ лекцій. Мы съ Чупровымъ посовѣтовали ему, поговоривши съ деканомъ и нѣкоторыми членами факультета, сдѣлать новую попытку для достиженія этого, вполнѣ легальнаго, желанія; мы оба съ Александромъ Ивановичемъ горячо ратовали въ засѣданіи факультета за безусловную необходимость исполнить его просьбу и, подробно разбирая положеніе дѣла съ разныхъ сторонъ, указывали, что нѣтъ никакихъ законныхъ препятствій кромѣ чистаго произвола къ допущенію г. Герценштейна въ приватъ-доценты... Помнится мнѣ, наши настойчивыя убѣжденія подѣйствовали на большинство факультета въ этомъ засѣданіи, и значительное число голосовъ, начиная (что намъ казалось особенно важнымъ) съ декана факультета В. А. Легонина, высказались за допущеніе М. Я. Герценштейна, при соблюденіи, конечно, извѣстныхъ требуемыхъ формальностей; но не согласился рѣшительно и говорилъ рѣзко и долго противъ допущенія Герценштейна на каѳедру лишь одинъ, собственно, вліятельный членъ факультета—бывшій тогда ректоромъ Н. П. Боголѣповъ. Онъ соглашался вполнѣ съ формальными аргументами въ пользу допущенія Герценштейна на каѳедру, но ставилъ вопросъ широко и произвольно. Противно закону, онъ утверждалъ, что крещеный еврей остается все равно евреемъ и долженъ подвергаться-де тѣмъ же самымъ ограниченіямъ, т. е. никогда не допускаться въ университетъ, и что мы съ Чупровымъ, такъ горячо ратующіе за отступленіе отъ этого принципа, хотя бы въ силу формальнаго закона, непремѣнно когда-нибудь горько раскаемся!!? [1]). Поэтому онъ-де, Боголѣповъ, видя, что большинство склоняется благопріятно на просьбу Герцен-

---

[1]) Въ теченіе всей моей тридцатилѣтней профессорской жизни мнѣ не пришлось, однако, убѣдиться въ справедливости предсказанія Н. П. Б. по той простой причинѣ, что многократныя мои попытки провести на каѳедру изъ своихъ учениковъ вполнѣ достойныхъ кандидатовъ-евреевъ оказывались всегда тщетными и безрезультатными. До сихъ поръ еще я встрѣчаю часто служащими въ банкахъ и въ рядахъ адвокатуры такихъ евреевъ—учениковъ, которые были бы гораздо умѣстнѣе и полезнѣе на университетскихъ каѳедрахъ!!.

штейна, остается при особомъ мнѣніи и заявитъ его Попечителю...—
Въ результатѣ, Попечитель впослѣдствіи присоединился къ мнѣнію Боголѣпова, и мнѣніе большинства факультета провалилось, а Герценштейнъ и этотъ разъ не получилъ допущенія въ Университетъ и лишь добился его гораздо позднѣе, въ эпоху, кажется, такъ называемаго освободительнаго движенія.

Возвращаясь къ обоюднымъ между мною и Чупровымъ услугамъ, я долженъ разсказать далѣе подробно о всѣхъ тѣхъ тревогахъ, которыя намъ обоимъ принесъ прямо или косвенно 1895 годъ, и о тѣхъ хлопотахъ и мѣрахъ, которыя пришлось принимать для устраненія возможныхъ крупныхъ непріятностей. Лучше всего выразить причину всѣхъ этихъ тревогъ простымъ и краткимъ словомъ моей жены въ ея современномъ событію письмѣ (отъ 31 октября 1895 г.): „Иванъ Ивановичъ“, пишетъ она своимъ родителямъ, „вчера опять уѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней: тамъ у него два засѣданія въ Академіи. Тутъ долгое время переживали всѣ тревогу по поводу того, что Александра Ивановича Чупрова не приглашали къ чтенію лекцій послѣ окончанія имъ двадцатипятилѣтняго срока, и было даже опасеніе, что его хотятъ совсѣмъ устранить, такъ что Иванъ Ивановичъ хлопоталъ о немъ въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, все уладилось, и онъ уже началъ лекціи, а то студенты уже принимались волноваться“...

Прежде чѣмъ разсказать подробно о моихъ хлопотахъ по этому крупному и тревожному дѣлу, я считаю полезнымъ привести справку изъ своего письма по этому поводу къ женѣ изъ Петербурга еще 19 сентября 1895 года: „Очень хлопочу“, пишу я, „о бѣдномъ Чупровѣ: его хочетъ Деляновъ. кажется, серьезно вытѣснить изъ Университета. Надо серьезно же и похлопотать въ Москвѣ у генералъ-губернатора: думаю съѣздить къ Боголѣпову, лично, и его также попросить. Вчера я послалъ телеграммой по просьбѣ Чупрова печальную ему вѣсть о совѣтѣ Делянова—подождать съ чтеніемъ лекцій“... „Потомъ, однако, стало какъ будто проясняться“... „Какое огромное лишеніе для насъ“, добавляю я въ томъ же письмѣ,— „смерть Бунге!.. Онъ бы навѣрное все устроилъ къ общему благополучію. Сегодня ѣздилъ даже къ нашему бывшему сотоварищу Плеве: хотѣлъ попросить хоть его заступиться за бѣдняжку, но увы! Плеве еще въ Костромской губерніи... Другихъ вліятельныхъ знакомцевъ Муравьева и Витте—также нѣтъ въ Петербургѣ“... (Sic!)

Двѣ мои поѣздки осенью 1895 года въ Петербургъ по просьбѣ самого Александра Ивановича я посвятилъ посѣщенію всѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла его дальнѣйшая судьба въ университетѣ, и болѣе или менѣе горячо говорилъ въ его пользу и защиту. Прежде всего

я отнесся къ моему новому сотоварищу по Академіи и въ то же время вице-директору Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія В. В. Латышеву, чтобы констатировать положеніе дѣла. Съ основательностью, ему свойственной, почтенный академикъ подтвердилъ мнѣ, что А. И. Чупровъ считается серьезно скомпрометтированнымъ и тревожитъ своей дальнѣйшей участью Министерство, хотя оно ничего противъ него не имѣетъ и всѣ обвиненія текутъ изъ Москвы; онъ совѣтовалъ мнѣ хорошенько переговорить обо всемъ съ Н. М. Аничковымъ—директоромъ и самимъ графомъ Иваномъ Давидовичемъ, который, повидимому, очень занятъ дѣломъ Чупрова. Н. М. Аничковъ, который, надо отдать ему справедливость, все время относился къ моимъ хлопотамъ доброжелательно, объяснилъ мнѣ, что представленія и жалобы на извѣстную некорректность Чупрова въ его Университетскомъ поведеніи текутъ изъ Москвы и слѣдовало бы дѣйствовать на Боголѣпова, отъ котораго многое зависитъ; но само собой разумѣется, надо прежде всего серьезно побесѣдовать и узнать мнѣніе графа Ивана Давидовича и какъ онъ къ этому отнесется.

Я немедленно отправился къ Делянову, принятъ имъ былъ, какъ всегда, любезно и, зная его привычку приглашать къ себѣ обѣдать профессоровъ, которые на болѣе долгое время пріѣзжали въ столицу, самъ подсказалъ такое ему приглашеніе, заявивши, что пріѣхалъ на продолжительное время по дѣламъ Академіи и желалъ бы побесѣдовать съ нимъ о многихъ вопросахъ. Добрѣйшій Иванъ Давидовичъ Деляновъ немедленно пригласилъ меня къ себѣ на другой день откушать, и мы на довольно продолжительное время очутились съ нимъ съ глазу на глазъ, вдвоемъ—для желанныхъ мною разговоровъ о Чупровѣ.

Я тотчасъ же, какъ называется, притянулъ быка за рога и на вопросы Ивана Давидовича, что̀ у насъ дѣлается въ Москвѣ, отвѣтилъ, что въ Университетскихъ кругахъ теперь тревожатся участью Чупрова, что затянулось его дальнѣйшее оставленіе въ университетѣ и не приходитъ утвержденіе изъ Петербурга. „Да, да“, съ нѣкоторой досадой отвѣчалъ мнѣ графъ Деляновъ, „что̀ прикажете дѣлать?... Я знаю хорошо“, перебилъ онъ меня, когда я хотѣлъ что-то пояснить, „что Александръ Ивановичъ умница и добрѣйшей души человѣкъ, но ведетъ себя неосторожно: говоритъ больше, чѣмъ надо и съ кѣмъ не слѣдуетъ!“—„Помилуйте, многоуважаемый графъ“, возразилъ я, „Александръ Ивановичъ корректный и скромный человѣкъ и ничего не законнаго дѣлать никогда не будетъ: за что же такое рѣзкое осужденіе противъ него?“—„Что же дѣлать, когда Московская администрація и прежде и нынѣ постоянно сообщаетъ о разныхъ неосторожностяхъ Чупрова? Вотъ теперь, напр., попечитель,

новое лицо—вашъ бывшій товарищъ—Николай Павловичъ (Боголѣповъ), и ему уже не даютъ покоя съ Александромъ Ивановичемъ. Я боюсь, что если мы его пропустимъ дальше на пятилѣтіе, то, пожалуй, будутъ протестовать противъ нашего рѣшенія... Знаете, ему не слѣдуетъ торопиться прошеніемъ о дальнѣйшемъ оставленіи на службѣ; если вы съ нимъ дружны, то передайте ему это: можетъ выйти хуже"... Послѣ этого разговора съ Министромъ, я немедленно послалъ Александру Ивановичу ту телеграму, о которой уже упомянулъ, и вслѣдъ затѣмъ большое письмо, которое постигла странная участь: оно дошло до Москвы лишь черезъ три дня, по словамъ Чупрова—чуть ли не распечатанное.

Въ концѣ обѣда я настойчиво присталъ къ доброму все-таки хозяину съ разспросами, въ чемъ же собственно обвиняютъ или подозрѣваютъ Александра Ивановича, что онъ такое сдѣлалъ, чтобы заслужить гнѣвъ начальства? Но Иванъ Давидовичъ на этотъ разъ отвѣчалъ уклончиво общими мѣстами и шутками, очевидно не желая мнѣ сказать точную правду—или не считая ее достаточной. Между прочимъ тутъ подтвердился извѣстный любимый анекдотъ объ И. Д. Деляновѣ, который я слышалъ раньше нѣсколько разъ, а именно его сравненіе о строгости поведенія профессоровъ и архіереевъ, по господствующимъ воззрѣніямъ. „Вѣдь вотъ ничего нѣтъ, конечно, зазорнаго прогуляться по Невскому даже вечеркомъ; попробуй это сдѣлать архіерей—въ результатѣ будетъ всеобщее осужденіе его поведенія!!. Также относится публика и къ профессорамъ: съ ихъ стороны требуется особая осторожность и благоразуміе въ каждомъ своемъ шагѣ. Ну вотъ Александръ Ивановичъ и въ данномъ случаѣ погрѣшаетъ: часто неосторожно дѣйствуетъ и говоритъ, откуда и являются нареканія при всѣхъ его достоинствахъ"... Такъ я и не добился точнаго и опредѣленнаго отвѣта о причинахъ предполагаемой угрозы изгнать моего милаго друга изъ стѣнъ Московскаго Университета. Отъ Делянова я, помню, поспѣшилъ для окончательнаго совѣта къ Н. М. Аничкову, отношенія котораго къ Чупрову мнѣ показались всѣхъ добрѣе. Я спросилъ его категорически, что мнѣ дѣлать дальше, чтобы спасти Чупрова и сберечь его для Университета, предварительно разсказавши, конечно, бесѣду съ графомъ. „Все дѣло въ Москвѣ", отвѣчалъ онъ, „и ближайшимъ образомъ въ Н. П. Боголѣповѣ. Я знаю, что онъ не любитъ Чупрова; но какъ относится къ вамъ?"—„Я съ нимъ состою въ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ", отвѣчалъ я, „несмотря на нѣкоторыя столкновенія по поводу евреевъ".—„Ну и прекрасно, возвращайтесь въ Москву и убѣждайте его: участь Чупрова во многомъ зависитъ отъ мнѣній и желаній Николая Павловича"!..

Я вернулся вскорѣ же въ Москву и лично подробно передалъ все Чупрову, который, разумѣется, согласился съ необходимостью мнѣ предварительно повидаться съ Боголѣповымъ и пощупать почву. Въ одинъ изъ ближайшихъ же дней я посѣтилъ Николая Павловича, довольно откровенно разсказалъ ему о всѣхъ своихъ хлопотахъ въ Петербургѣ и поставилъ ребромъ, что дальнѣйшая участь Чупрова, вѣроятно, зависитъ отъ его доброжеланія?.. Мнѣ пришлось вынести большую непріятность: выслушать нѣсколько разъ и при томъ безъ особой мотивировки и стараться отпарировать обвиненіе Чупрова Боголѣповымъ, которое онъ не стѣснился разъ даже позднѣе высказать моей женѣ въ частной бесѣдѣ съ ней—*въ лицемѣріи* А. И. Ч. „Онъ лицемѣръ", твердилъ Николай Павловичъ, одно говоритъ на языкѣ, а иногда и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", а дѣлаетъ совершенно другое!" Конечно, я старался опровергнуть и оспорить это недостойное обвиненіе, какъ только было въ моихъ силахъ—тѣмъ болѣе, что точной формулировки и приведенія отдѣльныхъ случаевъ онъ не давалъ, обвиняя Чупрова лишь, такъ сказать, огуломъ. Несмотря на все мое несогласіе съ мнѣніемъ Боголѣпова и мою любовь и уваженіе къ Александру Ивановичу, я долженъ, однако, сознаться, что считаю это странное, много разъ въ жизни повторенное Боголѣповымъ, мнѣніе хотя и совершенно ложнымъ, но высказаннымъ вполнѣ искренно: Н. П. Боголѣповъ былъ не менѣе искренній и честный, какъ А. И. Чупровъ, человѣкъ, только совершенно иного рода: они представляли собой слишкомъ противоположныя натуры, почему и не могли терпѣть и понимать другъ друга; это для меня обнаружилось ясно во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ чертахъ ихъ жизни. Боголѣповъ былъ человѣкъ, прежде всего, крайне прямолинейный, не допускавшій и мысли объ отклоненіи отъ разъ принятаго пути, какъ бы это отклоненіе ни было справедливо и необходимо. Стóитъ только припомнить—объяснять я теперь не имѣю нужды—извѣстное отношеніе его къ евреямъ... Тутъ онъ былъ всегда неумолимъ и невозможно было убѣдить его къ уступкамъ. Совсѣмъ иной былъ Чупровъ: онъ былъ человѣкъ очень гибкій и уклончивый въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, насколько этого требовало его благородное сердце, гуманность и общій складъ его убѣжденій. Благодаря послѣдней причинѣ многія рѣшенія у него по одинаковымъ вопросамъ получались разныя, и это вело къ обвиненію его со стороны въ непослѣдовательности, а въ столкновеніяхъ съ совершенно противоположными людьми, какъ Боголѣповъ, не понимавшими иного поведенія, какъ свое—прямолинейное—даже и въ лицемѣріи...

Я всячески старался примирить взглядъ Боголѣпова, какъ По-

печителя, съ дѣятельностью моего незабвеннаго друга Александра Ивановича, какъ профессора. Я указалъ дальше Попечителю, наконецъ, на опасныя послѣдствія, которыя дальнѣйшее неутвержденіе Чупрова можетъ вызвать, на неизбѣжныя волненія между студентами, съ чѣмъ Боголѣповъ, разумѣется, не могъ не считаться. Боголѣповъ подумалъ и отвѣтилъ рѣшительно: „Ну что же, я ничего лично не скажу противъ Александра Ивановича. Передайте ему, что если онъ явится ко мнѣ и заявитъ о болѣе корректномъ на будущее и прямомъ образѣ дѣйствій (!!?), то я употреблю всѣ старанія удержать его въ Университетѣ".—Разумѣется, я немедленно посѣтилъ Чупрова и передалъ ему въ возможно деликатной формѣ все происходившее, предлагая отправиться къ Боголѣпову вмѣстѣ со мной, какъ посредникомъ, или безъ меня. По нѣкоторому размышленію, рѣшили, что лучше ему одному отправиться, что̀ онъ и сдѣлалъ. На разспросы мои послѣ возвращенія отъ Попечителя, Чупровъ категорически замѣтилъ, что все окончилось-де благополучно: Боголѣповъ обѣщалъ употребить всѣ старанія на продленіе его службы, но вѣроятно, какъ я могъ замѣтить по разнымъ признака̀мъ, объясненіе это было не легко для бѣднаго Александра Ивановича, почему я, разумѣется, и не настаивалъ на разспрашиваніи.

Какъ извѣстно, съ окончаніемъ своей профессорской тридцатилѣтней службы, Александръ Ивановичъ переселился, по̀ причинамъ мнѣ не совсѣмъ яснымъ, за границу, гдѣ проживали нѣкоторые члены его семейства, и въ Россію уже не возвращался. Тѣмъ не менѣе связь наша далеко не прекратилась: мы во-первыхъ довольно часто переписывались, принимая во вниманіе русскую лѣнь, которая распространялась и на насъ грѣшныхъ, а затѣмъ видѣлись почти ежегодно за границей, гдѣ я проводилъ съ женой каждое лѣто. Такъ мы встрѣчались съ нимъ нѣсколько разъ въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ, Цюрихѣ и, наконецъ, послѣдній разъ въ Висбаденѣ, куда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ погостить въ 1906 г. (Одна наша совмѣстная прогулка съ Чупровымъ на Нидервальдъ на Рейнѣ описана мною въ одной изъ первыхъ главъ настоящихъ „Воспоминаній"). Слѣдующее затѣмъ лѣто 1907 года мы опять были не далеко другъ отъ друга: я жилъ въ санаторіи на Боденскомъ озерѣ, а онъ въ Hohenschwangau, въ Баварскихъ Альпахъ. Къ сожалѣнію, я получилъ внезапно, въ результатѣ неудачнаго леченія въ санаторіи, новую мучительную болѣзнь—карбункулъ, меня напугавшую: проектируемая поѣздка моя къ другу въ Баварію не состоялась, и мнѣ уже больше не пришлось его видѣть въ жизни. Но переписка между нами постоянно продолжалась по разнымъ

текущимъ и интересующимъ насъ вопросамъ, кромѣ, конечно, политики, которою я никогда не занимался. Послѣднее его письмо онъ написалъ мнѣ за недѣлю до его внезапной кончины по поводу полученнаго отъ меня снимка съ портрета моего кисти В. Е. Маковскаго. Письмо это до того умно и мѣтко и такъ хорошо характеризуетъ покойнаго, понимавшаго толкъ въ живописи вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ Италіи и свойственной ему во всемъ пытливости, что заслуживало гласности для публики, почему я его и напечаталъ въ газетѣ „Слово“ [1]).

Любопытно, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ никто такъ не интересовался постоянно, не имѣя никакихъ прямыхъ сношеній, судьбой Александра Ивановича, повидимому, какъ В. К. Плеве въ теченіе части его жизни, мнѣ извѣстной. Со времени переселенія моего въ Петербургъ, въ 1898 г., по должности члена Академіи Наукъ, я встрѣчался съ Плеве, тогда въ качествѣ Государственнаго секретаря, сравнительно довольно рѣдко, но гораздо чаще, когда онъ сдѣлался Министромъ В. Д., и каждый разъ онъ встрѣчалъ меня стереотипной фразой: „А какъ поживаетъ нашъ общій другъ, (our mutual friend), Александръ Ивановичъ?“ при чемъ я передавалъ ему все извѣстное о Чупровѣ. Послѣднее, однако, время въ 1903 году наша переписка съ Чупровымъ какъ-то временно остановилась; Плеве, у котораго я былъ по дѣлу (что разсказано въ

---

[1]) Вотъ содержаніе этого письма А. И. Чупрова изъ Мюнхена отъ 16/29 февраля 1908 года: „Дорогой мой Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно утѣшилъ ты меня присылкой посткарты, представляющей, очевидно, копію съ портрета. Изображеніе твое вышло превосходно. Въ первую минуту показалось оно мнѣ черезъ чуръ солидно, но чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ ярче встаютъ твои черты и тѣмъ больше начинаю я цѣнить великое искусство мастера. Это не фотографія, а именно воспроизведеніе такихъ чертъ, которыя можно назвать въ человѣкѣ самыми существенными. Портретъ, какъ мнѣ кажется, совершенно удовлетворяетъ тому требованію, которое предъявляетъ къ художественнымъ произведеніямъ такого рода Рескинъ. Здѣсь нѣтъ такого сходства, чтобы, увидя это изображеніе, твоя собака начала лаять; но когда оно попадетъ къ другу, послѣдній не оторвется отъ него, и чѣмъ больше будетъ смотрѣть, тѣмъ больше будетъ находить знакомыхъ и милыхъ сердцу чертъ. Одно можно сказать: Маковскій, не смотря на годы, остался большимъ художникомъ, и твой портретъ дѣлаетъ ему особую честь. Дай Богъ здоровья милой Екатеринѣ Николаевнѣ, что она любящимъ сердцемъ придумала увѣковѣчить твой образъ!

„Удивительно хорошо снята посткарта. Гдѣ это нашелъ ты такого мастера? Стоило бы узнать, гдѣ дѣлаются такія копіи. Не только общіе контуры, какъ это бываетъ по большей части, но всѣ полутоны вышли совершенно отчетливо“.

другой главѣ), провожая меня изъ своего кабинета, какъ любезный хозяинъ до своей пріемной, повторилъ этотъ обычный вопросъ объ общемъ другѣ. Я былъ не совсѣмъ въ хорошемъ настроеніи и довольно невѣжливо отвѣтилъ хозяину (идя впереди его въ полъ оборота), что онъ о Чупровѣ, навѣрное, можетъ получить болѣе точныя свѣдѣнія отъ одного изъ подчиненныхъ ему департаментовъ, нежели отъ меня... Мой рѣзкій отвѣтъ, видимо, непріятно затронулъ Министра, и онъ тоже довольно рѣзко же отвѣтилъ мнѣ: „Ошибаетесь, совершенно ошибаетесь! Александръ Ивановичъ теперь совершенно корректенъ и чистъ въ политическомъ отношеніи; намъ извѣстно только, что онъ проживаетъ за границей по какимъ-то романтическимъ причинамъ“ (!?). Таковъ полученный мною изъ устъ покойнаго Министра загадочный отвѣтъ о моемъ другѣ, который до сихъ поръ является для меня неразрѣшеннымъ, такъ какъ я не считалъ себя въ правѣ касаться этого вопроса при встрѣчахъ позднѣе съ Александромъ Ивановичемъ, или членами его семьи.

Извѣстіе о внезапной кончинѣ моего незабвеннаго друга я получилъ весьма быстро и одновременно изъ двухъ источниковъ: отъ одной изъ родственницъ Чупрова, извѣщенной изъ-за границы телеграммой, и отъ Мюнхенскаго профессора Лотца, въ домѣ котораго скончался Александръ Ивановичъ и который тотчасъ же мнѣ о томъ написалъ. Письмо его въ свое время помѣщено было мною также въ газетѣ „Слово“.

Изъ матеріаловъ, уцѣлѣвшихъ у меня отъ Александра Ивановича, навѣрное, найдется нѣсколько десятковъ писемъ разной цѣнности въ неразобранной еще грудѣ моей переписки. Изъ нихъ особенную важность имѣетъ бережно сохраняемое мною большое письмо Александра Ивановича, до сихъ поръ еще не опубликованное, по важному этико-экономическому вопросу—„объ экономической цѣнности честности“—вслѣдствіе моего анкетнаго запроса по этому предмету для одной изъ моихъ будущихъ работъ: „Честность, какъ экономическій факторъ“. Я надѣюсь, что судьба дозволитъ мнѣ опубликовать, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, еще при моей жизни, эту учено-литературную работу, гдѣ увидитъ свѣтъ и упомянутое цѣнное письмо моего друга Александра Ивановича Чупрова.

ГЛАВА IX.

Практическій опытъ пробы моихъ научныхъ силъ и способностей.—Изслѣдованіе фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ.—Программа изслѣдованія.—Цѣли и задачи его— I. Внѣшняя исторія изслѣдованія.—Пріѣздъ комиссіи въ Сосновицы.—Изученіе фабрикъ вдоль Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги.—Изслѣдованіе пограничныхъ фабрикъ.—Мирковская писчебумажная мануфактура.— Калишъ.—Кормчество или контрабанда на границѣ и на фабрикахъ.—Лодзь, Томашово, Варшава и пр. промышленные пункты.—II. Результаты всего изслѣдованія и общіе выводы.—Тѣсная связь развитія польской промышленности съ присоединеніемъ къ Россіи.

Въ пятой главѣ настоящихъ воспоминаній была изложена въ краткихъ чертахъ моя фабрично-инспекторская служба и участіе въ выработкѣ и примѣненіи первыхъ въ Россіи, въ современномъ смыслѣ, фабрично-рабочихъ законовъ. Служба эта, продолжавшаяся пять моихъ лучшихъ лѣтъ, являлась какъ бы практической пробой моихъ силъ и дарованій.

Въ настоящей главѣ, переходя къ другимъ видамъ временныхъ занятій и испытанія моихъ знаній и силъ въ теченіе жизни, я хочу отдать откровенный отчетъ читателю моей автобіографіи о моихъ взглядахъ на практическіе результаты или полезность этой первой пробы моихъ силъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно, ни одна сторона или проявленіе моей дѣятельности не вызывала столь сильныхъ похвалъ и въ то же почти время рѣзкихъ осужденій, какъ именно фабрично-инспекторская [1]) Къ сожалѣнію, мнѣ прихо-

---

[1]) См. по этому поводу многія указанія въ моей книгѣ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора“. Спб. 1907 г.

дится заявить, что въ тѣсно-практическомъ отношеніи, т. е. въ интересахъ благоустройства нашего фабричнаго быта и улучшенія законовъ, моя дѣятельность въ этой области, не смотря на всѣ мои добрыя намѣренія и мечтанія приносить по этому поводу добро, никакой собственно пользы, по всей вѣроятности, дѣлу не принесла, и все шло тѣмъ же рутиннымъ, черепашьимъ ходомъ, какъ было бы, навѣрное, и безъ меня. Конечно, я обладалъ, какъ фабричный инспекторъ, многими знаніями и свѣдѣніями, которыхъ послѣдующіе мои товарищи по инспекціи не имѣли и не имѣютъ. Помимо доступнаго мнѣ матерьяла по фабричному и рабочему вопросу, я имѣлъ счастіе изучать его и лично во время многочисленныхъ моихъ посѣщеній за-границы, особенно въ Англіи и Швейцаріи путемъ личнаго знакомства и разспросовъ выдающихся фабричныхъ инспекторовъ этихъ двухъ странъ. Результаты всѣхъ этихъ личныхъ наблюденій и опыта я неоднократно сообщалъ и передавалъ Министерству Финансовъ и своимъ ближайшимъ начальникамъ, главнымъ инспекторамъ Андрееву и Михайловскому. Такъ всевозможные бланки, важные административные акты и подробности инспекторскаго осмотра и практическаго примѣненія законовъ, инспекторскія дорожныя книги, разныя заявленія и т. п. привозились, припоминается мнѣ, въ большомъ количествѣ изъ Англіи и передавались для руководства и свѣдѣнія заинтересованнымъ лицамъ. Но увы! никакого практическаго толка изъ всѣхъ моихъ попытокъ не вышло! Дѣло организаціи инспекторскаго контроля и самой инспекціи велось совершенно ощупью, безъ пользованія указаніями чужого опыта и одинаково безъ всякой попытки создать что-нибудь свое. Большинство всѣхъ этихъ важныхъ для условій хорошаго дѣйствія фабричной инспекціи вопросовъ осталось и понынѣ въ томъ же крайне несовершенномъ, такъ сказать зачаточномъ, видѣ, какъ было и во времена моей инспекціи. Укажу, для образца, на условія школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ и возможность его контроля и выполненія: у насъ до сихъ поръ не допущены въ фабричныхъ дѣлахъ *формальныя* доказательства, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ акцизномъ законодательствѣ; у насъ, наконецъ, не разрѣшенъ кардинальный вопросъ и не проведено сколько-нибудь точной и опредѣленной границы между фабрично-ремесленными и кустарными учрежденіями, о чемъ я усердно твердилъ на всѣ лады все время моей инспекторской службы (см. мою книгу „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора 1907 г.“).

Итакъ, по моему искреннему убѣжденію и къ моему величайшему прискорбію, мое участіе въ фабрично-инспекторской дѣятельности никакой въ общественномъ смыслѣ пользы не принесло и по

условіямъ у насъ существующимъ принести не могло, обратно всѣмъ ожиданіямъ. Другое дѣло въ отношеніи моихъ личныхъ интересовъ: здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, инспекторская дѣятельность оказала мнѣ огромную службу и пользу. Фабрично-инспекторская дѣятельность, во-первыхъ, расширила и освѣтила мои знанія и пониманіе рабочаго вопроса, какъ никакая книга этого сдѣлать не можетъ. Множество бесѣдъ и разговоровъ съ фабрикантами, ихъ представителями и рабочими дали мнѣ такіе факты въ руки, которыхъ я нигдѣ бы не могъ найти. Напротивъ, многія теоретическія, абстрактныя положенія науки потерпѣли фіаско, благодаря практическому знакомству съ дѣломъ. Я убѣдился, напримѣръ, въ предвзятости и лживости многихъ ходячихъ положеній, напримѣръ, о противуположности, якобы, непремѣнно интересовъ капиталистовъ и рабочихъ, что является часто сущимъ и тенденціознымъ вздоромъ, не дающимъ права къ обобщенію. Многія, точно также, положенія и чуть не аксіомы финансовой науки по предмету обложенія косвенными налогами разныхъ видовъ потребленія не находятъ себѣ приложенія на практикѣ, какъ я убѣдился на основаніи различныхъ фабричныхъ расцѣнокъ и артельныхъ списковъ; пропорціональность, по крайней мѣрѣ, весьма часто нарушается и дважды два нерѣдко выходитъ какъ будто не четыре.

Наконецъ огромная личная польза для меня практическихъ знаній и знакомства съ фабричнымъ бытомъ выразилась въ возможности съ успѣхомъ, впослѣдствіи, продѣлать другія изслѣдованія и работы, какъ опытъ моихъ силъ и познаній. Сюда относится, напримѣръ, новое изслѣдованіе, возложенное на меня, въ министерство того же Н. Х. Бунге, объ условіяхъ конкурренціи фабрично-заводской промышленности Царства Польскаго съ промышленностью Москвы или точнѣе Центральной Россіи.

Восьмидесятые года прошлаго вѣка, какъ извѣстно, отличались въ Россіи продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ и застоемъ. Многія фабрики Центральной Россіи пріостановили работу или отпускали часть рабочихъ. Весьма естественно, что тяжкій фабричный кризисъ сдѣлалъ русскихъ фабрикантовъ болѣе нервными и чувствительными въ отношеніи вопроса о конкурренціи. Между промышленностью Центральной Россіи и ея окраины—губерній Царства Польскаго завязалась постепенно упорная борьба изъ-за обладанія рынками. По настоянію главнымъ образомъ московскихъ фабрикантовъ былъ уничтоженъ закавказскій транзитъ, но это не подняло русской промышленности и привозъ иностранныхъ товаровъ хотя и уменьшился, но мѣсто ихъ въ значительной степени заняли произведенія не московской, а польской фабрикаціи. Харьковъ и

Кіевъ сдѣлались хорошимъ рынкомъ для сбыта польскихъ произведеній и даже въ самой Москвѣ появились многочисленные склады польскихъ фирмъ, и многія ихъ издѣлія начали успѣшно конкуррировать на мѣстѣ съ московскими.

Толки и неудовольствія противъ конкурренціи польскихъ фабрикъ начали раздаваться особенно сильно послѣ 1886 года, со времени появленія сенсаціонной брошюры г. Сергѣя Шарапова о Лодзи и Сосновицахъ и его публичныхъ лекцій по этому предмету. Г. Шараповъ имѣлъ предварительно, для изслѣдованія этого вопроса, спеціальную командировку московскими купцами въ Польшу и съ неразборчивостью, его отличающею, поднялъ сильную агитацію по этому поводу, исполняя волю его нанимателей, также какъ нынѣ противъ ограниченій автономіи Финляндіи. Правительство наше всегда съ особымъ благоволеніемъ и снисхожденіемъ относилось къ желаніямъ и интересамъ московскаго купечества; поэтому, когда посыпались изъ Москвы жалобы отдѣльныхъ фабрикантовъ на вредъ для Россіи польской конкурренціи, то Министерство Финансовъ немедленно откликнулось на эти ходатайства и рѣшило серьезно ими заняться. Вскорѣ затѣмъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратилъ вниманіе на ненормально быстрый ростъ и наплывъ иностраннаго населенія на нашихъ окраинахъ и спеціально увеличеніе иностраннаго землевладѣнія. Почти единовременно (немного позже) Министерство Финансовъ (Н. Х. Бунге) назначило спеціальную комиссію для изученія промышленности Царства Польскаго и особенно въ пограничной полосѣ, куда вмѣстѣ съ ростомъ нашего таможеннаго тарифа переселялись цѣликомъ иностранные фабриканты съ своими рабочими и машинами, открывая все новое и новое соперничество съ русскими производителями. Отъ Министерства Финансовъ намѣчены были двое: по экономической части—я, по технической—директоръ Технологическаго Института Н. П. Ильинъ, впослѣдствіи въ качествѣ помощника ему Н. П. Ланговой, доцентъ того же Института; и кромѣ того двое лицъ—статистовъ безъ рѣчей—отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (по паспортному дѣлу) и отъ Горнаго Департамента.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Петербургъ тогдашній директоръ Департамента Торговли и Мануфактуры А. Б. Бэръ сообщилъ мнѣ намѣреніе Министерства, по мысли его и Николая Христіановича, пригласить меня въ эту комиссію. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало и оффиціальное письменное предложеніе по этому поводу, на которое я отвѣчалъ, сгорая тогда желаніемъ всякаго новаго интереснаго дѣла, моимъ полнымъ согласіемъ. Весьма долго тяну-

лась канцелярская канитель и переписка изъ-за совершенныхъ, частью, пустяковъ, напримѣръ, изъ-за согласія на мою командировку Министерства Просвѣщенія, которое, конечно, въ вакаціонное время ничего не можетъ имѣть противъ тѣхъ или иныхъ полезныхъ занятій университетскихъ профессоровъ. Вмѣсто мая мѣсяца поѣздка комиссіи состоялась лишь въ двадцатыхъ числахъ іюня. Всѣ члены съѣхались въ Варшавѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, генералъ-губернаторъ Гурко отсутствовалъ, и мы его не могли видѣть; въ канцеляріи же его узнали, что о назначеніи комиссіи и пріѣздѣ нашемъ фабриканты уже увѣдомлены и ждутъ-де насъ съ нетерпѣніемъ. Генералъ-губернаторъ прикомандировалъ къ намъ, яко-бы на помощь при нашемъ изслѣдованіи, своего молодого чиновника по особымъ порученіямъ гр. А. А. Уварова, нынѣ столь извѣстнаго, по разнымъ поводамъ, члена Государственной Думы. Въ дѣйствительности гр. Уваровъ никакой пользы намъ не оказывалъ, ибо съ нашей комиссіей вовсе даже не ѣздилъ, а лишь показывался къ намъ всего два раза въ мѣстахъ нашего изслѣдованія на самое короткое время. Наша корреспонденція, по предложенію канцеляріи, въ виду нашихъ постоянныхъ разъѣздовъ въ Царствѣ Польскомъ, должна была направляться въ нее для храненія и доставляться намъ по извѣстному ей всегда нашему адресу, часто мѣнявшемуся.

Программа изслѣдованія заключала въ себѣ выясненіе тѣхъ условій и преимуществъ, которыя имѣетъ польская промышленность сравнительно съ внутренними губерніями Россіи, въ особенности въ московскомъ промышленномъ округѣ. Сообразно этому надлежало выяснить, какія именно отрасли промышленности получили наибольшее развитіе въ губерніяхъ Царства Польскаго; какія мѣстныя условія способствовали этому развитію; какое вліяніе на него имѣли иностранные техники и рабочіе, заграничные капиталы и полученіе изъ-за границы матеріаловъ и орудій производства; каково было воздѣйствіе повышеннаго съ 1877 года таможеннаго тарифа, и какія мѣры могли бы быть приняты противъ дальнѣйшаго искусственнаго развитія польской фабрично-заводской промышленности. При этомъ особенное вниманіе комиссіи должно было сосредоточиться именно на пограничныхъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Слѣдуя указаннымъ цѣлямъ и задачамъ изслѣдованія, я съ одобренія Министерства выработалъ двѣнадцать вопросныхъ пунктовъ для владѣльцевъ фабрикъ параллельно по-русски и по-нѣмецки и, для ускоренія нашей работы, они были разосланы по фабрикамъ Царства Польскаго еще раньше нашего прибытія туда черезъ по-

средство генералъ-губернатора и мѣстнаго начальства. Такимъ образомъ къ нашему пріѣзду въ двадцатыхъ числахъ іюня мы уже имѣли отъ большинства мѣстныхъ фабрикъ довольно подробныя свѣдѣнія, которыя оставалось лишь дополнить и провѣрить личными осмотрами.

Все изслѣдованіе мое промышленности Царства Польскаго можно изложить, собственно, въ двухъ частяхъ: во-первыхъ, такъ сказать, *внѣшняя исторія* или ходъ самаго изслѣдованія комиссіей польской промышленности; во-вторыхъ, *результаты* или данныя объ этой промышленности по экономическому отдѣлу задачи, мною собранныя. Начну съ внѣшней исторіи, какъ наиболѣе интересной и подходящей для моей біографіи и „Воспоминаній". Первоначально комиссія наша предполагала путешествовать по Польшѣ и собирать порученныя данныя цѣликомъ въ составѣ всѣхъ членовъ; но уже первые шаги совмѣстныхъ осмотровъ показали все неудобство подобной мѣры: каждый членъ нуждался въ свѣдѣніяхъ по своей спеціальности и, разумѣется, одинъ хозяинъ или завѣдующій фабрикой не могъ одновременно удовлетворять пытливость и отвѣчать нѣсколькимъ лицамъ. Въ этомъ мы убѣдились скоро въ первомъ промышленномъ пунктѣ Царства, куда пріѣхали совмѣстно— въ Сосновицахъ. Я такъ описывалъ нашъ пріѣздъ въ Сосновицы моей женѣ: „Въѣздъ нашъ въ Сосновицы былъ „торжественный": весь вокзалъ былъ запруженъ народомъ и властями; кромѣ множества разныхъ чиновъ, было нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ... Долго насъ разрывали на части, таможенные звали къ себѣ, фабриканты къ себѣ; но мы все съ достоинствомъ отвергли и устремились въ близъ лежащую корчму, гдѣ и помѣстились, впрочемъ, довольно удобно. На другой день встали въ 7 часовъ и вновь отвергли предложенія, присланныя разными фабрикантами, изящныхъ экипажей, и пѣшкомъ, въ сопровожденіи, однако, большой свиты, двинулись для начала на шерсто-прядильную фабрику Диттеля, полторы версты отъ границы. Къ обѣду Ильинъ уже окончилъ свою часть осмотра, а Писаревъ, членъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не знавшій нѣмецкаго языка, безполезно потолкался и потомъ куда-то исчезъ; я же свою программу выполнялъ съ утра до 7 часовъ вечера, съ краткимъ перерывомъ на обѣдъ на станціи и усталый, разбитый, но нѣсколько ободренный духомъ, вернулся домой, т. е. въ корчму. Цѣлый день разговоръ шелъ преимущественно по-нѣмецки"... Какъ было выше упомянуто, послѣ первыхъ двухъ-трехъ осмотровъ члены комиссіи рѣшили осматривать фабрики отдѣльно, а вечеромъ сходиться для обсужденія плана дѣйствій для слѣдующаго дня.

Послѣ Сосновицъ съ ея ближайшими окрестностями, гдѣ мы осмотрѣли 15 фабрикъ, мы начали посѣщать болѣе отдаленныя изъ нихъ, лежащія по Варшавско-Вѣнской дорогѣ (Домброво, Зембковица, Ченстохово и т. д.). Поѣздки вдоль самой границы, гдѣ только возникали фабрики, мы совершали въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго. Мѣстность, напримѣръ, по границѣ всего Бендинскаго уѣзда съ Пруссіей, пустынная и большею частью заросшая лѣсомъ, перерѣзанная множествомъ тропинокъ и очень удобная, повидимому, для водворенія контрабанды, услѣдить которую на огромномъ протяженіи едва-ли было возможно. Проѣзжія дороги съ русской стороны повсюду были отвратительны, и путешествіе совершалось постоянно съ опасностью быть опрокинутымъ. Вообще вдоль русской границы хорошія шоссейныя дороги въ то время (восьмидесятые годы XIX вѣка) отсутствовали, а напротивъ вся прусская граница на протяженіи Познани изрѣзана была прекрасными шоссе и желѣзными дорогами; поэтому въ результатѣ нашего перваго же опыта оказался совершенный абсурдъ, что ломанная линія короче прямой, и что нашей комиссіи гораздо выгоднѣе было путешествовать въ русскія пограничныя фабрики, дѣлая большіе круговые объѣзды по прусскимъ цивилизованнымъ путямъ, нежели короткіе проѣзды по русской территоріи.

Первый такой наѣздъ мы совершили съ Ильинымъ на Мирковскую писчебумажную фабрику Велюнскаго уѣзда Калишской губерніи. Она лежитъ всего нѣсколько верстъ отъ прусской желѣзнодорожной станціи „Wilhelmsbrücke“; поэтому мы совершили это путешествіе большимъ объѣздомъ изъ Сосновицъ по Пруссіи и доѣхали довольно скоро, тогда какъ съ Россіей она была связана плохой проселочной дорогой.

Мирковская писчебумажная мануфактура возбуждала много толковъ и переписки у генералъ-губернатора, а равно и Министерства Финансовъ. Положеніе этой фабрики считали подозрительнымъ и даже опаснымъ для интересовъ Россіи по многимъ причинамъ. Прежде всего Мирковская фабрика лежитъ на пограничной рѣкѣ Проснѣ, отдѣляющей Россію отъ Пруссіи, и фабрика занимаетъ своими постройками оба берега рѣки, въ которой происходитъ часть процедуры производства—мытье тряпки и пр. Всѣ рабочіе живутъ въ лежащей непосредственно за стѣной фабрики прусской деревушкѣ и два раза въ день приходятъ на работу, подвергаясь строгому таможенному осмотру. Противъ Мирковской фабрики были представлены два серьезныхъ, но одинаково безосновательныхъ, какъ оказалось изъ нашего тщательнаго осмотра, обвиненія: во-первыхъ, что несмотря на всѣ принятыя мѣры предупрежденія, эта

фабрика является мѣстомъ сплава контрабанды; другой доносъ мѣстнаго жандармскаго ротмистра указывалъ, еще страшнѣе, на военную будто бы опасность для Россіи Мирковской фабрики, такъ какъ она очень легко въ случаѣ войны можетъ быть, будто бы, превращена въ крѣпость, а ея рабочіе—въ нѣмецкихъ ландверистовъ; они всѣ-де отлично изучаютъ военное искусство на случай войны!!??...

Мы съ Ильинымъ тщательно осмотрѣли эту фабрику, произвели настоящее слѣдствіе, выспрашивая въ подробности рабочихъ и администрацію, и провѣряя показанія книгами: никакой фиктивной, якобы, работы на этой фабрикѣ мы не нашли, а по осмотру Ильинымъ механизмовъ и аппаратовъ Мирковская мануфактура *дѣйствительно* перерабатывала въ бумагу все то тряпье, которое получала. Короче, мы обѣлили фабрику отъ всѣхъ доносовъ и обвиненій, на нее падавшихъ. Напротивъ, надо считать за большую выгоду для Россіи существованіе этой фабрики уже потому, что при отсутствіи ея, пограничное населеніе, не имѣя заработковъ, непремѣнно занялось бы болѣе выгоднымъ гешефтомъ-контрабандой. Наконецъ въ смыслѣ конкурренціи съ Россіей эта фабрика не представляла ничего угрожающаго по своимъ размѣрамъ, потребляя мѣстную тряпку, и производя бумагу для мѣстнаго употребленія.

Далѣе, такимъ же точно образомъ, путемъ длиннаго объѣзда черезъ Пруссію, мы посѣтили губернскій городъ Калишъ, лежащій отъ границы всего въ семи верстахъ и тѣмъ не менѣе тогда не связанный еще желѣзной дорогой ни съ Пруссіей, ни съ Россіей. Въ Калишѣ мы пробыли довольно долго, осмотрѣли въ его окрестностяхъ знаменитыя суконныя фабрики, поставлявшія издавна сукно не только на всю Россію, но и въ Китай. Согласно нашему изслѣдованію шансы конкурренціи, опять таки противно московскимъ завистникамъ, вовсе не говорили въ пользу этихъ польскихъ или точнѣе нѣмецкихъ фабрикъ, такъ какъ топливо въ Калишѣ оказалось дороже многихъ другихъ частей въ Польшѣ, заработная плата выше, а шерсть едва ли не дороже, чѣмъ въ Россіи.

Гораздо большаго вниманія съ нашей стороны въ Калишѣ потребовалъ осмотръ нѣсколькихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, подозрѣваемыхъ въ сбытѣ контрабанды, которая прикрывается слѣдующимъ ловкимъ маневромъ; какое-нибудь лицо открываетъ въ предѣлахъ Россіи, но на границѣ, напримѣръ въ томъ же Калишѣ, для вида фабрику или мастерскую какого-либо ходкаго товара, напримѣръ, машинныхъ кружевъ, лентъ, тесемокъ, шляпъ, платковъ и т. д. Единовременно съ контрабанднымъ привозомъ этихъ това-

ровъ изъ-за границы разными неизвѣстными путями фабрика вырабатываетъ и свой подобный товаръ, только въ ничтожномъ количествѣ, по тѣмъ же иностраннымъ образцамъ и рисункамъ, но ставитъ на все свое клеймо. Въ результатѣ получается абсурдъ: въ данную часть Польши замѣтно усиливается ввозъ какого-нибудь товара, извѣстнаго рода, изъ-за границы, и мѣстное польское (въ большинствѣ, конечно, еврейское) производство этого предмета нисколько отъ этой конкурренціи не страдаетъ, но замѣтно растетъ и процвѣтаетъ. Такіе способы контрабанды мнѣ пришлось видѣть, по крайней мѣрѣ по подозрѣнію, кромѣ Калиша, въ Ченстоховѣ и самой Варшавѣ. Для отвода глазъ, весьма нерѣдко на подобныхъ фабрикахъ имѣются, яко-бы для образца, тѣ же самые товары иностраннаго происхожденія, но снабженные узаконенной пломбой и прошедшіе черезъ таможню.

Какой-то жандармскій офицеръ въ Сосновицахъ заявлялъ мнѣ по секрету, что если-бы Министерство Финансовъ гарантировало ему извѣстную на то сумму, то онъ обязуется на дѣлѣ показать обширные размѣры правильно идущей контрабанды разными товарами при непосредственномъ, будто-бы, содѣйствіи или попустительствѣ самихъ чиновъ таможеннаго вѣдомства. Такъ какъ въ данномъ случаѣ я отказался принять на себя посредничество, то не знаю, насколько заявленіе это вѣрно; но несомнѣнно, всѣ обстоятельства видѣннаго и слышаннаго мною въ Польшѣ, во время изслѣдованія, говорили за громадные размѣры контрабанды—гораздо большіе, нежели многіе думали. Такъ, въ Познани, напримѣръ, вдоль всей русской границы, я видѣлъ нѣсколько разъ много винокуренныхъ заводовъ и другихъ фабрикъ въ непосредственной близости съ Россіей, иногда на нѣсколько саженъ, почему незамѣтный провозъ продуктовъ изъ Пруссіи черезъ нашу границу представлялся весьма легкимъ дѣломъ, несмотря ни на какую стражу. У меня невольно являлась мысль: эти заводы не существуютъ ли спеціально для доставки въ Россію контрабанднымъ способомъ спирта и пр.?... Затѣмъ одинъ разъ, близъ Калиша, въ виду нашего сторожевого поста и часового, я случайно зашелъ въ прусскую пивную и нашелъ сѣни ея снизу до верху наполненными какими-то странными металлическими ранцами, съ завинченными отверстіями и ремнями. Для всякаго было очевидно, что эти ранцы предназначались для наполненія жидкостью и скрытнаго переноса подъ платьемъ. Нѣмецкій еврей, хозяинъ пивной, видимо былъ очень смущенъ и что-то бормоталъ, но ничего не могъ отвѣтить на мои любознательные разспросы; русскій же таможенный чинъ, приставленный ко мнѣ Министерствомъ Финансовъ при разъѣздѣ по нѣко-

рымъ фабрикамъ, яко-бы для содѣйствія изслѣдованію, по поводу вышеуказанныхъ ранцевъ, представилъ мнѣ какое-то нелѣпое объясненіе и всячески старался увести меня вонъ изъ этой пивной, очевидно, по моему убѣжденію, желая отвлечь мое вниманіе отъ этого нагляднаго доказательства регулярнаго кормчества [1]).

Дольше всего изъ всѣхъ городовъ Царства Польскаго пришлось мнѣ пробыть въ Лодзи—около трехъ недѣль, каждый день съ утра до вечера посѣщая фабрики, иногда даже по воскресеньямъ, когда случайно приходилось узнать о еврейскихъ заведеніяхъ, работавшихъ въ этотъ день. Свободные отъ посѣщеній антракты точно также были всецѣло посвящены разработкѣ писаннаго и печатнаго матеріала, собраннаго въ огромномъ количествѣ на фабрикахъ и получаемаго со всѣхъ сторонъ. Этотъ главнѣйшій промышленный центръ Царства Польскаго, прокопченная, дымная Лодзь съ ея до-нельзя отравленной, вонючей рѣчкой Лудкой производила на насъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Впрочемъ я не имѣлъ времени скучать, поглощенный всецѣло осмотромъ фабрикъ и безчисленными разговорами и опросами на разныхъ языкахъ (преимущественно на нѣмецкомъ и русскомъ, а иногда черезъ переводчика и по-польски) съ ранняго утра до поздняго вечера. Жена моя, которая цѣлый день сидѣла въ номерѣ гостиницы за предварительнымъ разборомъ присылаемаго съ фабрикъ матеріала описательнаго и цифроваго характера—занятіемъ, отъ котораго ее, впрочемъ, часто отрывали разные дѣловые посѣтители, вела, разумѣется, томительное существованіе и молила боговъ поскорѣе убраться изъ постылаго города. Здѣсь же, въ Лодзи, при постоянномъ жительствѣ, мы первый разъ (а потомъ при вторичномъ посѣщеніи Сосновицъ) перезнакомились съ разными представителями русскаго чиновничества и составили себѣ ясное представленіе, какими неудовлетворительными чиновниками Россія наполняетъ свои окраины, существенно вредя связи и объединенію интересовъ послѣднихъ съ остальной Россіей.

Кромѣ Калиша, Лодзи, Томашова и фабрикъ вдоль Варшавско-Вѣнской дороги, я посѣтилъ нѣсколько механическихъ заводовъ

---

[1]) Никогда во всю мою жизнь мнѣ не приходилось столько слышать о взяточничествѣ и продажности чиновниковъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ во время этого изслѣдованія. Одно вѣдомство всегда обвиняло другое, таможенное—полицейскихъ, полицейскіе, какъ мы сейчасъ видѣли,—таможенныхъ въ подкупности и сдѣлкахъ съ совѣстью. Къ сожалѣнію, и новое вѣдомство—фабричная инспекція—пошло по избитой дорогѣ и навлекло на себя скоро тѣ же обвиненія. Еще во время нашего изслѣдованія два инспектора въ Царствѣ Польскомъ были на этомъ основаніи устранены отъ должности.

Варшавы и стеклянныхъ и мебельныхъ фабрикъ въ Люблинской губерніи. Всего посѣщеній было много, болѣе ста промышленныхъ заведеній Царства Польскаго, и я изучилъ ихъ вполнѣ основательно, чтобы быть въ состояніи провести параллель съ условіями производства и быта московскихъ фабрикъ.

Вслѣдъ за изученіемъ положенія польской промышленности путемъ указанныхъ осмотровъ фабрикъ, я собиралъ также въ Польшѣ данныя для исторіи возникновенія и развитія польской промышленности, что издалъ впослѣдствіи отдѣльной книгой [1]). Это изслѣдованіе по всѣмъ доступнымъ мнѣ источникамъ, преимущественно польскимъ, а отчасти русскимъ, ранѣе не затронутымъ (напримѣръ данныя Государственнаго Банка), установило несомнѣнный фактъ быстраго роста польской промышленности, сравнительно съ русской и особенно за позднѣйшее время, т. е. за періодъ полнаго присоединенія къ Россіи и объединенія съ ней. Отъ выгодъ, благодаря этому сліянію съ Россіей, обрабатывающая промышленность Царства Польскаго увеличивалась скачками на сотни и даже до тысячи процентовъ за короткій періодъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Польская промышленность оказалась вообще моложе русской, и ея ростъ начинается именно со времени утраты политической самостоятельности Польши и на счетъ Россіи, къ которой она была присоединена.

Первый благопріятный факторъ для развитія польской промышленности заключался, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Россіи, въ цѣломъ рядѣ поощрительныхъ административныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Второй факторъ, благопріятствующій польской промышленности, заключался въ дѣятельности польскаго банка, истратившаго, опираясь на русскіе финансы, многіе милліоны денегъ. Наконецъ третій и важнѣйшій факторъ состоялъ въ разнообразныхъ экономическихъ выгодахъ, которыя Польша извлекла прямо изъ своего присоединенія къ Россіи и торговли съ нею, найдя въ ней богатый и постоянный рынокъ, какъ для своихъ собственныхъ продуктовъ, такъ и привозимыхъ иностранныхъ, при обильныхъ льготахъ и преимуществахъ на русскій счетъ въ пользу Польши. Достаточно привести тотъ фактъ, что до 1850 г., пока Царство Польское имѣло самостоятельный тарифъ и свой собственный таможенный кордонъ по русской границѣ, Польша ввозила въ Россію

[1]) Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1887 г. орд. проф. И. И. Янжуломъ. Москва 1887 г.

свое сырье совсѣмъ безплатно, а обработанныя издѣлія, какъ собственныя, такъ и иностранныя, съ своимъ клеймомъ съ уплатою лишь одного процента (1%). Въ то же самое время русскія издѣлія, напримѣръ бумажныя, оплачивались до 15% стоимости польскими пошлинами. Такимъ образомъ присоединеніе къ Россіи создало для Польши обширный, монополизированный рынокъ для всякихъ продуктовъ черезъ ея посредство, и великодушная Россія наложила на себя, слѣдовательно, огромную тяжесть въ пятнадцать разъ большую, нежели на присоединенную страну. *Отъ всего остального свѣта Россія была ограждена высокой стѣной запретительнаго тарифа, и лишь Польша представляла изъ себя ворота въ этой сплошной стѣнѣ.* (Нѣчто подобное представляетъ собою нынѣ, благодаря двойному тарифу и легкости контрабанды, Финляндія [1]).

---

[1]) Укажемъ на замѣчательную статью недавно въ „Голосѣ Москвы“ на эту тему по поводу взаимныхъ отношеній Россіи съ Финляндіей въ писчебумажной промышленности. Благодаря, главнымъ образомъ, разности русско-финляндскаго тарифа отъ иностраннаго финляндскаго и нашего, Финляндія быстро и вѣрно завоевываетъ русскій рынокъ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ названной статьи.

„Прогрессивный ходъ завоеванія русскаго рынка финляндской бумажной промышленностью явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ: 20 лѣтъ тому назадъ финляндскій привозъ составлялъ всего 6 проц. русскаго производства; еще 10 лѣтъ тому назадъ онъ не превышалъ 10 проц. нашей производительности, а въ настоящее время онъ составляетъ уже цѣлую треть. Финляндская бумага распространилась отнюдь не въ одной только сѣверной Россіи—она получила широкій сбытъ въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ростовѣ и т. д., не исключая и Сибири.

За послѣдніе годы привозъ къ намъ финляндской бумаги обнаруживаетъ слѣдующую прогрессію: 1903 г. — 18,2 милл. марокъ, 1904—20,1, 1905—20,6, 1906—20,4, 1907—26,8 милл. марокъ. Въ среднемъ финляндскій привозъ увеличивается ежегодно на 15 проц., все финляндское бумажное производство возрастаетъ ежегодно на 25 проц.,—а наше бумажное дѣло увеличивается едва на 2 проц. Финляндская промышленность растетъ почти исключительно за счетъ развитія русскаго бумажнаго рынка, покрывая двѣ трети прироста нашей потребности въ бумагѣ“.

Указанное ненормальное явленіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что „финляндскій привозъ мы облагаемъ самыми ничтожными пошлинами, а чтобы финляндцы могли сбывать у насъ свой товаръ съ хорошей выгодою, не тревожимые другими иностранными импортерами, мы облагаемъ бумажный товаръ другихъ странъ-производительницъ огромными, совершенно запретительными пошлинами. Вотъ сравнительная табличка таможенныхъ тарифовъ по финляндской границѣ и общихъ (въ рубляхъ съ пуда):

Бумага:	Для Финляндіи.	Общій тарифъ.
Оберточная	0,50	4,00
Бѣлая и цвѣтная . . .	0,82	6,00
Пергаментная	0,82	13,20
Папиросная	1,60	16,00

Въ 1850 году произошло таможенное объединеніе и уничтоженіе таможенной границы между Имперіей и Царствомъ, что, обратно съ ожиданіями, способствовало главнымъ образомъ дальнѣйшему развитію и росту лишь польскихъ интересовъ на счетъ русскихъ. Первоначально сдерживающей препоной были дурные пути сообщенія во внутренней Россіи; но съ улучшеніемъ ихъ и быстрой постройкой желѣзныхъ дорогъ сбытъ польскихъ издѣлій не только распространялся съ соотвѣтствующей быстротой на внутреннемъ рынкѣ, но вырывалъ у русской промышленности даже насиженные старые рынки въ Азіи.

Но за быстрымъ развитіемъ польской промышленности, вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, явилось другое весьма нежелательное послѣдствіе этого быстраго роста вмѣстѣ съ увеличеніемъ также и нашего таможеннаго тарифа, а именно: желая пользоваться различіями тарифныхъ ставокъ на обработанные продукты и полуфабрикаты, иностранцы начали переносить свои фабрики или ихъ отдѣленія за русскую границу вмѣстѣ съ ихъ полнымъ обзаведеніемъ. Благодаря этому маневру, иностранное производство получило полный доступъ для конкурренціи съ русскими производителями. Появленіе подобныхъ фабрикъ одинаково невыгодно какъ для русской промышленности, такъ и для интересовъ самого фиска. Иностранный продуктъ получаетъ здѣсь фальшиво-русское обличіе и избѣгаетъ значительной части таможеннаго налога. Вотъ та сторона вопроса о польской промышленности, которая дѣйствительно

Отсюда явствуетъ, что Финляндія совершенно защищена на русскомъ бумажномъ рынкѣ отъ конкурренціи европейскихъ фабрикатовъ, обложенныхъ таможенною пошлиною въ 8—16 разъ выше, нежели финляндскій товаръ. Фактически это находитъ себѣ выраженіе въ томъ, что въ составѣ бумажнаго привоза къ намъ всѣ страны занимаютъ всего 5 проц.,— а 95 проц. привозитъ одна Финляндія! Другими словами, массовое импортное производство искусственно монополизировано тарифомъ за Финляндіей, а на всѣ прочія страны оставлены лишь крохи привоза (спеціальныхъ сортовъ бумаги).

Мы охарактеризовали финляндскую привилегію по бумажному производству только какъ одну изъ наиболѣе яркихъ картинокъ въ области экономическихъ взаимоотношеній Финляндіи съ Имперіей. Но и весь вообще товарный обмѣнъ нашъ съ Финляндіей носитъ въ высшей степени ненормальный характеръ, закрѣпляющій льготное положеніе привоза къ намъ финляндскихъ товаровъ и въ то же время ставящій судьбу нашего импорта въ Финляндію въ зависимость отъ доброй воли финляндцевъ".

См. „Голосъ Москвы" отъ 26 іюня 1910 г. Экономическій отдѣлъ: статья подъ названіемъ „Вопіющая ненормальность". См. также „Голосъ Москвы" № 153 1910 года (отъ 6 іюля): „Финляндская конкурренція въ бумажномъ производствѣ".

заслуживала вниманія, вмѣсто преувеличенныхъ жалобъ московскихъ промышленниковъ на польскую конкурренцію, сильно раздутую.

Въ заключеніе перейдемъ къ выводамъ или результатамъ, добытымъ нашей комиссіей по экономической сторонѣ дѣла. Само собой разумѣется, здѣсь оказались выводы pro и contra, т. е. за русскую, какъ и за польскую промышленность. Одни производства, какъ хлопчато-бумажное, выше въ Россіи, другія, какъ шерстяное, выше въ Польшѣ. То же, что о качествѣ, можно сказать и о шансѣ конкурренціи: въ однихъ отношеніяхъ преимущество за московскими, въ другихъ—на сторонѣ промышленниковъ Привислянскаго Края. Очевидно, не можетъ быть вопроса о какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ правительства для уравненія шансовъ конкурренціи, и сами промышленники должны стремиться къ должному уравненію своихъ преимуществъ и недостатковъ въ интересахъ наилучшаго развитія своего дѣла.

Основное положеніе мое, истекающее изъ всего изслѣдованія, это то, что промышленность Царства Польскаго представляетъ собой *дитя правительственной опеки и многолѣтней заботливости русскаго государства, вспоенное и вскормленное въ значительней степени на русскихъ хлѣбахъ и на счетъ русскихъ потребителей (болѣе 50% польскихъ издѣлій вывозится въ Имперію).*

Такимъ образомъ, если бы зашла рѣчь объ автономіи или полномъ отдѣленіи Царства Польскаго отъ Россіи, то, естественно, дѣломъ справедливости является вытребовать и получить сначала многомилліонный долгъ Польши Русской Имперіи за созданіе и столѣтнее поддержаніе ея промышленности. Возникновеніе пограничныхъ фабрикъ на счетъ иностранныхъ капиталовъ и отчасти съ иностранными рабочими составляетъ прямое нарушеніе существующихъ правилъ и законовъ и обязательно должно быть уничтожено, какой бы то ни было цѣной.

Согласно данной комиссіи программѣ, одинаковыя изслѣдованія и подъ однимъ и тѣмъ же пунктомъ должны были быть повторены и въ Московской губерніи, но по неизвѣстной мнѣ причинѣ московское изслѣдованіе не состоялось, а потому для сравненія добытыхъ въ Польшѣ результатовъ съ Москвой пришлось ограничиться лишь нѣкоторыми общими данными, добытыми много раньше, въ качествѣ московскаго фабричнаго инспектора, и немногими частными свѣдѣніями, гдѣ дѣло касается вопросовъ неподвижнаго или оборотнаго капитала. Первый—основной капиталъ, т. е. затрачиваемый на землю, постройку зданія и машинъ на московскихъ фабрикахъ, вообще больше и выше, чѣмъ польскихъ, если сопоставить съ капиталомъ оборотнымъ. Вообще постройки, благодаря русскому

обычаю помѣщать жилище рабочихъ въ зданіи фабрики и дороговизнѣ кирпича, гораздо дороже, нежели въ Царствѣ Польскомъ.

Весьма разнообразны условія относительно оборотнаго капитала и на первомъ планѣ топлива. Здѣсь, во время изслѣдованія, расходъ на топливо оказался рѣшительно въ пользу Царства Польскаго, т. е. въ Москвѣ топливо гораздо было дороже въ то время, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Если взять сравнительный расходъ топлива, приходящійся на единицу продукта, то окажется, что въ общемъ фабричномъ оборотѣ Царства Польскаго топлива расходуется въ два раза меньше, чѣмъ на московскихъ фабрикахъ.

Но главное мое вниманіе въ этомъ сравненіи условій производства сосредоточилось, есстественно, главнымъ образомъ на заработной платѣ и рабочемъ вопросѣ, въ то время какъ по вопросамъ о капиталѣ, аналогичнымъ съ Польшей, мнѣ удалось произвести изслѣдованіе лишь на четырехъ мнѣ особенно дружественныхъ московскихъ фабрикахъ; по заработной платѣ я имѣлъ свѣдѣнія и данныя по многимъ сотнямъ фабрикъ, собранныя въ теченіе многихъ лѣтъ. На этой сторонѣ вопроса, на данномъ основаніи, мое изслѣдованіе и параллель Москвы съ Польшей отличаются особой подробностью

Первое уже различіе заключалось въ наймѣ рабочихъ. До выхода въ свѣтъ закона о наймѣ фабричныхъ рабочихъ 3-го іюня 1886 года, всѣ условія фабричнаго быта отличались у насъ крайней неопредѣленностью и произволомъ, и нѣкоторое предписаніе закона и нѣкоторые русскіе фабричные обычаи являлись нерѣдко остаткомъ бывшихъ крѣпостныхъ отношеній. Наемъ совершался на самые разные сроки, и при томъ даже на одной и той-же фабрикѣ, но господствующимъ можно считать—наемъ на срокъ *паспорта*, какъ наиболѣе употребительный и распространенный. Тѣмъ не менѣе, въ силу прямого дозволенія закона (ст. 54 уст. о пром. фабр. и зав.), хозяинъ фабрики могъ всегда отпустить отъ себя рабочаго и до истеченія договорнаго срока за дурное поведеніе или невыполненіе его обязанностей, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ работника за двѣ недѣли до отпуска. Въ дѣйствительности послѣднее условіе настолько плохо соблюдалось, что было мало извѣстно не только рабочимъ, но и самимъ хозяевамъ.

При неопредѣленности условій найма, время расплаты на н шихъ фабрикахъ закономъ не предусматривалось; оно предоставлялось, по теоріи, на волю сторонъ, заключающихъ договоръ найма, а въ дѣйствительности у большинства промышленныхъ заведеній, кромѣ ремесленныхъ, плата заработанныхъ денегъ производилась, когда хозяинъ пожелаетъ и имѣетъ нужныя для того деньги.

Законъ 3-го іюня 1886 г. сдѣлалъ важный переломъ въ жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, установивъ точный порядокъ найма и расплаты тамъ, гдѣ его прежде не было. Этотъ важный законъ, составляющій эпоху въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, опредѣлилъ, во-первыхъ, способы найма и установилъ точно обязательные термины расплаты—не менѣе раза въ мѣсяцъ, при срокѣ опредѣленномъ,—и двухъ разъ въ мѣсяцъ, при срокѣ неопредѣленномъ, нарушеніе чего навлекаетъ на хозяина отвѣтственность въ случаѣ иска рабочаго.

Во многомъ иначе та же часть промышленныхъ отношеній организована въ Царствѣ Польскомъ, для котораго, при томъ, законъ 3-го іюня 1886 г. былъ обязателенъ до послѣдняго времени лишь отчасти, такъ какъ въ цѣломъ составѣ этотъ законъ распространился сначала всего на три губерніи—Московскую, Владимірскую и Петербургскую. Какъ общее правило, издавна существовавшее въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ спеціальныхъ письменныхъ договоровъ съ отдѣльными рабочими (большею частью мастерами), рабочіе нанимались и нанимаются безъ срока, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ за двѣ недѣли, для обѣихъ сторонъ, объ отходѣ или отпускѣ; и послѣднее условіе, совершенно непривычное въ остальной Россіи и лишь внесенное для подобнаго же найма закономъ 3-го іюня 1886 г., является тамъ повсемѣстно принятымъ обыкновеніемъ, гарантирующимъ интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ. Обратно съ остальной Россіей, расплата съ рабочими является на фабрикахъ Привислянскаго края также правильной и твердо опредѣленной—или еженедѣльной, или не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Что касается до размѣровъ заработной платы, то сравненіе Имперіи съ Царствомъ Польскимъ вездѣ привело меня къ выводу о лучшемъ, болѣе высокомъ размѣрѣ вознагражденія польскихъ рабочихъ. У большинства ихъ плата превосходитъ русскую очень значительно, иногда на одну треть, на половину, вдвое, а въ одномъ производствѣ даже втрое. Женская плата въ Польшѣ выше почти на три четверти, а дѣтская болѣе, чѣмъ на половину. При этомъ, по разнымъ частямъ Польши плата рабочихъ весьма разнообразится; но, какъ извѣстно, главное значеніе въ вопросѣ оплаты играетъ интенсивность труда, его энергія и успѣшность. Переведя полученныя данныя по этому пункту на единицу товара на тѣхъ фабрикахъ, о которыхъ свѣдѣнія имѣлись для бумагопрядильнаго производства, у меня получилось, что расходъ платы въ Царствѣ Польскомъ на фунтъ пряжи составляетъ 66 коп. и никакъ не выше 1 р. 20 к. въ Россіи же отъ 80 к. до 1 р. 50 к., т. е. въ общемъ гораздо

выше; въ выработкѣ же ткани, разница къ выгодѣ польской промышленности еще значительнѣе, т. е. несмотря на абсолютную низкую заработную плату, выработокъ въ центральной Россіи по этому предмету обходится дороже.

Вообще отношенія рабочихъ къ хозяевамъ въ Царствѣ Польскомъ гораздо были нормальнѣе, нежели въ Москвѣ того времени, несмотря на то, что въ общемъ населеніи Польши грамотность совсѣмъ не процвѣтала (по крайней мѣрѣ русская) и была ниже многихъ мѣстностей Россіи; польскіе фабричные рабочіе были гораздо выше и образованнѣе русскихъ очевидно потому, что наиболѣе развитая часть польскаго населенія шла на фабрику, и во-вторыхъ между рабочими Царства Польскаго была значительная часть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, прошедшихъ обязательную школу. Въ то время какъ у насъ, при томъ на лучшихъ фабрикахъ, грамотность не превосходила 31%, средняя въ Польшѣ давала 45%, а въ Варшавѣ даже 56%, т. е. больше половины (разумѣется, съ тѣхъ поръ крупный прогрессъ сдѣланъ повсюду).

Точно также большинство другихъ условій промышленности поставлены были въ Польшѣ лучше, чѣмъ на русскихъ фабрикахъ. Такъ, средняя продолжительность рабочаго времени на польскихъ фабрикахъ была вообще короче—отъ 10 до 12 часовъ въ день, тогда какъ въ Центральной Россіи работа продолжалась тогда, какъ правило, 12 часовъ и нерѣдко до безобразной суммы 14 часовъ въ сутки и даже больше. Годовая работа точно также была въ Москвѣ, если ее перевести на часы, гораздо длиннѣе Польши, несмотря на множество въ Центральной Россіи праздниковъ, не вездѣ, впрочемъ, одинаково соблюдаемыхъ.

Кромѣ указанныхъ выгодъ польской промышленности, надо выставить также отсутствіе на польскихъ фабрикахъ фабричныхъ лавокъ, ведущихъ (по крайней мѣрѣ прежде) на московскихъ фабрикахъ къ эксплоатаціи или большимъ злоупотребленіямъ хозяевъ на счетъ рабочихъ, что и дало, собственно, главный толчокъ моимъ пререканіямъ съ фабрикантами въ Москвѣ и моему выходу въ отставку. Хотя во всей Россіи, какъ и Царствѣ Польскомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка благотворительныхъ учрежденій на фабрикахъ встрѣчалось очень мало, но все-таки чаще въ Польшѣ, нежели на московскихъ фабрикахъ; и повсюду на польскихъ фабрикахъ рабочіе были самодѣятельнѣе и выказывали бо̀льшую заботу о своихъ интересахъ. Всѣ эти данныя указываютъ на лучшія во многихъ отношеніяхъ условія существованія польскаго фабричнаго рабочаго сравнительно съ русскимъ, что въ свою очередь способствовало лучшему подбору рабочихъ въ Польшѣ и оставалось

не безъ вліянія на взаимные шансы конкурренціи съ внутренней Россіей. Тогда какъ въ Россіи рабочій—номадъ, и чуть не каждаго, вслѣдствіе частаго возвращенія къ земледѣльчеству, приходится опять учить вновь фабричному дѣлу, что разумѣется задерживаетъ его прогрессъ, въ Польшѣ, наоборотъ, большинство рабочихъ на фабрикахъ являются исключительно промышленными и никакого отношенія къ сельскому хозяйству не имѣютъ. Понятно, что это обстоятельство значительно облегчаетъ и улучшаетъ въ Польшѣ весь ходъ фабричной работы сравнительно съ Россіей. У насъ нерѣдко въ средней Россіи, по моимъ личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ, мужикъ, который вчера разбрасывалъ вилами навозъ въ полѣ или косилъ сѣно, сегодня, можетъ быть, на извѣстной фабрикѣ Хлѣбникова чеканитъ дорогую художественную серебряную вазу или ткетъ у Сапожникова такую сложную дорогую парчу, что только за работу получаетъ по 3 рубля съ вершка! Очень можетъ быть, такіе факты, которые можно было встрѣтить при ежедневномъ посѣщеніи московскихъ фабрикъ, очень пріятны въ санитарномъ отношеніи, какъ здоровая работа для фабричнаго труженика, но несомнѣнно задерживаютъ развитіе ручной ловкости, навыка и усовершенствованія въ техническомъ отношеніи и мѣшаютъ русскому рабочему сравняться когда-либо съ иностраннымъ. Наша публика и печать часто весьма нелѣпа и считаетъ возможнымъ осуществлять все, что ей нравится, тогда какъ дѣйствительность весьма нерѣдко противорѣчитъ подобнымъ вожделѣніямъ. Вообще нельзя съ одинаковымъ успѣхомъ въ одно и то же время заниматься совершенно различными занятіями, нельзя, какъ говоритъ пословица, „въ одно время двумъ богамъ молиться".

Такимъ образомъ, фабричная промышленность Царства Польскаго отличается, сравнительно съ московской, большими разнообразными преимуществами, главнымъ образомъ природными или находящимися въ связи съ первыми, которыхъ человѣкъ не въ силахъ измѣнить, и затѣмъ гораздо лучшимъ положеніемъ рабочаго класса, болѣе грамотнаго, развитого и привыкшаго къ самодѣятельности [1]). Всѣмъ этимъ выгодамъ польская промышленность и обязана быстрымъ ростомъ и распространеніемъ товаровъ въ предѣлахъ старыхъ рынковъ московской и владимірской индустріи. Не имѣя возможности измѣнять природныя условія, московская промышленность, утверждалъ я въ концѣ своего изслѣдованія, должна сдѣлать возможное—должна стремиться уравнять шансы конкурренціи въ качествахъ своего рабочаго класса,—поднять его умственно и нравственно. То

[1]) См. И. И. Янжулъ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва" Спб. 1907 г., стр. 161.

и другое возможно, предлагалъ я, какъ путемъ измѣненія законодательства, такъ и путемъ развитія самодѣятельности всего промышленнаго класса. Для другой стороны—промышленности Царства Польскаго, я предлагалъ въ своемъ изслѣдованіи, собственно, двѣ мѣры: увеличеніе податного обложенія польскихъ фабрикъ (какъ разъ, кажется, отвергнутое недавно нашей Думой) и противодѣйствіе наплыву иностранцевъ или устройству пограничныхъ иностранныхъ фабрикъ, угрожающихъ нашимъ окраинамъ германизаціей и составляющихъ прямой обходъ нашихъ таможенныхъ законовъ, одинаково въ ущербъ русскимъ производителямъ и потребителямъ [1]).

Таково было содержаніе моего изслѣдованія промышленности Царства Польскаго, вызванное жалобами и агитаціей московскаго купечества. Никакого, какъ я уже раньше замѣчалъ, практическаго результата, однако, какъ изъ другихъ, болѣе раннихъ изслѣдованій, напримѣръ двухъ инспекторскихъ отчетовъ, не произошло, и правительство собранными данными и выводами, повидимому, совсѣмъ не воспользовалось. Какъ разъ къ концу моего польскаго изслѣдованія, когда я вернулся въ Москву, началось примѣненіе только что выпущеннаго закона отъ 3-го іюня 1886 года (выработаннаго Комиссіей подъ предсѣдательствомъ ф. Плеве); тогда у московскихъ промышленниковъ явились новыя непріятныя заботы, которыя заставили забыть наемную агитацію Г. Шарапова, да кромѣ того и самъ торгово-промышленный кризисъ постепенно кончился, и московскія фабрики начали работать скоро полнымъ составомъ. Поэтому же, вѣроятно, вторая половина изслѣдованія, подобнаго польскому, и по одинаковой программѣ въ московскомъ промышленномъ округѣ, была немедленно забыта, и мое изслѣдованіе осталось такимъ образомъ безъ конца. Впрочемъ, какъ я слышалъ частнымъ образомъ, раньше чѣмъ ушелъ отъ своей службы фабричнаго инспектора, въ министерство Вышнеградскаго, новый министръ, замѣнившій Бунге, былъ очень недоволенъ всѣмъ моимъ польскимъ изслѣдованіемъ и его программой, находя ее, говорили мнѣ, слишкомъ „*соціалистической*“ (!!??), заботившейся только объ интересахъ рабочихъ, забывавшей бѣдныхъ капиталистовъ. Насколько общеизвѣстна политика И. А. Вышнеградскаго, эти слухи и сплетни имѣли несомнѣнное основаніе и привели, вслѣдъ за подачей отчета, къ ликвидаціи дальнѣйшей дѣятельности относительно польской промышленности и больного до сихъ поръ вопроса о пограничныхъ фаб-

[1]) См. „Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“. Спб. 1888 г.

рикахъ въ Царствѣ Польскомъ, совершенно нерѣшеннаго и нынѣ къ огромному для Россіи экономическому ущербу.

Съ окончаніемъ заданной мнѣ задачи и всего изслѣдованія, возвращаясь въ Москву, откуда меня торопили извѣстія о затрудненіяхъ по случаю примѣненія новаго закона, при проѣздѣ черезъ Варшаву, я наконецъ представился генералъ-губернатору Гурко. Кромѣ обязанности вѣжливости, я имѣлъ къ нему просьбу или точнѣе жалобу. Какъ я упомянулъ раньше, вся корреспонденція всѣхъ членовъ Комиссіи, въ томъ числѣ и моя, въ виду нашихъ постоянныхъ разъѣздовъ по фабрикамъ, доставлялась въ канцелярію генералъ-губернатора для врученія намъ по требованію и увѣдомленію. При пріѣздѣ въ Варшаву, корреспонденція была мнѣ доставлена отъ имени гр. А. А. Уварова, тогда чиновника генералъ-губернатора (а нынѣ члена Государственной Думы), которому почему-то канцелярія генералъ-губернатора передала для этой цѣли письма всѣхъ членовъ Комиссіи. Къ моему удивленію и негодованію, многія ко мнѣ письма отъ разныхъ чиновъ финансоваго вѣдомства и пр. оказались распечатанными, а отчасти отсутствующими. Я потребовалъ тотчасъ же въ вполнѣ вѣжливомъ и корректномъ письмѣ объясненія отъ гр. Уварова, но никакого отвѣта на мое законное заявленіе не получилъ; поэтому я счелъ долгомъ о прискорбномъ для меня фактѣ сообщить его начальнику генералъ-губернатору Гурко (отцу его товарища), но ни тогда (въ 1886 году), ни понынѣ (въ 1910 году) никакого объясненія этого страннаго со мною поступка точно также не дождался [1]).

---

[1]) См. объ этомъ непріятномъ случаѣ болѣе подробныя свѣдѣнія и объясненія, какъ текстъ самого письма, въ моей книжкѣ: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва“. Спб. 1907 г. стр. 144—146.

ГЛАВА X.

диненные Штаты Сѣверной Америки. — Всемірная Выставка въ Чикаго 1893 г.—Вызовъ въ Петербургъ къ С. Ю. Витте и предложеніе ѣхать на Выставку.—Осложненія и затрудненія вопроса.— Подробная программа порученій, мнѣ данныхъ Министерствомъ Финансовъ. Бюрократическая сложность и тягость заданныхъ темъ для изслѣдованія.— Письмо А. И. Чупрова противъ такого характера порученій.—Переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ. — Первыя впечатлѣнія Америки и г-жа Гэпгудъ.—Встрѣча на океанійскомъ пароходѣ съ г-жею Марсденъ, искоренительницею проказы, и ея московскія приключенія. Исполненіе мелкихъ порученій Министерства.—Вашингтонъ.—Чикаго: впечатлѣнія города и Выставки.—Безстыдство американской рекламы.—Возвращеніе въ Европу.

Въ 1893 году Соединенные Штаты Сѣверной Америки въ первый разъ выступили на мирное экономическое состязаніе, объявивши у себя открытіе всемірной выставки въ г. Чикаго по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства, искусства, техники и образованія въ память великаго Колумба, за 500 лѣтъ открывшаго Америку. Приглашались всѣ народы всѣхъ державъ почтить этотъ американскій праздникъ состязанія промышленности и культуры всѣхъ видовъ. На вызовъ охотно откликнулась и Россія, стремясь съ честью занять мѣсто среди культурныхъ народовъ на этомъ народномъ соревнованіи. Новый нашъ Министръ Финансовъ, незадолго передъ этимъ назначенный С. Ю. Витте, близко знакомый по своей прежней дѣятельности съ желѣзными дорогами и ясно сознавая великое будущее Заатлантической Республики и ея Выставки, хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и представить Россію какъ можно полнѣе и лучше со всѣми ея силами и богатствами, и въ то же время собрать на Выставкѣ данныя, необходимыя для русскаго хозяйства и промышленности въ широкомъ смыслѣ. Поэтому еще

въ началѣ 1892 г. появились въ газетахъ слухи о предположеніи командировать на Выставку многихъ нашихъ ученыхъ для собранія тѣхъ или иныхъ свѣдѣній и данныхъ.

Въ виду этихъ слуховъ, меня нисколько не удивило, когда, въ это время проживая въ Москвѣ за своимъ постояннымъ занятіемъ преподаванія въ Университетѣ, я получилъ въ концѣ октября 1892 г. телеграмму за подписью Министра Витте, приглашающую меня въ Петербургъ для переговоровъ по нѣкоторому важному дѣлу. Безполезно говорить, что этотъ вызовъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. До тѣхъ поръ я имѣлъ честь знать о С. Ю. Витте очень мало, лишь дважды обмѣнявшись съ нимъ письмами по поводу взаимной посылки своихъ ученыхъ трудовъ. Когда-то съ удовольствіемъ и интересомъ я прочелъ его сочиненіе о желѣзнодорожномъ тарифѣ и въ свою очередь послалъ ему нѣкоторыя свои работы. У меня сразу мелькнула естественная мысль, что его вызовъ связанъ со Всемірной Выставкой. Представлялся лишь нерѣшеннымъ вопросъ о подробностяхъ самаго предложенія и особенно цѣляхъ его.

Въ ближайшій же день я отправился въ Петербургъ и явился сначала къ давно знакомому мнѣ почтенному В. И. Ковалевскому, Директору Департамента Торговли и Мануфактуры. Отъ него я узналъ подтвержденіе моей догадки о командировкѣ въ Чикаго на Выставку въ качествѣ одного изъ представителей отъ Министерства Финансовъ. Вслѣдъ затѣмъ, почти немедленно я представился г. управляющему Министерствомъ и былъ имъ принятъ отмѣнно любезно, выслушалъ нѣсколько комплиментовъ своимъ научнымъ трудамъ, съ которыми С. Ю. Витте былъ очевидно хорошо знакомъ, и желаніе Министра воспользоваться моими знаніями для цѣлей Министерства. Узнавши отъ меня, что я не особенно тороплюсь возвращеніемъ въ Москву и предполагаю остаться нѣсколько дней, Министръ настоятельно попросилъ меня въ такомъ случаѣ побывать у его товарища А. С. Ермолова и поговорить съ нимъ относительно одной бумаги, по которой желательно имѣть мое мнѣніе о предполагаемыхъ новыхъ налогахъ. Вскорѣ я посѣтилъ г. Ермолова и получилъ черезъ него проектъ возстановленія незадолго передъ этимъ (при Лорисъ-Меликовѣ) отмѣненнаго у насъ налога на соль. Послѣ бесѣды и нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній относительно даннаго проекта, я поспѣшилъ возвратиться домой въ Москву.

Положеніе мое по поводу желанія Министерства привлечь меня къ участію въ выработкѣ своего проекта было довольно щекот-

ливое. Съ одной стороны, я былъ фактически противъ соляного налога и всегда говорилъ и писалъ противъ него, съ другой стороны, отмѣна его во время Министерства Лориса-Меликова совершилась настолько поспѣшно, а ожиданія отмѣны были такъ преувеличены и раздуты усердіемъ нашихъ мало-свѣдущихъ публицистовъ [1]), что легко было, конечно, привести много аргументовъ противъ этой отмѣны и указать на другіе изъяны нашего государственнаго хозяйства, гораздо болѣе крупные и требующіе болѣе настоятельной реформы.

Прошло недѣли двѣ времени, и положеніе мое по данному вопросу затруднилось и осложнилось еще болѣе. Въ одно прекрасное утро ко мнѣ явился оберъ-кондукторъ Николаевской желѣзной дороги съ частнымъ письмомъ отъ В. И. Ковалевскаго и съ пакетомъ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ и книжекъ. На этотъ разъ В. И. Ковалевскій уже прямо сообщалъ о просьбѣ Министра просмотрѣть присланныя бумаги и составить докладную записку о соляномъ налогѣ, въ томъ родѣ, какъ я высказывался когда-то противъ его отмѣны въ своихъ „Очеркахъ и изслѣдованіяхъ".

Становился такимъ образомъ какъ бы вопросъ: „To be or not to be?!" Съ одной стороны, я только что получилъ отъ Министра крайне для меня пріятное порученіе — ѣхать въ Америку, что составляло одну изъ завѣтныхъ мыслей моей жизни, которую выполнить безъ этого предложенія я былъ не въ состояніи, но, съ другой, я былъ обязанъ за это выступить гласно съ изложеніемъ мнѣній, несогласныхъ съ моими печатно заявленными воззрѣніями на данный вопросъ... Я долженъ былъ рѣшить, между тѣмъ, этотъ вопросъ тотчасъ же. Письмо В. И. Ковалевскаго требовало немедленнаго отвѣта и возвращенія всѣхъ матеріаловъ въ случаѣ отрицательнаго отвѣта. Оберъ-кондукторъ въ свою очередь высказывалъ нетерпѣніе и торопилъ распиской. Какъ быть, согласиться или отказать?

Послѣ короткаго колебанія и совѣщанія съ моимъ постояннымъ и дорогимъ совѣтникомъ—женой, было рѣшено безусловно отказаться отъ составленія какой-либо бумаги и какого-либо мнѣнія по предложенному проекту возстановленія соляного налога, кромѣ

---

[1]) Напр. Леонидъ Черняевъ, авторъ многочисленныхъ тенденціозныхъ статей о соляномъ налогѣ. См. мою книгу „Очерки и изслѣдованія", томъ II. Москва. 1884 г. Статья 6. „Причины и послѣдствія отмѣны соляного налога". Стр. 404 и далѣе.

тѣхъ замѣчаній, которыя я уже сдѣлалъ въ Петербургѣ. Сознаюсь откровенно, что мнѣ было очень тяжело отказать, тѣмъ не менѣе, Министерству Финансовъ въ услугѣ для меня, близко знакомаго съ вопросомъ,—весьма легкой. Но этого требовала во-первыхъ моя авторская щепетильность, и затѣмъ увѣренность, что въ лицѣ С. Ю. Витте, обратившагося ко мнѣ въ первый разъ съ просьбой о подобной услугѣ, я имѣю дѣло не съ какимъ-либо ординарнымъ лицомъ, обыкновеннымъ петербургскимъ бюрократомъ, а съ человѣкомъ высокаго ума и дарованія, который оцѣнитъ мои побужденія въ отказѣ и отнесется къ нему съ должнымъ снисхожденіемъ. Наилучшимъ оправданіемъ моихъ ожиданій служитъ то, что въ дѣйствительности моя командировка въ Америку состоялась въ надлежащее время. Никакого вліянія мой отказъ Министру въ его желаніи въ этомъ случаѣ не оказалъ, и я впредь всегда встрѣчалъ отъ С. Ю. такое же доброе вниманіе и любезность, какъ при первомъ посѣщеніи. Обыденная, ежедневная мѣрка людей мелкихъ отнюдь не примѣнима и не прилагается къ людямъ крупнымъ и выдающагося государственнаго ума, какъ Витте, говоря переставленными словами латинской поговорки: „Quod licet bovi non licet Jovi“.

5-го февраля 1893 года я получилъ увѣдомленіе о командированіи меня въ Америку во время Выставки въ Чикаго делегатомъ отъ Министерства Финансовъ для изслѣдованія главнѣйшихъ явленій экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ и для участія на Выставкѣ въ экспертизѣ съ содержаніемъ на счетъ Министерства 3.200 р. металлическихъ въ четыре мѣсяца на всѣ могущія быть издержки на это путешествіе и изслѣдованіе.

Единовременно съ этимъ Ковалевскій просилъ сообщить ему подробную программу моихъ предполагаемыхъ занятій и работъ въ Америкѣ, которую, послѣ обсужденія своего, онъ долженъ былъ представить для окончательнаго утвержденія Министру Финансовъ.

Въ этой бумагѣ содержался уже для меня большой сюрпризъ, не входившій въ мои разсчеты,—участіе въ экспертныхъ работахъ, что привязывало меня необходимо въ Чикаго, и во-вторыхъ въ данномъ отношеніи отъ 5-го февраля мнѣ сообщалось, что по указанію г. Министра Финансовъ въ программу моего изслѣдованія должно быть включено ознакомленіе съ постановкой въ Соединенныхъ Штатахъ *элеваторнаго дѣла, организаціи хлѣбной торговли*, внутренней и вывозной *и правительственной за нею инспекціи.*

Можно себѣ представить, какъ я былъ непріятно удивленъ этой первой оффиціальной бумагой о своей командировкѣ въ Америку, которую дожидался, между тѣмъ, съ такимъ нетерпѣніемъ. Я уже составилъ себѣ планъ изслѣдованія въ Америкѣ по нѣкоторымъ вопросамъ, изъ коихъ первое мѣсто долженъ былъ занять огромной важности и развивавшійся въ то время вопросъ о синдикатахъ и трёстахъ. По имѣвшимся уже тогда въ моемъ распоряженіи даннымъ, мнѣ необходимо было побывать прежде всего въ Пенсильваніи, такъ какъ больше всего трёсты, по слухамъ, развились тамъ, и заняться нѣсколько времени въ богатѣйшей библіотекѣ конгресса въ Вашингтонѣ, что трудно было, разумѣется, совмѣстить съ экспертизой и необходимостью все время торчать въ Чикаго на Выставкѣ! Мнѣ странно даже теперь вспомнить о своей наивности и полномъ незнаніи петербургской бюрократіи въ то время. Въ указанной выше бумагѣ Департамента Торговли мнѣ показалось крайне затруднительнымъ выполнить порученіе объ элеваторахъ, хлѣбной торговлѣ и надзорѣ за ней,—вопросы, которыми я никогда въ жизни не занимался. Но я не ожидалъ даже, что къ этимъ темамъ я получу въ непродолжительномъ будущемъ еще десятки другихъ, изъ которыхъ каждая для добросовѣстнаго изслѣдованія потребовала бы многихъ мѣсяцевъ, а все въ цѣломъ многихъ годовъ, а никакъ не четырехъ мѣсяцевъ, всего предназначенныхъ для моей командировки въ Америку!.....

Между тѣмъ, дѣло было уже рѣшеннымъ и отказаться отъ поѣздки въ Америку было бы поздно и неловко передъ Министерствомъ. Мы уже готовились въ дорогу раньше, чѣмъ это потомъ состоялось. Я забылъ обычную петербургскую волокиту. Еще въ ноябрѣ 1892 г. жена моя писала своей матери: „Иванъ Ивановичъ согласился ѣхать на Выставку и теперь надо дождаться утвержденія отъ Государственнаго Совѣта, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ. Условія, которыя намъ предлагаютъ, такъ выгодны, что грѣшно было бы отказаться. На тѣ деньги, которыя даются на проѣздъ, можно воспользоваться самымъ комфортабельнымъ пароходомъ и, Богъ дастъ, мы не очень будемъ страдать отъ морской болѣзни. Другого такого случая повидать Америку не представится, и потому мы рѣшились принять предложеніе. Къ Новому Году должна окончательно рѣшиться наша поѣздка. Теперь же мы начинаемъ почитывать все, касающееся Америки и даже для лучшей практики въ языкѣ, чтобы быть болѣе достойными представителями Россіи, хотимъ пригласить англичанку или англичанина спеціально для болтовни. На-дняхъ къ намъ объявился иностранецъ: я обрадовалась, думаю англичанинъ, но оказалось нѣмецъ. Какъ нарочно,

когда нужно инглишмена, его и нѣтъ, а въ другое время къ намъ и къ Стороженко постоянно появляются съ разными рекомендательными письмами изъ Англіи".

„Выставка въ Чикаго, кажется, будетъ расположена очень красиво. Чикаго лежитъ на большомъ озерѣ Мичиганъ, а само пространство, занимаемое выставкой, перерѣзано многочисленными прудами, такъ что почти всякое зданіе одной своей стороной выходитъ на воду. Я никакъ не ожидала, когда лѣтомъ встрѣчала въ журналахъ картинки Выставки, что придется на ней быть. Ивана Ивановича имѣютъ вообще въ виду привлечь въ теченіе этой зимы къ разнаго рода работѣ при Министерствѣ, и я рада, потому что ему разнообразная дѣятельность очень полезна".

Даже мудрый Улиссъ, мой милый другъ А. И. Чупровъ, который очень интересовался моей предстоящей поѣздкой къ заатлантическимъ друзьямъ, не могъ предвидѣть всей той нелѣпой тяжести многочисленныхъ порученій, которую на меня возложили петербургскіе бюрократы, руководствуясь желаніемъ „съ одного вола взять даже не двѣ, а цѣлыхъ десять шкуръ"!.....

Въ февралѣ 1893 г. я ѣздилъ въ Петербургъ вырабатывать подробную программу моего изслѣдованія для утвержденія Министра и для личныхъ переговоровъ и доказательствъ, что „нельзя обнять необъятное"... Оттуда я написалъ подробное письмо своему другу А. И. Чупрову съ изложеніемъ всѣхъ происходившихъ переговоровъ и получилъ интересный отвѣтъ, къ счастью у меня уцѣлѣвшій, отъ 25-го февраля 1893 г. Вотъ это любопытнѣйшее письмо, показывающее взгляды на данный вопросъ безспорно умнаго человѣка: „Дорогой Иванъ Ивановичъ! Большое спасибо тебѣ за дружеское письмо. Мнѣ было весьма интересно и пріятно узнать, что твоя поѣздка налаживается и при томъ въ желательномъ для тебя и для дѣла смыслѣ. Я, впрочемъ, былъ вполнѣ увѣренъ, что такъ именно и выйдетъ: Владиміръ Ивановичъ Ковалевскій слишкомъ дѣльный человѣкъ для того, чтобы возлагать на тебя порученія, которыя тебѣ не симпатичны, и къ которымъ ты не чувствуешь себя достаточно подготовленнымъ. Всѣ вопросы, которые ты для себя взялъ, очень важны, но бѣда въ томъ, что ихъ много, и что они отнимутъ, пожалуй, у тебя все время. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ тебѣ при послѣдней бесѣдѣ, было бы существенно, чтобы у тебя оставался досугъ для общаго осмотра Выставки и изученія тѣхъ ея сторонъ, которыя представляются тебѣ особенно важными. Мы не можемъ въ настоящую минуту предусмотрѣть, что именно будетъ на Выставкѣ и надъ чѣмъ придется поработать. Поэтому мой совѣтъ: отдѣлывайся по возможности отъ лишнихъ порученій, которыя

нерѣдко предлагаются только потому, что нужно же что-нибудь поручить. Мнѣ не нравится, что начальство хочетъ все существенное взвалить на одного человѣка, тогда какъ слѣдовало бы командировать въ Америку и отдать въ помощь тебѣ нѣсколько человѣкъ, напримѣръ техника и агронома. Америка такъ важна для насъ въ смыслѣ образца во многихъ сферахъ экономической жизни,—и Выставка въ Чикаго въ частности—обѣщаетъ столько интереснаго, что на посылку спеціалистовъ скупиться не слѣдовало бы. Лучше съэкономить на отправкѣ предметовъ, которыми все равно не удивишь, но не жалѣть денегъ на отправку людей: новые идеи и пріемы, которые могутъ быть вывезены съ Выставки, съ избыткомъ возмѣстятъ издержки. А. И. Чупровъ".

Эти простыя, здравыя мысли расходились, однако, съ обычной практикой петербургскихъ канцелярій даже при такомъ талантливомъ, выдающемся Министрѣ, какимъ былъ С. Ю. Витте. Никакого техника и агронома ко мнѣ не было, конечно, прикомандировано, я мнѣ пришлось въ Америкѣ изъ собственныхъ денегъ платить одному технику за посѣщеніе и рисунки элеваторовъ, а множество возложенныхъ на меня задачъ такъ меня подавляло, что я заранѣе на большинство изъ порученій, данныхъ мнѣ, долженъ былъ поставить крестъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе подробнаго проекта программы экономическаго изслѣдованія, порученнаго мнѣ въ Америкѣ. Общая задача, на меня возложенная, распадается на двѣ части: I. Изслѣдованіе *главнѣйшихъ явленій* экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ. II. Изученіе нѣкоторыхъ вопросовъ *второстепенной важности*. Къ первой части относится всецѣло предложенная мною тема—вопросъ о синдикатахъ или стачкахъ предпринимателей, а ко второй принадлежатъ самые различные экономическіе и техническіе вопросы, рекомендуемые моему вниманію, помимо вопроса объ элеваторахъ (предложеннаго самимъ Министромъ),— Департаментами торговли и мануфактуръ, окладныхъ, неокладныхъ и таможенныхъ сборовъ. Къ такимъ второстепеннымъ вопросамъ относится, напримѣръ, изученіе извѣстнаго билля Макъ-Кинлея и его вліяніе. Точно также значеніе для покровительственной системы техническаго образованія и его успѣховъ въ народѣ. Въ добавленіе къ этому Всемірная Выставка въ Чикаго должна была представить собой такое обширное зрѣлище соревнованія промышленныхъ и торговыхъ силъ всего свѣта, что внимательный наблюдатель-экономистъ самъ долженъ обратить вниманіе на многія явленія и мѣропріятія, которыя нельзя предусмотрѣть въ настоящей программѣ.

Не ограничиваясь всѣми этими задачами, подробная программа

отъ имени трехъ Департаментовъ (торговли и мануфактуръ, таможенныхъ и неокладныхъ сборовъ) рекомендовала обратить возможное вниманіе въ Соединенныхъ Штатахъ на слѣдующіе экономическіе пункты:

„1-ое. Существуетъ ли въ Соединенныхъ Штатахъ бракованіе товаровъ съ цѣлью нормированія ихъ качества въ интересахъ покупателей, на какіе роды товаровъ распространяется правительственный надзоръ и какъ онъ организованъ"?

„2-ое. Установленъ ли въ Соединенныхъ Штатахъ и, если существуетъ, то какъ организованъ правительственный надзоръ за крупными и мелкими промышленными учрежденіями въ отношеніяхъ санитарномъ, строительномъ и другихъ, исключая урегулированія отношеній фабрикантовъ къ рабочимъ,—не представляющее интереса для изслѣдованія, въ виду несовершенства постановки этого дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ и достаточнаго уже знакомства съ этою частью вопроса".

„3-е. На чьи средства—центральнаго правительства, штатовъ или городовъ относятся расходы по устройству и содержанію портовыхъ сооруженій, и не существуетъ ли для покрытія издержекъ на эти сооруженія особыхъ сборовъ, какихъ именно и каковъ способъ взиманія ихъ? Отвѣтъ желателенъ по 2-мъ или 3-мъ значительнымъ портовымъ городамъ".

„4-ое. Какіе предметы обложены въ Соединенныхъ Штатахъ акцизнымъ въ пользу казны сборомъ изъ числа необложенныхъ у насъ, и если окажутся таковые, то каковъ размѣръ обложенія и каковы способы обложенія"?

„5-ое. Какія существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ карантинныя правила, и каковъ общій характеръ ихъ примѣненія"?

„6-ое. Не оказалъ ли билль Макъ-Кинлея вліянія на таможенную этику (т. е. вопросъ о взяточничествѣ и подкупѣ")?

„7-ое. Занимаются ли американскіе элеваторы очисткою зерна, и если да, то какіе изъ нихъ именно (т. е. кому принадлежатъ")?

„8-ое. Вывозится ли въ Европу зерно: „rejected" и зерно „unmerchentable"? Если не вывозится, то имѣется ли запрещеніе, общее для Соединенныхъ Штатовъ, или же мѣстное биржевое, или же вывозъ не происходитъ въ виду недопущенія этихъ хлѣбовъ на биржу? Въ случаѣ же вывоза--въ какихъ количествахъ онъ происходитъ"?

„9-ое. Хлѣбная инспекція въ городахъ Нью-Іоркѣ и Чикаго имѣетъ ли компетенцію исключительно въ предѣлахъ города или всего Штата"?

„10-ое. Прослѣдить техническіе пріемы инспекціи и классифи-

каціи хлѣбовъ. (Когда происходитъ классификація хлѣбовъ: до поступленія ихъ въ элеваторы или послѣ? Какъ производится самая операція контроля надъ хлѣбами во время нахожденія ихъ въ элеваторѣ")?

„11-ое. Не производились ли анализы засоренности американскихъ классифицируемыхъ хлѣбовъ съ опредѣленіемъ наличности % содержанія песка, сора и минеральныхъ примѣсей, и отдѣльно % питательныхъ примѣсей,—и если производились, то каковы результаты анализовъ"?

„Всѣ вышесказанные экономическіе и финансовые вопросы изучаются Г. Янжуломъ по мѣрѣ силъ съ возможной полнотой и обстоятельностью, какъ путемъ личныхъ разспросовъ, такъ и книжнымъ образомъ, а по возвращеніи въ Россію Г. Янжулъ обязанъ не позже одного года составить подробный отчетъ о своемъ изслѣдованіи и представить его въ Департаментъ торговли и мануфактуръ, что, конечно, не исключаетъ возможности представленія отвѣтовъ на перечисленные вопросы и ранѣе этого срока".

Но этими многочисленными и подчасъ очень трудными для формулировки и отвѣта вопросами не ограничивались задачи, заданныя мнѣ Министерствомъ Финансовъ для американскаго путешествія. Когда уже общая программа была составлена, Г. Слободчиковъ, Директоръ Департамента Окладныхъ Сборовъ, прислалъ мнѣ еще болѣе сложную и трудную программу, выполняя которую я долженъ былъ бы написать для одного этого Департамента полный курсъ федеральныхъ и штатныхъ финансовъ, курсъ податной администраціи и курсъ экономической политики спеціально по землевладѣнію и землепользованію, и т. д. и т. д. цѣлый рядъ подобныхъ курсовъ.

Вотъ эта умная программа указаннаго Департамента, которая произвела на меня нѣсколько комичное впечатлѣніе, и до сихъ поръ я не могу читать её безъ смѣха, въ виду крайней несообразности такого порученія съ наличными средствами и обстоятельствами.

„I. Прямые налоги (установленные въ пользу Штатовъ и общинные мѣстные), ихъ система и особенности. Способы оцѣнки поземельной собственности для податныхъ цѣлей. Денежныя повинности".

„II. Натуральныя повинности; виды ихъ и способы отбыванія. Финансовое и экономическое значеніе натуральныхъ повинностей".

„III. Организація мѣстной податной администраціи".

„IV. Различныя формы землепользованія".

„V. Новѣйшія данныя о результатахъ примѣненія законоположеній о гомстетахъ (Homestead).

И того, слѣдовательно, разные органы Министерства Финансовъ, отправляя меня въ Америку, возложили на меня 19 (девятнадцать), по меньшей мѣрѣ, самыхъ разнородныхъ порученій и самаго разнообразнаго характера, при чемъ многія изъ нихъ, какъ напримѣръ I. „Прямые налоги“ (Департ. оклад. сборовъ),—„II. Натуральныя повинности“,—„III. Организація мѣстной податной администраціи“ и т. д. представляютъ собой, какъ я уже раньше ихъ называлъ, цѣлые курсы, которые читаются въ университетахъ цѣлые семестры, если не цѣлые года. Другія изъ этихъ девятнадцати порученій представляли темы по изученію мало изслѣдованнаго матеріала, требующаго многіе мѣсяцы работы и личныхъ разспросовъ, какъ вопросы о синдикатахъ и торговыхъ учрежденіяхъ. Третья тема изъ данныхъ порученій требовала большого числа справокъ и разъѣздовъ, какъ вопросъ объ акцизахъ, въ разныхъ штатахъ поставленный различно. Наконецъ нѣкоторыя другія темы и задачи, какъ напримѣръ тема о вліяніи билля Макъ-Кинлея на этику или взяточничество и продажность вызывали необходимость цѣлыхъ полицейскихъ и чуть не судейскихъ изслѣдованій, къ которымъ иностранца, можетъ быть, совсѣмъ и не допустили бы... Къ этой программѣ присоединилось предложеніе, отъ Департамента Окладныхъ Сборовъ, привезти или доставить справочныя книги разнаго рода по изслѣдуемымъ вопросамъ и темамъ.

Смѣю думать, что самъ С. Ю. Витте едва ли имѣлъ представленіе о всѣхъ этихъ геркулесовскихъ трудахъ на меня возложенныхъ на четыре, а если выкинуть время на дорогу, то на три мѣсяца моего изслѣдованія,—иначе, думаю, онъ его значительно сократилъ бы. Большинство этихъ разнородныхъ темъ вызвано усердіемъ не по разуму многочисленныхъ представителей финансовой администраціи. Каждый старался перещеголять своего товарища, и если одинъ возложилъ на профессора, командируемаго на казенный счетъ такъ далеко, два порученія, то другой („Чѣмъ онъ былъ хуже“!?), предлагалъ собрать свѣдѣнія по цѣлымъ шести темамъ и т. д. и т. д. Первоначально я пришелъ отъ всего этого въ полное отчаяніе и рѣшилъ, какъ ни зашло далеко дѣло, явиться къ Министру и отъ всего отказаться, но затѣмъ мудрые и опытные люди изъ того же Вѣдомства, съ которыми я подѣлился своими затрудненіями и намѣреніями, остановили меня отъ такого рѣшительнаго шага, объясняя мнѣ, что все это обычная казовая сторона петербургскаго бюрократическаго веденія дѣла, что я отнюдь не долженъ пугаться столькихъ задачъ и заниматься изъ многихъ, порученныхъ мнѣ

темъ, исключительно вопросами мнѣ желательными и которые я считаю за наилучшіе и наиболѣе настоятельные. Въ концѣ концовъ для моихъ неопытныхъ силъ въ тайнахъ петербургскихъ канцелярій былъ разрѣшенъ обширный вопросъ о моей дѣятельности въ Америкѣ. Я успокоился и мирно началъ готовиться къ дальнему и трудному путешествію за Атлантическій океанъ.

Былъ тщательно выбранъ день, чтобы по возможности поспѣть, если не къ открытію Выставки, то къ одному изъ первыхъ дней ея. На 20-ое марта взяты были билеты на Берлинъ съ тѣмъ, чтобы черезъ Гамбургъ ѣхать въ Америку. Многолюдная компанія друзей и пріятелей собралась 20-го числа на Брестскомъ вокзалѣ къ отходу почтоваго поѣзда, чтобы проводить насъ съ женой въ дальнюю дорогу. Въ числѣ провожавшихъ былъ нашъ знаменитый писатель Л. Н. гр. Толстой, отъ котораго вмѣстѣ съ супругой я имѣлъ порученіе въ Америку, подробно описанное въ VI главѣ „Моихъ воспоминаній" („Русская Старина" май 1910 г.). Разумѣется, общее вниманіе на вокзалѣ было привлечено фигурой Льва Николаевича, пока мы съ нимъ не простились, и поѣздъ не отправился въ путь.

Благополучно, хотя убійственно медленно и однообразно на четвертый день утромъ доѣхали до Берлина. Почти тотчасъ же въ Берлинѣ взяты были билеты на огромномъ суднѣ „Normania", отправлявшемся въ Нью-Іоркъ 6-го апрѣля н. с. Около недѣли оставалось у насъ свободной, и такъ какъ на это время приходилась русская Святая, то мы рѣшились провести праздники въ Дрезденѣ, въ родномъ для насъ отчасти мѣстѣ, и гдѣ сохранились у насъ знакомства, куда и переѣхали. Къ назначенному сроку 12-го апрѣля н. с. мы пріѣхали скорымъ поѣздомъ въ Гамбургъ и, увы, узнали тамъ непріятную новость, что „Normania" по случаю какого-то недавняго несчастія поступила въ починку и въ назначенный срокъ отбыть не можетъ. Вмѣсто всякаго вознагражденія гамбургское американское общество предложило намъ на выборъ,—еще подождать съ недѣлю и отплыть на своемъ самомъ огромномъ суднѣ „Fürst Bismark", или же черезъ три дня на небольшомъ пароходѣ „Servia", весьма тихоходномъ. Послѣ небольшого размышленія и колебанія мы рѣшили разсѣчь Гордіевъ узелъ – совсѣмъ не ѣхать на гамбургскомъ суднѣ. Поэтому мы настоятельно потребовали возвратить намъ деньги, заплаченныя впередъ и вещи, также отправленныя впередъ, и поспѣшили съ экспрессомъ перенестись немедленно изъ Гамбурга въ Лондонъ, чтобы захватить тамъ мѣсто на одномъ изъ судовъ, имѣющихъ отправиться, какъ мы знали изъ расписанія, 15-го апрѣля изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ.

Въ назначенный срокъ, благодаря чрезвычайной быстротѣ сообщенія, мы въ два дня перенеслись изъ Гамбурга въ Ливерпуль, при чемъ успѣли въ Лондонѣ захватить послѣднюю каюту въ двѣ койки на огромномъ и роскошномъ суднѣ „Etruria" и вечеромъ 15-го къ отходу парохода были въ гавани съ экспрессомъ, продѣлавшимъ безъ остановки весь длинный путь отъ Лондона до Ливерпуля.

Я не буду описывать здѣсь нашъ длинный и интересный переѣздъ черезъ океанъ, какъ и „Этрурію", цѣлый городъ по своимъ размѣрамъ, такъ какъ сдѣлалъ это обстоятельно въ другомъ мѣстѣ [1]). Утомительно тяжелая и небезопасная процедура съ таможенными кончилась; нашъ багажъ по американскому обычаю мы сдали въ транспортную контору для доставки намъ на домъ, а сами выбрались на набережную Нью-Іорка, весьма грязную и дурно освѣщенную и съ опасностью попасть подъ поѣзда, шнырявшіе не переставая вдоль берега, пробрались къ траму (особой канатной системы, еще не электрической) и отправились на 18-ую улицу, гдѣ было выбрано нами предварительно и списавшись пристанище, въ домѣ одного россіянина (нѣкто Бѣляковъ), бывшаго нѣкогда предводителя дворянства въ Симбирской губерніи и бѣжавшаго отъ долговъ въ Америку, гдѣ устроился, проѣвши, вѣроятно состояніе, хорошимъ поваромъ въ одномъ Нью-Іоркскомъ громадномъ универсальномъ магазинѣ, и сверхъ того съ помощью жены-ирландки содержавшимъ небольшой пансіонъ преимущественно для русскихъ.

Въ пансіонѣ Бѣлякова мы устроились весьма комфортабельно и удобно; нашли своихъ знакомыхъ изъ Москвы, извѣстную пѣвицу Е. Э. Линеву (урожденную Покрицъ), которая знакомила съ русскимъ хоромъ и нашимъ національнымъ пѣніемъ американцевъ на Выставкѣ. Съ перваго же дня пріѣзда, благодаря хорошему ознакомленію съ городомъ по гидамъ и планамъ, мы вмѣстѣ съ женой и поодиночкѣ не встрѣчали почти никакихъ препятствій разыскивать различныхъ рекомендованныхъ намъ лицъ и собирать нужныя свѣдѣнія, я — въ сферѣ программы Министерства Финансовъ, жена по вопросамъ народнаго и спеціально женскаго образованія и труда. Особенно много, болѣе двадцати рекомендательныхъ писемъ, я получилъ отъ высокоуважаемаго Л. Н. гр. Толстого и, не успѣвши израсходовать ихъ въ Америкѣ, привезъ ему обратно. Для первыхъ впечатлѣній американской жизни для насъ весьма цѣнны, конечно,

---

[1]) См. И. и Е. Янжулъ „Часы досуга". Москва 1896 г. Часть II „Американскіе очерки и картинки". (Большею частью напечатаны предварительно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ").

наши первыя письма домой на родину. Корреспонденція въ Америкѣ получалась крайне неаккуратно, и письма часто пропадали. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ письма жены къ матери въ одинъ изъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Штатахъ.

„Мы устроились, пишетъ она, очень хорошо у нашего русскаго хозяина Бѣлякова и принимаемся за работу. Ив. Ив. уже многое для себя узналъ въ послѣдніе дни; я же немножко задержалась зубной болью, впрочемъ теперь я уже почти избавилась отъ нея и съ завтрашняго дня тоже начну дѣйствовать..... Американцы очень любезный народъ и насъ забросали разными приглашеніями осматривать и то, и другое; иногда не разберешься даже въ разнаго рода рекомендаціяхъ и указаніяхъ,—такое ихъ множество! Многіе американцы первые являются къ намъ на домъ, и хотя я еще не пускалась, продолжаетъ жена, въ ходъ, но передо мной прошелъ уже цѣлый калейдоскопъ лицъ, а Ив. Ив—ча разыскиваютъ бывшіе его ученики изъ евреевъ, выгнанные изъ Москвы. Тяжелую имъ приходится испытывать долю, прежде чѣмъ они устроются здѣсь такъ или иначе, и всѣ почти начинаютъ съ самаго простого ручного труда; да и тотъ не всегда легко найти, потому что, хотя здѣсь платятъ хорошія цѣны (прачка поденщица получаетъ напр. 2 р. въ день), но и требуютъ интенсивнаго и упорнаго труда, а русскіе къ тому же пріѣзжаютъ почти всѣ безъ знанія языка. Сегодня, напримѣръ, приходилъ незнакомый юноша почему-то къ Ив. Ив—чу просить помочь отыскать ему какое-нибудь мѣсто, хотя бы самое простое!..... Ив. Ив. въ свою очередь попросилъ хозяина, и тотъ обѣщалъ подумать“.

„Несмотря на то, что здѣсь временемъ дорожатъ столько же, какъ деньгами, тѣмъ не менѣе городъ по внѣшности не производитъ впечатлѣнія суетливости. Около нашей квартиры проходитъ воздушная желѣзная дорога, которою приходится часто пользоваться. Поѣзда проходятъ каждыя двѣ минуты, но тѣмъ не менѣе пассажиры сходятъ и садятся преспокойно, какъ мы садимся въ тарантасъ въ деревнѣ..... Американцы суетятся только, когда имъ предстоитъ какое-нибудь зрѣлище: тогда они приходятъ въ волненіе и готовы сбить другъ друга съ ногъ и забыть всѣ правила приличія“.

„Такъ недавно я видѣла очень хорошо одѣтыхъ дамъ, которыя влѣзали на высокую телѣгу и становились на положенную поперекъ нея доску посмотрѣть на шествіе войскъ всѣхъ народностей, собравшихся по случаю Колумбійскаго празднества“.

„Еще поражаетъ, при общей дѣловитости, та масса времени и энергіи, которая тратится американками на закупки. То, что происходитъ въ Москвѣ только во время дешевыхъ товаровъ, здѣсь

происходитъ каждый день въ центрахъ торговли: дама, иногда съ младенцами на рукахъ, по цѣлымъ часамъ блуждаетъ по магазинамъ, которые всѣ устроены здѣсь по типу „Мюръ и Мерелизъ", и въ которыхъ можно гулять, даже ничего не покупая".

„Мы съ С. Э. Линевой ходили разъ закупать разныя вещи для обмундировки ея хора, и вотъ я тогда насмотрѣлась на закупающихъ американокъ. Онѣ дѣлаютъ это съ такимъ ожесточеніемъ, какъ-будто всё счастье ихъ жизни зависитъ отъ удачной покупки.

„Кромѣ этихъ центровъ торговли, городъ менѣе оживленъ, чѣмъ Лондонъ, а улицы до того грязны и плохо мощены, что превосходятъ Москву. На извощикахъ тутъ никто не ѣздитъ, такъ что, когда переходишь черезъ улицу, то надо беречься только конки, да фуръ. Надъ головой шумитъ проходящій поѣздъ, который первое время пугаетъ, но потомъ привыкаешь чувствовать себя подъ нимъ въ безопасности".

Точно такого же содержанія были и мои первыя письма изъ Америки. „Ваше письмо (сегодня полученное)—пишу я отъ 25-го апрѣля матери моей жены,—несказанно насъ обрадовало: дѣло въ томъ, что первое Ваше письмо до насъ не дошло, очевидно пропало. Вообще почту здѣшнюю похвалить нельзя; „Русскія Вѣдомости", напримѣръ, я получаю съ большими пропусками; на пропажу писемъ также многіе жалуются.

„Такъ какъ вы теперь, вѣроятно, получили хоть одно изъ двухъ нашихъ американскихъ писемъ, то намъ нѣтъ нужды повторять, что мы переѣхали океанъ благополучно, и право на сушѣ болѣе опасностей, нежели въ такихъ плавучихъ городахъ, какъ океанійскіе пароходы съ ихъ тысячнымъ населеніемъ (съ нами на „Этруріи" ѣхало около 1.300 человѣкъ вмѣстѣ съ экипажемъ). Морская болѣзнь очень непріятна, но также не опасна ничуть и при томъ не всегда бываетъ; со мной во всю недѣлю переѣзда не была ни разу, а если жена страдала, то по своей трусливости".

„Американцы—народъ очень любезный и обязательный, не только исполняютъ охотно просьбы, но стараются предупреждать ихъ, и даже по-русски любятъ зазывать обѣдать запросто: вотъ напр. сегодня я обѣдаю у здѣшняго университетскаго профессора Селигмана—моего сотоварища по наукѣ. Жена понемногу также осматривается и завязываетъ свои школьныя знакомства; я же большею частью времени работаю въ библіотекахъ".

Большое значеніе въ нашихъ первыхъ шагахъ по Нью-Іорку и осмотрахъ его учрежденій играла г-жа Варвара Гэпгудъ (Hapgood), о которой я упоминалъ во главѣ VI, разсказывая о порученіи гр. Л. Н. Толстого и его семейства. Графиня Софья Андреевна

прислала ей два женскихъ костюма тульской крестьянки, графъ же Левъ Николаевичъ—свою рукопись для перевода. Г-жа Гэпгудъ была очень признательна за доставленіе этихъ „прекрасныхъ“ костюмовъ, какъ она вѣжливо назвала тульскія паневы и довольно безобразные платки; сначала упорно хотѣла мнѣ заплатить расходы провоза, но когда я также упорно отказался отъ этого, тѣмъ болѣе что провозъ отъ Европы почти ничего не стоилъ, г-жа Гэпгудъ немедленно обратилась къ практическому виду помощи—чѣмъ она можетъ лично намъ служить? Я, помнится, попросилъ ее, перебирая свои многочисленныя порученія отъ Министерства, доставить мнѣ доступъ къ начальнику порта г. Нью-Іорка, чтобы добыть данныя о портовыхъ сборахъ для Министерства. Она немедленно сдѣлала надлежащую отмѣтку въ своей записной книжкѣ, обѣщалась доставить мнѣ рекомендацію отъ извѣстнаго лица къ начальнику порта и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно это сдѣлала.

Что же касается до моей жены, то узнавши изъ ея объясненія, что она интересуется разными сторонами народнаго образованія и знакомствомъ съ разными женскими благотворительными и образовательными учрежденіями, г-жа Гэпгудъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно взяла мою жену на буксиръ и повезла ее въ экскурсію по школамъ и другимъ учрежденіямъ, дабы познакомить лично съ нѣкоторыми руководителями и начальниками этихъ учрежденій. Предложивши прежде всего зайти въ одну недалеко кстати отъ насъ лежавшую церковь, чтобы познакомиться съ ея священникомъ, г-жа Гэпгудъ объяснила, что подъ началомъ этого священника въ зданіи, прилегающемъ непосредственно къ церкви, имѣется цѣлый рядъ просвѣтительно-благотворительныхъ учрежденій, начиная съ дѣтскаго сада, религіозныхъ бесѣдъ съ подростками, читальни для взрослыхъ и кончая шахматнымъ клубомъ для мужчинъ и вечеринками для рабочихъ женщинъ, именуемыми „митингами для матерей“... Впослѣдствіи при посѣщеніи одного подобнаго митинга, жена моя имѣла случай познакомиться съ нѣсколькими интересными типами женщинъ изъ рабочаго класса Новаго Свѣта, которыя, благодар[illegible] сохраняемому ею инкогнито, сочли ее также за ищущую заработ[illegible]лько что пріѣхавшую эмигрантку, удивляясь однако, что она, [illegible] всѣмъ новичкамъ, свободно владѣетъ англійскимъ языкомъ [illegible] для того, чтобы не выдать своего инкогнито, женѣ пришлось искать объясненія своего знанія языка; собесѣдницы ея, повидимому, удовлетворились разсказомъ, что передъ переселеніемъ въ Америку, ихъ новая русская знакомая, которую руководительницы митинга рекомендовали ихъ вниманію и попеченію, прожила нѣкоторое время у знакомыхъ въ Англіи. На этомъ недоумѣ-

нія прекратились, но за то посыпались предложенія „мѣстечка“ (т. е. ручного труда или занятія), что опять привело въ смущеніе жену и заставило ее придумывать предлоги, почему она не торопится обезпечить себя въ Америкѣ заработкомъ. Въ еще большее затрудненіе она была однажды поставлена въ другомъ изъ учрежденій при данной церкви во время религіозной бесѣды съ многочисленнымъ сборищемъ дѣтей, составляющимъ такъ называемую „воскресную“ школу церкви. При входѣ ея въ обширный залъ, гдѣ расположилась по-праздничному одѣтая толпа дѣтей, священникъ рекомендовалъ ее своей аудиторіи какъ друга (a friend), пріѣхавшаго изъ Россіи и желающаго съ ними побесѣдовать,—и тутъ жестомъ руки онъ указалъ на жену, предоставляя ей удовольствіе (по американскимъ понятіямъ) обратиться съ рѣчью къ юному собранію. Смущенная неожиданностью, не зная тогда еще объ этомъ чисто американскомъ угощеніи, обязательномъ при пріемѣ почетныхъ гостей, жена отказалась отъ этой чести, послѣ чего священникъ счелъ все-таки нужнымъ прежде всего высказать нетерпѣливо ожидавшимъ обращенія къ нимъ дѣтямъ, нѣсколько привѣтственныхъ словъ отъ имени „друга“ изъ Россіи; лишь послѣ этого вступленія, онъ перешелъ къ предмету своей назначенной на данное воскресенье бесѣды.—Но всё это происходило съ женой позднѣе уже, въ отсутствіе г-жи Гэпгудъ; въ первое посѣщеніе она едва успѣла поблагодарить священника за его готовность во всякое время показать свои учрежденія, какъ г-жа Гэпгудъ потащила ее въ другое мѣсто—въ большой дѣтскій пріютъ, гдѣ спѣшно опять рекомендовала начальницѣ; затѣмъ онѣ полетѣли въ третье учрежденіе—дѣтскій садъ, гдѣ повторилось то же самое. Въ одно утро, пользуясь кэблями (замѣняющими въ Нью-Іоркѣ трамваи) и городской желѣзной дорогой, онѣ объѣздили массу мѣстъ и несмотря на то, что всякій разъ г-жа Гэпгудъ успѣвала, такъ сказать, лишь всунуть жену въ извѣстное учрежденіе и тотчасъ же ее оттуда извлекала, эта спѣшная экскурсія, стремглавъ продѣланная, открыла двери многихъ интересныхъ учрежденій, которыя затѣмъ и посѣщены были женою повторно на досугѣ. Ознакомленіемъ съ цѣлымъ рядомъ характерныхъ сторонъ американской жизни жена обязана была, такимъ образомъ, любезности и энергіи нашей новой знакомой.

Имя той же Варвары Гэпгудъ невольно мнѣ приводитъ въ голову воспоминаніе о весьма оригинальномъ событіи, случившемся собственно со мною еще въ Россіи до отъѣзда, а окончившемся въ Америкѣ, благодаря той же энергичной переводчицѣ Льва Толстого. Примѣрно за годъ до моей поѣздки въ Америку въ моей квартирѣ въ Москвѣ прислуга жены моей разбудила меня однажды довольно

рано утромъ совсѣмъ необычнымъ образомъ.—„Баринъ, баринъ, вставайте, генералъ сидитъ въ кабинетѣ и Васъ ждетъ“!—„Какой генералъ, и что ему нужно“?—„Настоящій генералъ,—отвѣчаетъ моя наивная горничная,—въ эполетахъ и со звѣздой, давно сидитъ, Васъ дожидается“. Съ удивленіемъ и досадой я поднялся съ постели, наскоро одѣлся и вышелъ въ кабинетъ. Тамъ, дѣйствительно, оказался неизвѣстный мнѣ господинъ въ военной формѣ, густыхъ эполетахъ и при регаліяхъ, который однако отрекомендовался мнѣ какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и какой-то военно-медицинскій или врачебный инспекторъ. На мой послѣдующій вопросъ, чѣмъ могу служить и какую онъ имѣетъ надобность до меня, г. военный докторъ отвѣчалъ, что явился ко мнѣ по приказанію и порученію Его Высокопревосходительства Московскаго Генералъ-Губернатора Костанды, что генералъ свидѣтельствуетъ мнѣ свое почтеніе и проситъ извинить, что не можетъ самъ явиться по данному дѣлу, потому что нездоровъ и ему запрещено выходить—„я же самъ запретилъ—объяснилъ докторъ,—ему выходить, сильно простуженъ“.—„Чѣмъ же я могу служить Его Высокопревосходительству“?—повторилъ я свой вопросъ. Къ величайшему моему изумленію докторъ съ самымъ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ: „Генералъ покорнѣйшее проситъ Васъ прочесть на дняхъ публичную лекцію о *проказѣ* съ благотворительной цѣлью“!

Я нѣсколько разъ повторилъ вопросъ о предметѣ лекціи и опять услышалъ отвѣтъ г. военнаго доктора: „Да, о проказѣ, именно о проказѣ“! Придя нѣсколько въ себя отъ удивленія, я просилъ доктора разсказать мнѣ обстоятельно и опредѣленно, что значитъ эта нелѣпая просьба о лекціи по предмету—проказы,—такъ какъ я совершенно далекъ отъ предмета чтенія и по своему образованію ничего не знаю о проказѣ, кромѣ упоминанія въ Евангеліи и бѣглыхъ замѣткахъ въ газетахъ. „Я самъ это хорошо понимаю“—отвѣчалъ докторъ,—„и докладывалъ Его Высокопревосходительству, но генералъ повторилъ мнѣ строго приказъ, такъ какъ самъ не можетъ ѣхать къ Вамъ и проситъ прочесть лекцію, хотя по образованію, намъ извѣстно, что Вы не врачъ“.

Затѣмъ съ обинякамн и оговорками почтенный врачъ, исполнявшій волю пославшаго его, передалъ мнѣ закулисную сторону этой забавной, но весьма характерной исторіи изъ современной жизни нашего high-life. Оказалось слѣдующее. Въ Англіи, незадолго передъ временемъ разсказа, появилась какая-то неизвѣстная лично никому американка Miss Marsden, которая ополчилась новымъ крестовымъ походомъ противъ страшнаго бѣдствія, вновь усилившагося въ наши дни — болѣзни *проказы*, случаи которой приходится

встрѣчать все больше и больше!!... Она призывала всѣхъ добрыхъ людей примкнуть и поддержать ея намѣреніе пробраться въ тундры Сибири, гдѣ у шамановъ какого-то дикаго племени (кажется, якутовъ) скрывается секретъ вѣрнаго излеченія этой ужасной болѣзни. Ловкая и вѣроятно убѣдительно дѣйствовавшая госпожа, запасшись многими сильными вліяніями въ Англіи, проникла даже, говорятъ, къ тамошнему двору и явилась съ усиленными рекомендаціями въ Петербургъ, гдѣ была принята весьма сочувственно; тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ ей дали денегъ немного и рѣшили, что если нужны деньги, то надо ѣхать въ богатую Москву, куда ее и сплавили опять-таки съ наилучшей аттестаціей ея гуманному и самоотверженному предпріятію.

Все высшее московское общество, по словамъ доктора съ семействомъ генерала Костанды во главѣ, принимаетъ въ Miss Marsden сильнѣйшее участіе и хотѣло бы ей помочь. „По слухамъ въ Москвѣ и особенно отъ знакомой супруги и дочери генерала — графини Уваровой, — слышалъ, что вы весьма успѣшно читаете лекціи съ благотворительной цѣлью и много собираете денегъ. Поэтому генералъ и рѣшился, по просьбѣ своихъ дамъ, послать меня къ вамъ съ указанной просьбой, а такъ какъ деньги предназначаются для борьбы съ проказой, то дамы и предложили тему о проказѣ, не разбирая, можете ли вы или нѣтъ читать о ней, считая, что вы въ состояніи говорить обо всемъ“...!!??

Разумѣется, я отказался отъ столь лестнаго для меня генералъ-губернаторскаго предложенія, прося доктора засвидѣтельствовать въ свою очередь мое почтеніе генералу Костанда и объяснить, что я, не зная Miss Marsden и ея компетентности въ поискахъ леченія проказы, вообще бы не взялся читать лекціи въ ея пользу, а на тему о проказѣ тѣмъ болѣе! Докторъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ согласенъ со мной, ибо сомнѣвается, чтобы г-жа Марсденъ нашла въ тундрахъ Сибири что-нибудь новое, наукѣ неизвѣстное, ибо были даже спеціальныя медицинскія изслѣдованія на мѣстѣ этого вопроса, но что онъ-де (военно-медицинскій инспекторъ) творитъ волю пославшаго его; затѣмъ онъ извинился и раскланялся.

Послѣ этого страннаго визита, я слышалъ въ Москвѣ о Марсденъ очень мало, но все не въ ея пользу. Аристократическія дамы, посовѣтовавшись, въ виду моего отказа, рѣшили достать денегъ инымъ, болѣе дѣйствительнымъ способомъ, мнѣ точно не извѣстнымъ, у купцовъ; было получено нѣсколько тысячъ, которыя и были вручены Miss Marsden съ открытымъ листомъ и самыми широкими полномочіями вмѣстѣ съ рекомендаціями сибирскому начальству. Затѣмъ дали ей въ провожатые русскаго врача, говорящаго по-англійски и

которому, говорили послѣ въ Москвѣ, Марсденъ забыла заплатить обѣщанныя деньги, взявши всю собранную сумму въ личное свое распоряженіе. Марсденъ пышно проѣхалась по Якутской области, въ сопровожденіи начальника, поговорила черезъ переводчиковъ, мало понимая другъ друга, съ шаманами, и затѣмъ вернулась въ Америку,—вотъ все, что мнѣ было въ то время извѣстно.

Вообразите мое удивленіе, когда въ началѣ моего путешествія въ Америку на пароходѣ „Etruria“, я увидалъ въ спискѣ ѣдущихъ пассажировъ, который какъ-то успѣли напечатать въ первые же дни отплытія, имя Miss Marsden. Но недѣльный переѣздъ нашъ въ Нью-Іоркъ былъ очень бурный; все время судно болѣе или менѣе трепало и повально всѣ были больны. Я еще въ числѣ немногихъ счастливцевъ перенесъ бурю спокойно и уже совсѣмъ въ концѣ переѣзда въ виду Нью-Іорка познакомился съ ѣдущей тутъ же нѣмкой изъ Петербурга, хорошо говорившей по-русски, компаньонкой, какъ она объявила, Miss Marsden и издали видѣлъ эту госпожу, возвращавшуюся въ Америку послѣ своихъ русскихъ приключеній, надо думать, не безъ денегъ, ибо „Etruria“ былъ пароходъ дорогой и роскошный.

Когда мы съ женой познакомились съ Варварой Гэпгудъ и случайно во время разговора обмолвились, что пріѣхали на одномъ пароходѣ съ извѣстной Марсденъ, то она быстро впала въ свойственный ей ражъ, весьма непочтительно обзывая Марсденъ плутовкой, воровкой и т. д. На наше удивленіе, протесты и разсказы о томъ, какъ ее у насъ принимали высокопоставленные аристократы, какъ съ нею няньчились, какъ вѣрили въ то, что она пріѣхала спасать человѣчество отъ проказы и проч. и проч., гнѣвъ г-жи Гэпгудъ усилился еще болѣе. — „А, когда такъ, то я открою вамъ на нее глаза!“ -- и обѣщалась это сдѣлать черезъ нѣсколько дней. Спустя три или четыре дня мы, дѣйствительно, получили отъ нея пачку вырѣзокъ изъ американскихъ газетъ за нѣсколько лѣтъ до того времени съ описаніемъ процесса и разныхъ продѣлокъ г-жи Марсденъ: случаевъ воровства или мошенничества, вообще грѣховъ противъ восьмой заповѣди. Въ одной газетѣ, мнѣ помнится, упоминалось, что она еще сидитъ въ тюрьмѣ, отбывая наказаніе за какой-то проступокъ, а въ другой газетѣ, другого штата, сообщалось, что она бѣжала въ Европу!...

Само собой разумѣется, что я отнюдь не могу ручаться за точность газетныхъ выдержекъ и даже за рѣшительное обвиненіе Марсденъ почтенною г-жею Гэпгудъ, но все это вмѣстѣ мнѣ представляется достаточнымъ, дабы показать, какъ велико легковѣріе въ Европѣ къ американскимъ авантюристамъ и какъ въ бѣдной

Россіи легко отыскиваются тысячи денегъ для уроженцевъ богатой Америки, которые, пользуясь нашей простотой, запускаютъ умѣлую руку въ нашъ податливый, гдѣ не нужно, карманъ!!...

Возвратимся, однако, къ цѣли моего прибытія въ Америку, — выполненію разныхъ сложныхъ задачъ, возложенныхъ на меня Департаментами Министерства Финансовъ. Какъ было выше упомянуто, изъ массы разнородныхъ задачъ я рѣшилъ, изучая Всемірную выставку и незнакомую, столь интересную страну, какъ Соединеные Штаты, ограничиться наиболѣе для меня любопытными и поучительными темами, которыя хронологически по времени моего ознакомленія съ ними и писанія соотвѣтствующихъ отчетовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1-е Портовые сборы.

2-е Регулированіе торговли; элеваторы и хлѣбная инспекція.

3-е Маргариновый акцизъ.

4-е Организація Американскаго Министерства Земледѣлія.

5-е Синдикаты.

Къ сожалѣнію моему, слѣдуя указанію программы, мнѣ данной передъ отъѣздомъ, что въ случаѣ возможности я могу представить отчетъ объ исполненіи данныхъ мнѣ порученій ранѣе *годичнаго* срока, назначеннаго мнѣ для моего американскаго порученія, для первыхъ трехъ задачъ я написалъ краткіе отчеты еще въ Америкѣ и отослалъ ихъ на имя Влад. Ив. Ковалевскаго въ Департаментъ Торговли, предполагая, что онъ ихъ распредѣлитъ по принадлежности. Четвертая тема, о Министерствѣ Земледѣлія, принадлежала къ тѣмъ порученіямъ, которыя относились къ изученію явленій американской жизни, т. е. предмету, намѣченному мною по личному усмотрѣнію (4 п. программы). Данныя для этого вопроса мною были собраны, но не обработаны и не отосланы въ Петербургъ, потому что я не имѣлъ никакого увѣдомленія о полученіи первыхъ трехъ отчетовъ. Наконецъ была пятая работа—Синдикаты—обширная и огромная тема, по которой я собиралъ свѣдѣнія разнороднымъ способомъ въ теченіе всего своего пребыванія въ Америкѣ, писалъ же, возвратясь въ Россію, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорной работы. Единственно этотъ отчетъ, въ резул[illegible]а былъ напечатанъ на счетъ Министерства [1]). Въ то же врем[illegible]ольно странная и печальная судьба постигла первые три отче[illegible]посланные по почтѣ

---

[1] Министерство Финансовъ, Торговли и Мануфактуръ. *И. И. Янжулъ.* „Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“. Спб. 1895 г.

изъ Америки: они своевременно пришли въ Департаментъ Торговли и были имъ приняты, но что съ ними сдѣлалось дальше, никому не извѣстно.

Когда я вернулся въ Россію и увидалъ г. Директора Департамента Ковалевскаго, прося мнѣ возвратить временно эти небольшія работы для того, чтобы ими воспользоваться для печати, такъ какъ черновыхъ или не было, или я ихъ во всякомъ случаѣ не сберегъ,—къ сожалѣнію, я получилъ отъ Департамента одинъ рѣшительный отвѣтъ, что мои отчеты не сохранились, хотя и были въ свое время получены, такъ же, какъ и образцы хлѣба для характеристики хлѣбной инспекціи, пересылка которыхъ дорого стоила мнѣ. Три раза я черезъ разныхъ лицъ хлопоталъ о поискахъ въ Департаментѣ моихъ отчетовъ, но всѣ разы безуспѣшно, такъ что въ настоящее время, не имѣя копіи, я лишенъ возможности въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ познакомить съ ихъ содержаніемъ и могу лишь разсказать ихъ суть въ немногихъ словахъ.

Первая работа о портовыхъ сборахъ — совершенно кабинетная: на мою просьбу познакомить меня съ ними, начальникъ Нью-Іоркскаго порта прислалъ мнѣ всѣ дѣйствующіе регламенты и табели, и этимъ ограничился. Составленная мною по этому предмету краткая записка и была представлена какъ отчетъ въ Департаментъ Торговли, касаясь исключительно въ предѣлахъ программы портовыхъ сборовъ одного лишь г. Нью-Іорка.

Второй отчетъ,—объ элеваторахъ, хлѣбной торговлѣ и инспекціи, обратно съ портовыми сборами, вызвалъ съ моей стороны довольно много разъѣздовъ по окрестностямъ Нью-Іорка и Чикаго, гдѣ лежали элеваторы, и значительный трудъ для меня вникнуть и усвоить совершенно неизвѣстныя до тѣхъ поръ условія и подробности многихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ данныхъ, не говоря о пріемахъ и способахъ контроля, воочію мнѣ показанныхъ лично инспекторами съ образцами хлѣба разнаго качества и засоренности. Мало того, въ Чикаго я пригласилъ русскаго техника г. Линева, по своей спеціальности ближе стоящаго къ дѣлу, продолжить мое изслѣдованіе, снять рисунки нѣкоторыхъ элеваторовъ, а также пріобрѣсти для отсылки въ Петербургъ образцы инспектированнаго хлѣбнаго товара. Печальная судьба, говорили, постигла и этотъ основательный отчетъ и лишила меня плодовъ труда и стараній. Я даже забылъ съ теченіемъ времени тѣ свѣдѣнія, которыя собралъ путемъ разспросовъ г.г. хлѣбныхъ инспекторовъ и торговцевъ по этому дѣлу. Министръ С. Ю. Витте, насколько мнѣ извѣстно, этого моего отчета не получалъ, и мнѣ очень досадно: для чего же я трудился, по цѣлымъ днямъ ѣздилъ въ жару по

пыльнымъ и небезопаснымъ задворкамъ Нью-Іоркскихъ желѣзныхъ дорогъ и разбиралъ цѣлые часы незнакомые мнѣ сорта хлѣба. Для чего всё сіе?!

Еще болѣе мнѣ прискорбна пропажа моей работы по третьему вопросу, — маргариновому акцизу, написанному не только по программѣ, но и по личной просьбѣ г. Маркова, — тогда Директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ или косвенныхъ налоговъ. „Если Вы встрѣтите въ Америкѣ“ — объяснялъ онъ мнѣ скромно при прощаніи,—„какой-нибудь акцизъ, у насъ не существующій и въ то же время противъ принятія котораго у насъ не имѣется серьезныхъ возраженій по Вашему мнѣнію, то потрудитесь его пообстоятельнѣе описать и прислать отчетъ намъ“. Я такъ и сдѣлалъ, согласно просьбѣ г. Маркова; случайно увидавши въ числѣ мелкихъ сборовъ американскаго казначейства налогъ на маргаринъ, я познакомился съ его исторіей по одной журнальной работѣ, сдѣлалъ надлежащія справки въ федеральномъ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ и побесѣдовалъ объ этомъ налогѣ съ инспекторомъ косвенныхъ сборовъ, кажется въ штатѣ Нью-Іорка. Въ результатѣ у меня получилась не особенно объемистая, но весьма интересная и поучительная экономическая работа. Всѣмъ извѣстно, какая борьба противъ маргарина безпрерывно ведется во многихъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и у насъ, ради, главнымъ образомъ, выгодъ сельскихъ хозяевъ. Для этого сильно преувеличивается санитарная вредоносность искусственнаго масла, иногда представляется, напримѣръ, обязательная окраска въ какой-нибудь яркій цвѣтъ и вообще разными мѣрами стѣсняется сбытъ его, хотя мало имущіе классы населенія вынуждаются этой создаваемой путемъ закона дороговизной маргарина, столь важнаго питательнаго продукта, обращаться къ гораздо болѣе вреднымъ суррогатамъ, какъ наше „кашное“ сало, нерѣдко съ примѣсью минеральнаго масла, т. е. совершенно неудобоваримый продуктъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ, помимо того же маргарина, заключается олеинъ и стеаринъ, удобные для освѣщенія, но не для питанія. При этомъ надзоръ за маргариновымъ производствомъ безъ спеціальнаго налога требуетъ расходовъ, падающихъ на тѣхъ же плательщиковъ налоговъ безъ всякой пользы государству и странѣ и къ рѣшительному вреду даже для здоровья населенія.

Американцы, мнѣ казалось во время моего изслѣдованія (въ 1893 г.), очень удачно разрѣшили эту задачу въ духѣ нашей пословицы „и овцы цѣлы, и волки сыты“. Они не убили, какъ мы старались сдѣлать, маргариновое производство, и оно въ Штатахъ очень развито, существуя съ очень маленькимъ акцизомъ и тща-

тельнымъ надзоромъ за ходомъ производства. Но въ то же время этотъ акцизъ доставляетъ государству доходъ вродѣ полутора милліоновъ долларовъ, хотя лишь умѣренно облагаетъ дешевый сортъ масла; его потребленіе съ другой стороны не вредитъ интересамъ молочныхъ хозяевъ или маслодѣловъ, отнюдь не задерживая фабрикацію дорогихъ сортовъ масла. По всѣмъ этимъ причинамъ маргариновый акцизъ вызвалъ тогда мое полное сочувствіе, какъ мѣра, могущая быть удачно повторенною, какъ мнѣ представлялось, и у насъ; но мой отчетъ по этому предмету постигла одинаковая участь съ первыми двумя, т. е. онъ дѣлся въ Департаментѣ Торговли неизвѣстно куда и во всякомъ случаѣ не былъ препровожденъ въ надлежащее мѣсто, — въ Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ (sic!).

Въ четвертыхъ, какъ было упомянуто, я собралъ матеріалъ при посѣщеніи Вашингтона, въ силу даннаго мнѣ программой права, объ организаціи многочисленныхъ лабораторій и полезнѣйшей дѣятельности тамошняго Министерства Земледѣлія. Изъ этого матеріала я составилъ большую статью для „Русскихъ Вѣдомостей“, которая потомъ перепечатана была въ сборникѣ моихъ статей „Часы досуга“; Министерству же Финансовъ, какъ тему не подходящую, я совсѣмъ этой работы не послалъ, удовлетворивши ею лишь собственную пытливость.

Наконецъ моя главная и серьезная работа, до сихъ поръ не потерявшая значенія,—о промысловыхъ синдикатахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, составила (помимо газетныхъ и журнальныхъ статей) единственный печатный и общедоступный результатъ моей американской поѣздки. Для этой работы я знакомился и бесѣдовалъ со многими лицами въ Америкѣ, перечиталъ много всякихъ юридическихъ фоліантовъ и просмотрѣлъ много справочныхъ книгъ, спорилъ до хрипоты съ лицами, связанными ходячими предразсудками и рутиннымъ доктринерствомъ, уничтожающимъ свободу мысли и смѣлость думать по-своему, и этою работою, наконецъ, я вызвалъ въ Россіи кучу брани и помоевъ на свою голову отъ органовъ нашей печати самаго разнообразнаго направленія и характера. Въ концѣ концовъ, однако, истина восторжествовала. Нынѣ можно считать общепризнанной главнѣйшую мысль моего изслѣдованія о синдикатахъ, что во-первыхъ надо допустить легальное существованіе этихъ предпринимательскихъ союзовъ, разъ уничтожить и задержать ихъ невозможно, и во-вторыхъ надо регламентировать и нормировать, въ интересахъ общаго блага, существованіе синдикатовъ, обставляя ихъ надлежащими условіями.

Въ виду значительныхъ размѣровъ самаго сжатаго даже опи-

санія содержанія моего изслѣдованія о синдикатахъ, я рѣшилъ изъять его изъ настоящей главы и помѣстить въ слѣдующую главу, гдѣ читатель найдетъ его вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о торговыхъ музеяхъ, которое примѣрно относится къ тому же времени (1893—1896 г.г.). Затѣмъ продолжаю дальше описаніе нашего американскаго путешествія.

Изъ Нью-Іорка черезъ мѣсяцъ тамъ пребыванія и кончивши мелкіе отчеты по различнымъ вопросамъ, выше перечисленнымъ, мы отправились на Выставку въ Чикаго (по свѣдѣніямъ газетъ уже открытую, хотя далеко еще не полную) нѣсколько окружной дорогой черезъ Филадельфію и Вашингтонъ. Недѣльное пребываніе въ Вашингтонѣ, помимо знакомства съ любопытными зданіями этой столицы Новаго Свѣта, заключалось въ изученіи разныхъ учрежденій, особенно Министерства Земледѣлія, меня поразившаго стройностью и цѣлесообразностью многочисленныхъ своихъ лабораторій. Вездѣ я встрѣчалъ самый любезный пріемъ, готовность раскрыть и объяснить мнѣ организацію этихъ учрежденій и даже до сихъ поръ получаю интересныя изданія этого Министерства.

Изъ личныхъ знакомствъ въ Вашингтонѣ, которыя произвели на меня впечатлѣніе, могу упомянуть о знакомствѣ съ знаменитымъ американскимъ статистикомъ Кароллъ Райтъ (Caroll Wright), въ то время директоромъ Департамента Труда (Director of the Department of Labor), который держалъ себя любезно, но съ большимъ достоинствомъ и обѣщалъ меня снабжать постоянно всѣми изданіями своего вѣдомства. Къ моему удивленію онъ, повидимому, иностранныхъ языковъ не знаетъ и, напримѣръ, нѣмецкой и французской литературой совсѣмъ не пользуется. Мнѣ удалось впослѣдствіи, во вниманіе къ его тѣмъ не менѣе многочисленнымъ трудамъ, возвести его въ званіе почетнаго члена нашей Академіи Наукъ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ [1]).

[1]) Съ нимъ произошло у меня въ Вашингтонѣ чисто американское qui pro quo, которое даетъ понять, какъ низко въ общественномъ мнѣніи Соединенныхъ Штатовъ стоятъ люди, занимающіеся политикой. Передъ моимъ отъѣздомъ Кароллъ Райтъ справился, гдѣ я остановился въ Вашингтонѣ, и былъ видимо очень удивленъ, если не пораженъ, когда я сказалъ ему названіе гостиницы, случайно выбранной мною по извѣстному гиду Бедэкера, только что вышедшему въ томъ году по случаю Выставки для Америки. Почему-то Райтъ не отдалъ мнѣ визита, но я много не придалъ этому значенія и скоро забылъ, пока мнѣ не напомнилъ о томъ мой пріятель проф. Селигманъ (Колумбійскаго Университета въ г. Нью-Іоркѣ). Онъ объяснилъ мнѣ, что у американцевъ, напротивъ, строго соблюдается правило отдачи визита, и если онъ не отплатилъ его, то, навѣрное, причина.

„Въ первый разъ въ жизни,—пишетъ жена моя матери своей въ письмѣ отъ 20-го мая 1893 г.,—въ Вашингтонѣ мы оказались окруженными неграми, которыхъ въ этомъ городѣ очень много еще со временъ рабства; они въ большомъ количествѣ служатъ за столомъ, какъ половые въ нашихъ трактирахъ. Куда ни посмотришь, вездѣ въ отелѣ снуютъ чумазыя рожи, лоснящіяся, какъ хорошо вычищенный сапогъ, и такія же руки подаютъ намъ хлѣбъ и другія кушанья, такъ что съ непривычки кажется даже, что онѣ не могутъ быть чисты. При этомъ, однако, черные служители отличаются большимъ добродушіемъ, обратно съ бѣлой прислугой, которая здѣсь въ Америкѣ очень задираетъ носъ, получая минимумъ 30 рублей въ мѣсяцъ".

Прибывши въ Чикаго, мы одинаково были поражены какъ неблагоустройствомъ и грязью этого обширнаго города, выстроеннаго кое-какъ, съ чрезвычайной быстротой и заключающаго гораздо болѣе жалкихъ маленькихъ лачугъ, нежели дворцовъ, такъ въ то же время превосходной красотой и богатствомъ Всемірной Выставки, въ немъ устроенной. „Чикаго—городъ весьма странный,—пишетъ моя жена матери отъ 7-го іюня—съ одной стороны, улицы въ родѣ г. Ржева въ худшихъ его частяхъ, съ другой—дома такой вышины, что шляпа валится съ головы, когда хочешь пересчитать всѣ этажи: грязь неимовѣрная, и въ этой грязи кишитъ народъ"...

Нѣтъ сомнѣнія, американцы перещеголяли всѣхъ своихъ предшественниковъ по выставкамъ, включая предпослѣднюю Парижскую. Прежде всего, они первые отбросили казенную форму выставокъ, напоминающихъ нѣчто въ родѣ огромныхъ оранжерей. Американцы дали міру, въ этой выставкѣ, по истинѣ *волшебный бѣлый городъ*—White City—который уносилъ воображеніе въ отдаленныя времена древней Эллады, при видѣ длиннаго ряда ярко залитыхъ жгучимъ солнцемъ бѣлыхъ стройныхъ колоннъ и портиковъ, сквозь которые виднѣлось безбрежное озеро Мичиганъ, вполнѣ дающее иллюзію моря. Вторая разница въ пользу Чикагской Выставки состояла въ томъ, что она была гораздо обширнѣе напр. Парижской, занимая не менѣе чѣмъ въ четыре раза большую площадь, хотя расположеніе въ видѣ усѣченнаго трехугольника съ широкимъ основаніемъ, облегчающее переходъ изъ одной части въ другую, скрадывало для неопытнаго наблюдателя чрезвычайные ея размѣры.

заключается въ отелѣ, о которомъ справлялся, что этотъ отель (къ сожалѣнію названіе его я забылъ) есть обычное мѣстопребываніе всѣхъ городскихъ политиковъ—politicians—и мѣсто ихъ митинговъ, и что Райтъ не посѣтилъ меня, дабы себя не скомпрометтировать, какъ извѣстное лицо, знакомствомъ съ politicians. Какъ истинный типичный американецъ, онъ, конечно, не могъ знать, что такой американскій взглядъ или обычай мнѣ совсѣмъ не извѣстенъ!

Въ смыслѣ богатства Чикагская Выставка не имѣла себѣ раньше ничего подобнаго, и хотя она не представляла крупнаго техническаго значенія, какъ многія предшествовавшія Выставки, но это не умаляло ни на іоту ея по истинѣ громаднаго образовательнаго и воспитательнаго значенія. Чикагская Выставка являлась временнымъ, но богатѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ музеемъ, въ которомъ были представлены всѣ науки, всѣ знанія такъ же, какъ и всѣ націи міра, и который могъ оказаться подъ силу лишь такому способному и богатому народу, не только своимъ настоящимъ, но и будущимъ, какъ сѣверо-американцы.

Изъ недостатковъ Чикагской Выставки можно указать лишь два: во-первыхъ, чрезвычайную безсистемность и безтолковость каталогизаціи и разстановки предметовъ, что затрудняло самое изученіе Выставки, и во-вторыхъ, отсутствіе свѣдѣній о цѣнахъ выставленныхъ предметовъ, что точно также, въ свою очередь, умаляло экономическое значеніе этой „Всемірной Ярмарки“ (World's Fair), какъ американцы, не совсѣмъ правильно, назвали свою первую крупнѣйшую международную Выставку [1]).

Точно такое же сильное впечатлѣніе произвела Выставка и на мою жену. „Выставка,—пишетъ она отъ 14-го іюня матери—очень хороша и красива, такъ же, какъ безобразенъ самый г. Чикаго, который своею грязью превосходитъ нашу Москву и даже, пожалуй, губернскіе города.—Выставка такъ богата, что я даже боюсь, что не успѣю осмотрѣть хорошенько одинъ отдѣлъ образованія, тѣмъ болѣе, что въ жару очень устаешь отъ осмотровъ. Русскій отдѣлъ очень хорошъ и привлекаетъ всеобщее вниманіе; его торжественное открытіе совершалось съ архіерейскимъ служеніемъ (епископъ Николай, нынѣ въ Госуд. Совѣтѣ), и оказалось въ общемъ очень много русскихъ, все больше пріѣхавшихъ на казенный счетъ. Центральнымъ сходбищемъ нашихъ соотечественниковъ является маленькая комнатка,—русская контора,—гдѣ русскій матросъ съ „Дмитрія Донского“ ставитъ самоваръ и угощаетъ чаемъ всякаго русскаго пришельца. Мой мужъ говоритъ, что этому чаю и русскому матросу больше всего обязанъ, что въ состояніи выдержать каждодневный осмотръ Выставки въ такую адскую жару, которая стоитъ здѣсь“...

Обратно съ Вашингтономъ, гдѣ мы жили въ чисто американскомъ отелѣ, да еще являвшимся политическимъ центромъ, какъ мы видѣли, въ Чикаго мы устроились также, какъ въ Нью-Іоркѣ, въ частномъ домѣ, на этотъ разъ въ семьѣ поляковъ (отчасти

---

[1]) См. мои „Часы досуга“. 1896 г.

евреевъ), которые еще не вполнѣ даже свыклись съ американской жизнью, часто вздыхали по Варшавѣ и все время кормили насъ вкусными польскими кушаньями, при чемъ хозяйка не разъ высказывала удивленіе и негодованіе на американскихъ хозяекъ, которыя до минимума доводятъ трудъ и заботы по кухнѣ и, цѣлый день прогуливаясь по лавкамъ, какъ она утверждала, только за часъ до возвращенія мужей со службы (обыкновенно въ 6 ч. вечера) принимаются жарить къ обѣду какой-нибудь бифштексъ, не заботясь о приготовленіи супа, который, по ихъ понятіямъ, отнялъ бы у нихъ слишкомъ много времени... „Мы же, напротивъ,— какъ сообщала моя жена въ письмѣ своей матери—возвращаясь съ Выставки и освѣжившись первымъ дѣломъ ванной, которая, по американскимъ обычаямъ, имѣется въ каждой квартирѣ, получали у нашей польской хозяйки полный обѣдъ съ борщомъ, которымъ и удовлетворяли накопившійся за день аппетитъ".

Послѣ шести недѣль пребыванія въ Чикаго и усерднаго каждодневнаго посѣщенія выставки, собравши весь матерьялъ, какой только было возможно, для выполненія нѣкоторыхъ задачъ или темъ, предложенныхъ мнѣ Министерствомъ Финансовъ, мы и физически, и морально были въ высшей степени утомлены. Въ это время, какъ разъ, со мной произошло крайне курьезное событіе въ чисто-американскомъ вкусѣ, которое заслуживаетъ передачи. Въ „Chicago Times" и другихъ крупныхъ чикагскихъ газетахъ появилось перечисленіе всевозможныхъ конгрессовъ, назначенныхъ на августъ мѣсяцъ, и тѣхъ докладовъ, которые на нихъ будутъ дѣлаться. Въ числѣ ихъ упоминалось мое имя съ утвержденіемъ, что такого-то и такого числа делегатъ русскаго Министерства Финансовъ сдѣлаетъ докладъ о состояніи русскаго государственнаго кредита въ одинъ день, въ другой же день, въ такой-то часъ онъ же, Янжулъ, сдѣлаетъ докладъ по другому финансовому вопросу, касающемуся Россіи (тему я забылъ)...

Я немедленно полетѣлъ къ нашему генеральному коммиссару и заявилъ объ этомъ явно ложномъ и при томъ оффиціальномъ отъ Выставки оповѣщеніи. Г. генеральный коммиссаръ отвѣтилъ мнѣ, категорически, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ оповѣщеніи и никакого отношенія къ докладамъ или конгрессамъ не имѣетъ, что мнѣ надо обратиться по этому вопросу въ главное американское Бюро Выставки и тамъ искать объясненій, и что онъ, разумѣется, поддержитъ мой допросъ, если тамъ не захотятъ со мной говорить. Я немедленно полетѣлъ въ главное американское Бюро Выставки и тамъ, обратно съ ожиданіями, безъ всякихъ отлыниваній и отговорокъ сейчасъ же получилъ объясненіе. Главный

секретарь Главнаго Бюро, какъ онъ назвался, на заявленіе мое отвѣтилъ, къ удивленію, утвердительно: „Да мы, дѣйствительно, сдѣлали рядъ такихъ газетныхъ объявленій о всевозможныхъ странахъ и делегатахъ, въ видѣ какъ бы вызова или предложенія съ нашей стороны, что намъ интересно было бы послушать, но Вы къ этому вѣдь отнюдь не приневоливаетесь, да и многихъ конгрессовъ совсѣмъ не будетъ, а реклама свое дѣло сдѣлаетъ и привлечетъ многихъ посѣтителей къ Чикаго и нашей Выставкѣ"!..

Послѣ такого безстыднаго объясненія и такого широкаго американскаго толкованія своихъ правъ и обязанностей администраціи, мнѣ не оставалось ничего иного дѣлать, какъ, по выраженію восточныхъ народовъ, „палецъ удивленія положить на ротъ изумленія"! и отправиться домой, что я и сдѣлалъ...

По окончаніи изученія Чикагской выставки, я возвратился въ Нью-Іоркъ къ своему Бѣлякову, черезъ нѣсколько дней взялъ билетъ на этотъ разъ на французскомъ пароходѣ „La Touraine" и черезъ Гавръ вернулся въ Европу, а оттуда, послѣ основательнаго курса леченія холодной водой въ горахъ Швейцаріи, пріѣхалъ на родину, гдѣ слѣдующее за тѣмъ лѣто (1894 г.), въ тиши Саратовской деревни, написалъ свою книгу о синдикатахъ, о которой будетъ рѣчь въ ближайшей главѣ „Воспоминаній".

Кромѣ вышеуказанныхъ уже отчетовъ, книги о синдикатахъ и статей моихъ, которыя породила моя американская командировка, слѣдуетъ впрочемъ упомянуть еще рядъ статей моихъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" о Выставкѣ, большую статью объ американской прессѣ въ „Вѣстникѣ Европы" и двѣ статьи моей жены: „Американскія женщины" и „Поклоненіе деревьямъ", изъ коихъ послѣдняя дала толчокъ у насъ къ подобному же движенію, т. н. „Праздникамъ Древонасажденія", которые впрочемъ, какъ все въ Россіи, скоро вышло изъ моды [1]).

---

[1]) См. также наши общіе съ женой „Американскіе очерки и картинки" въ нашей книгѣ „Часы досуга" Москва 1896.

ГЛАВА XI.

Новый плодъ экономической эволюціи: *„синдикаты“ или „картели“.* — Происхожденіе ихъ, какъ ближайшій результатъ концентраціи капиталовъ и труда.—Общіе выводы изъ моего изслѣдованія о синдикатахъ, сдѣланнаго въ Америкѣ. — Новое порученіе Министерства Финансовъ: изслѣдованіе *Торговыхъ Музеевъ, Экспортныхъ Союзовъ и Товарныхъ Складовъ* въ Европѣ.— Трудность принятой мною на себя задачи и отсутствіе всякой литературы предмета. — Главнѣйшіе типы торговыхъ музеевъ: Брюссель, Вѣна, Будапештъ. —Экспортные союзы въ Германіи и Австріи. — Образцовая организація вывозной торговли въ Гамбургѣ.—Борьба съ затрудненіями разнаго рода. — Странная судьба торговыхъ музеевъ во Франціи. — Отрицательное отношеніе въ Англіи. — Конечный выводъ моего изслѣдованія о торговыхъ музеяхъ.

Путешествіе въ Америку, предпринятое въ 1893 г. по порученію Министерства Финансовъ, описанное въ предыдущей X главѣ моихъ „Воспоминаній“, помимо собранныхъ тамъ различныхъ свѣдѣній, произвело на меня глубокое впечатлѣніе во многихъ отношеніяхъ и даже существенно измѣнило нѣкоторые мои экономическіе воззрѣнія и взгляды. Такъ, хотя я, обратно многимъ европейскимъ экономистамъ (напр. когда-то изучаемому мною Максу Вирту и лекціямъ Бёмерта въ Цюрихѣ) не вѣрилъ уже въ гармонію существующихъ интересовъ и всеисцѣляющую силу конкурренціи, но тѣмъ не менѣе я, согласно съ Адамомъ Смитомъ и всей классической школой, считалъ соперничество въ промышленности и торговлѣ, какъ главный и свободный регуляторъ возможныхъ золъ и крайностей индивидуальной дѣятельности. О страшной вновь возникшей силѣ объединенія капиталистическихъ предпріятій въ новѣйшее время, подъ именемъ синдикатовъ, я имѣлъ до своей поѣздки въ Америку лишь весьма туманное и неопредѣленное представленіе. Лишь тамъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, я увидалъ и оцѣнилъ изъ разговоровъ съ множествомъ лицъ и чтенія многихъ анкетъ и законодательныхъ попытокъ все значеніе

синдикатовъ — этой новой формы ликвидаціи старыхъ экономическихъ понятій о свободной конкурренціи.

Въ виду той чрезвычайной важности, которую я придаю съ теченіемъ времени этому моему изслѣдованію о революціонныхъ (sui generis) капиталистическихъ союзахъ, я считаю нужнымъ, хотя въ самыхъ краткихъ и сжатыхъ размѣрахъ, познакомить читателей моихъ „Воспоминаній“ съ этой существенной работой, явившейся важнѣйшимъ результатомъ моей поѣздки въ Америку.

„Синдикаты“ или по-нѣмецки „картели“, у американцевъ „тресты“, составляютъ видъ предпринимательскихъ или капиталистическихъ союзовъ новѣйшаго времени. Быстрѣе всего и раньше они развились именно въ Соединенныхъ Штатахъ, почему я самолично выбралъ ихъ предметомъ главнѣйшаго изслѣдованія въ моей американской командировкѣ и нашелъ полное сочувствіе со стороны пославшаго меня въ Америку Министерства. Теперь спрашивается, почему синдикаты появились на свѣтъ, и почему они растутъ повсюду какъ грибы, несмотря на всѣ внѣшнія противодѣйствія, которыя часто встрѣчаются въ правительственныхъ и частныхъ мѣрахъ?—Какъ извѣстно, въ старину все промышленное производство покоилось исключительно на ремесленныхъ формахъ, при чемъ капиталъ игралъ ничтожную роль и главную — трудъ; орудія производства были крайне несложны и стоили дешево, и сбытъ приготовленныхъ товаровъ былъ предназначенъ для немногихъ извѣстныхъ потребителей. Вся экономическая картина существенно измѣнилась въ настоящее время: въ промышленности господствуетъ крупное производство — фабрики и заводы, гдѣ значительно преобладаетъ относительное значеніе капитала; огромныя зданія для работы, сложныя дорогія машины замѣняютъ прежнюю простоту всего дѣла, и доля работника въ общемъ производствѣ сравнительно умаляется, а значеніе основного или неподвижнаго капитала растетъ и увеличивается. Отсюда, отъ этой важной перемѣны произошло и измѣненіе единственнаго регулятора производства и торговли—конкурренціи. Прежде, въ былое старое время, соперничество промышленниковъ и торговцевъ устанавливало весь ходъ экономическаго процесса; нынѣ же, при огромныхъ затратахъ на неподвижный или основной капиталъ, значеніе соперничества дошло до минимума и во многихъ случаяхъ совсѣмъ исчезаетъ. Вообще можно считать за правило, что тамъ, гдѣ вложенъ большой основной капиталъ и имѣютъ мѣсто опредѣленные твердые платежи (напр. по займамъ, заключеннымъ для основанія большого предпріятія), конкурренція легко спускаетъ цѣны ниже стоимости производства или дѣла; и въ концѣ концовъ промышленнымъ предпріятіямъ угрожаетъ банкротство, а

странѣ промышленный или торговый кризисъ. Единственнымъ выходомъ для спасенія конкуррирующимъ сторонамъ является лишь остановка экономической борьбы путемъ соглашеній, а результатомъ послѣднихъ — возникновеніе новыхъ промысловыхъ синдикатовъ и предпринимательскихъ союзовъ съ цѣлью тѣмъ или инымъ способомъ задержать паденіе цѣнъ и вообще найти выходъ изъ крайне неудовлетворительнаго нынѣ экономическаго положенія. Отсюда, слѣдовательно, свободная конкурренція не только теряетъ нынѣ свое значеніе, но родитъ монополію или точнѣе *монополизацію производства*, ибо сокращаетъ число соперниковъ.

Вотъ въ чемъ лежитъ и заключается главная суть и основаніе современнаго *синдикатнаго движенія.* Такъ какъ съ ходомъ времени безпомощность конкурренціи увеличивается, то наоборотъ возрастаетъ все больше и больше значеніе *соединенія силъ или союза.* Предпріятія нерѣдко даютъ лишь убытокъ, ибо прибыль спускается ниже стоимости производства, и конкурренція не только не спасаетъ слабой стороны, но напротивъ слабаго давитъ, а сильнаго поднимаетъ. Прямой выводъ отсюда, что спасеніе для производства заключается единственно въ *концентраціи* капиталовъ и промысловъ, т. е. другими словами въ ходѣ развитія промышленности крупныя предпріятія должны становиться еще крупнѣе, соединяться съ другими, развиваясь быстро до гигантскихъ размѣровъ. Изъ всякой борьбы побѣдителемъ, конечно, выходитъ тотъ, кто сильнѣе, а въ торгово-промышленной конкурренціи, разумѣется, побѣда должна остаться за представителями крупнаго капитала, выразителемъ которыхъ и являются синдикаты.

Разнообразныя выгоды крупнаго предпріятія легко объясняютъ значеніе и причины выше указаннаго явленія. Эти огромныя преимущества крупныхъ производствъ передъ мелкими заключаются одинаково, какъ въ уменьшеніи расходовъ (на покупкѣ и сортировкѣ сырья и экономіи управленія, напр.), такъ и въ увеличеніи доходовъ (улучшеніе механизмовъ и пріемовъ производства), въ возможности добавочныхъ промысловъ и доходовъ и утилизаціи отбросовъ.

Само собой разумѣется, что описанное соединеніе силъ или концентрація производства должна непремѣнно повести за собой новыя разнообразныя послѣдствія и изъ нихъ на первомъ мѣстѣ, несмотря на общій ростъ промышленности—*уменьшеніе* относительнаго числа промышленниковъ и затѣмъ обезличеніе ихъ, т. е. превращеніе въ акціонерныя компаніи и товарищества или новое сліяніе обществъ въ общества, которое и извѣстно подъ общимъ названіемъ синдикатовъ, картелей и трестовъ. Промысловый союзъ

или синдикатъ есть союзъ промышленниковъ, заключенный главнымъ образомъ съ цѣлью предупрежденія паденія цѣнъ на товары ниже стоимости производства. Настоящій вѣкъ можетъ считаться преимущественно временемъ возникновенія и распространенія этой странной формы созданія экономическихъ союзовъ. Промысловые синдикаты разсѣяны повсюду, и чѣмъ болѣе производство и торговля страны отличаются высокой формой развитія, тѣмъ большее распространеніе имѣютъ синдикаты. Быстрый ростъ и размноженіе такихъ капиталистическихъ союзовъ какъ синдикаты не можетъ, конечно, не вызывать страха и опасенія; люди, помня старыя монополіи и откупа съ ихъ злоупотребленіями, невольно ожидаютъ ихъ повторенія отъ синдикатовъ. Особенно много нареканій и жалобъ вызываютъ такъ называемые *торговые* синдикаты, имѣющіе по существу и своимъ цѣлямъ большое различіе отъ промысловыхъ; они прежде всего отличаются спекулятивнымъ характеромъ, имѣя назначеніе регулировать не производство, а лишь одну *торговлю*, т. е. соблюдаются интересы только посредниковъ. Кромѣ цѣли, и по своимъ свойствамъ торговые синдикаты значительно отличаются отъ промысловыхъ краткосрочностью своего существованія. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, самое большое, лѣтъ скупки и борьбы за монополію какого-нибудь товара, существованіе такого союза обыкновенно оканчивается.

Изложивши обстоятельно въ девяти главахъ (причисляя сюда Введеніе и за исключеніемъ Приложенія) все происхожденіе, теорію и исторію синдикатовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ различныхъ видовъ въ нѣкоторыхъ странахъ современной Европы, я прихожу, въ заключеніи, къ изложенію слѣдующаго отношенія государственной власти къ синдикатамъ. Во-первыхъ, я выясняю, что̀ государство *должно* дѣлать по отношенію къ синдикатамъ и, во-вторыхъ, что̀ *можетъ* дѣлать для правильной постановки даннаго вопроса? Первое должно выразиться въ томъ, чтобы государство разобралось въ ихъ видахъ и формахъ: устройство, цѣль, способы и пріемы различныхъ синдикатовъ весьма отличаются другъ отъ друга и, нѣтъ сомнѣнія, заслуживаютъ разнаго къ себѣ отношенія. Первый, главнѣйшій видъ синдикатовъ, согласно моему изслѣдованію, это—промысловые синдикаты, т. е. направленные въ области промышленности къ предупрежденію паденія цѣнъ ниже стоимости; вторые синдикаты—торговые, т. е. соглашенія торговцевъ или посредниковъ, которые собственно новыхъ цѣнностей не создаютъ, а перемѣщаютъ ихъ изъ рукъ въ руки. Наконецъ къ третьему виду синдикатовъ можно отнести чисто краткотечные виды крупныхъ соглашеній—порожденіе биржевыхъ спекуляцій, которыя

питаются преимущественно на торговыхъ биржахъ продажей *на будущее или на срокъ* (rings, corners, Schwänze). Публика, къ сожалѣнію, очень часто ихъ смѣшиваетъ со всѣми прочими предпринимательскими союзами.

Въ результатѣ своего изслѣдованія я предлагаю, согласно числу категорій синдикатовъ, троякое къ нимъ и отношеніе. Союзы перваго рода, промысловые, должны быть признаны государствомъ какъ полезная и даже желательная форма ассоціаціи, такъ или иначе предназначенная для предупрежденія въ странѣ крупнаго народнаго бѣдствія, называемаго промышленнымъ кризисомъ. Синдикаты второго рода, торговые, могутъ быть терпимы и допускаемы подъ строгимъ контролемъ государства въ случаѣ, если главныя ихъ цѣли дозволяются закономъ, напримѣръ, благотворительныя, для взаимнаго общенія и проч. и не обнаруживаютъ вредныхъ для общества злоупотребленій. Наконецъ, третій видъ, временные торгово-спекулятивные синдикаты, являющіеся уже чистымъ зломъ, подлежатъ преслѣдованію уголовными карами, вмѣстѣ съ необходимостью измѣненія и передѣлки всѣхъ тѣхъ биржевыхъ правилъ и условій, которыя ведутъ къ столь вреднымъ общественнымъ явленіямъ.

Государство не имѣетъ ни возможности, ни надобности вызывать искусственно на свѣтъ возникновеніе промысловыхъ синдикатовъ; точно также нѣтъ нужды государству требовать непремѣнно заявленія о его составленіи и разрѣшеніи. Какъ дѣло сложное и новое—весьма трудно его регулировать, и часто, по наличнымъ условіямъ, достаточно будетъ, если государство признаетъ дозволительнымъ составленіе всякихъ союзовъ промышленниковъ лишь не противныхъ закону.

Разрѣшеніе или признаніе закономъ синдиката и утвержденіе договора, имъ составленнаго, влечетъ за собой 5 слѣдующихъ послѣдствій:

1-ое Обязательность условій договора для членовъ синдиката.

2-ое Охрана матеріальныхъ интересовъ синдикатовъ и признаніе его юридическимъ лицомъ.

3-ье Ежегодная отчетность промышленныхъ и торговыхъ операцій всѣхъ предпріятій, въ него входящихъ, съ правомъ государства на *фактическій* контроль и регулированіе цѣнъ.

4-ое Гласность въ дѣятельности синдикатовъ, т. е. обязательность, обратно съ примѣромъ нѣкоторыхъ американскихъ трестовъ, веденія подробныхъ протоколовъ всѣхъ засѣданій, какъ общаго собранія членовъ, такъ и правленія синдиката, и публикація выдержекъ изъ нихъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ.

5-ое Полное обезпеченіе участи рабочихъ на фабрикахъ синдиката.

Разумѣется, давая право новому явленію экономической жизни, государство въ свою очередь можетъ возложить на синдикаты новыя и немалыя обязанности: прежде всего ежегодную отчетность гораздо обширнѣе той, которая нынѣ обязательна для акціонерныхъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ данныя о продажныхъ цѣнахъ и о заработной платѣ, уплаченной въ дѣйствительности по книгамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство получаетъ и право контроля продажныхъ цѣнъ синдиката и слѣдитъ, дабы онѣ не перешли за назначенный заранѣе того максимальный предѣлъ.

Въ заключеніе государство требуетъ гласности въ дѣятельности синдиката, по крайней мѣрѣ въ формѣ сообщенія всѣхъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ о коммерческой сторонѣ дѣла. Конечно, такъ какъ синдикаты доставляютъ капиталистамъ лучшіе барыши, то государство возлагаетъ на нихъ и больше обезпеченности въ той или иной формѣ участи рабочихъ, а ежели сочтетъ нужнымъ, то вводитъ *специальныя обложенія* синдикатовъ съ цѣлью полученныя такимъ образомъ средства употребить на пользу тѣхъ же самыхъ рабочихъ.

Такова, въ немногихъ строкахъ, сущность содержанія и главнѣйшихъ выводовъ моего американскаго изслѣдованія о синдикатахъ. Изслѣдованіе это явилось первой русской книгой по данному вопросу, подвергшею его оцѣнкѣ съ разныхъ сторонъ. Не мнѣ, конечно, судить, повліяли ли мнѣнія, высказанныя въ изслѣдованіи, на воззрѣнія въ нашихъ правящихъ сферахъ, но несомнѣнно господствующія воззрѣнія на синдикаты съ того времени (1895 г.) подверглись коренному измѣненію, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Въ настоящее же время мало по малу завоевываютъ себѣ право на признаніе основныя положенія моего изслѣдованія. Никто теперь, изъ болѣе или менѣе серьезныхъ ученыхъ, не стоитъ болѣе за простое уничтоженіе синдикатовъ, какъ вредной экономической формы; всѣ уже поняли, что это невозможно. Расходятся мнѣнія лишь на томъ, какъ узаконить, легализировать синдикаты, какія дать имъ права и обязательства. Все это, конечно, вопросы спорные и должны въ разное время устанавливаться различно, смотря по степени экономическаго развитія страны и всѣмъ ея условіямъ. Только въ нынѣшнемъ году (1910), кажется, правительство наше намѣрено впервые серьезно заняться составленіемъ законопроекта о синдикатахъ и внесеніемъ его въ Думу и Государственный Совѣтъ для законодательнаго разрѣшенія.

Очень возможно, что твердая постановка вопроса о синдикатахъ въ Россіи еще затянется на многіе годы, тѣмъ болѣе, что и въ Европѣ онъ далеко еще не разрѣшенъ. Во всякомъ случаѣ даже

временный пробный законъ несравненно лучше отсутствія всякаго закона, какъ нынѣ, что̀ ведетъ къ многочисленнымъ и различнымъ злоупотребленіямъ.

Перейдемъ, затѣмъ, къ другой моей работѣ опять-таки по порученію Министерства Финансовъ, тѣсно связанной по внутреннему содержанію, какъ и по времени, съ первой—о синдикатахъ.

Весной 1895 года, направляясь черезъ Петербургъ за границу для леченія отъ серьезной болѣзни, меня постигшей (болѣзнь сердца и ишіасъ), я получилъ отъ В. И. Ковалевскаго черезъ короткое время послѣ представленія работы о синдикатахъ, которою Министерство было очень довольно, новое порученіе: заняться во время пребыванія моего въ Западной Европѣ изслѣдованіемъ и изученіемъ торговыхъ музеевъ, складовъ товарныхъ образцовъ и вообще различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, предназначенныхъ содѣйствовать или поощрять заграничный сбытъ или отпускъ національныхъ продуктовъ. При этомъ мнѣ было любезно предоставлено заниматься вопросомъ, въ виду моей болѣзни, лишь въ предѣлахъ, которые я найду для себя удобными, и не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ изслѣдованія.

Послѣ двухмѣсячнаго отдыха и леченья въ Маріенбадѣ, въ то же лѣто я принялся за посѣщеніе и собираніе свѣдѣній о торговыхъ музеяхъ, начиная первоначально съ Австріи, въ которой находился. Совершенно неожиданно для меня работа оказалась гораздо труднѣе, чѣмъ предполагалось сначала. *Литературы вопроса, можно сказать, почти не существовало.* Если по только что законченной мною работѣ о синдикатахъ сколько-нибудь серьезныхъ предшественниковъ въ видѣ изслѣдователей этого вопроса я почти не имѣлъ ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ и они начали появляться лишь въ послѣдующее за тѣмъ время, то это тѣмъ болѣе относилось къ торговымъ музеямъ и экспортнымъ союзамъ и вообще, какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ способамъ развитія сбыта товаровъ и экспорта.

Вся литература этого вопроса, если не считать труды, косвенно касавшіеся предмета, состояла лишь въ устарѣвшей уже книгѣ Губера [1]), немногихъ оффиціальныхъ отчетахъ, брошюрахъ, бѣглыхъ описаніяхъ въ консульскихъ донесеніяхъ, особенно американскихъ, и нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ, преимущественно мелкихъ. Такимъ образомъ мнѣ предстояло, при скудости печатныхъ источниковъ, объѣхать главнѣйшіе пункты Европы, знакомясь съ важ-

---

[1]) *F. C. Huber*: Die Ausstellungen und unsere Export-Industrie". Stuttgart 1886.

нѣйшими учрежденіями этого рода, посѣтить и ознакомиться съ ними *лично* и путемъ разспроса и бесѣды со свѣдущими людьми, собрать недостающій матеріалъ по данному вопросу и затѣмъ уже привести его въ порядокъ и разработать. Однимъ словомъ, необходимо было, за отсутствіемъ литературы о музеяхъ и союзахъ, создать ее и уже потомъ дѣлать свои выводы. Эта важнѣйшая часть труда поглотила у меня два лѣта 1895 и 1896 г. и слѣдующую зиму, такъ что книга моя появилась лишь въ началѣ 1897 года и была посвящена незабвенной для меня памяти человѣка, которому я много обязанъ,— Н. Х. Бунге.

Но сказаннымъ не ограничивается еще трудность возложеннаго на меня изслѣдованія: мнѣ пришлось еще столкнуться съ такимъ затрудненіемъ, котораго я не могъ раньше должнымъ образомъ взвѣсить и оцѣнить. Оказалось, что за немногими исключеніями торговые музеи и особенно помѣщенные при купеческихъ союзахъ и проч. *вовсе не публичны* и не открыты для всякаго желающаго, а тѣмъ болѣе иностранца. Въ каждомъ посѣтителѣ подобной выставки или склада всегда подозрѣвается торговый или промышленный конкуррентъ или просто соглядатай, который желаетъ высмотрѣть какой-либо профессіональный или техническій секретъ, или вывѣдать, напримѣръ, цѣны... Поэтому всѣмъ лицамъ, завѣдующимъ въ Европѣ подобными учрежденіями, вмѣняется часто въ прямую обязанность не допускать въ склады иныхъ лицъ, кромѣ настоящихъ покупателей и то съ разборомъ, т. е. хорошо зарекомендованныхъ. Но, вѣдь, мнѣ, разумѣется, недостаточно было видѣть складъ, а необходимо было получить о немъ возможно большее количество свѣдѣній, что связано было, конечно, съ еще большими препятствіями. Если мнѣ удалось во многихъ случаяхъ преодолѣть эту огромную трудность и вызвать довѣріе при разспросахъ и бесѣдахъ, то я этимъ обязанъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, своему званію университетскаго профессора и тому уваженію, которымъ на Западѣ и особенно въ Германіи это званіе пользуется, и затѣмъ любезности и дружелюбію моихъ добрыхъ знакомыхъ между чешскими и нѣмецкими учеными, меня щедро снабжавшими письмами и просьбами къ лицамъ, завѣдующимъ учрежденіями или имѣющимъ къ нимъ касательство. Безъ этихъ двухъ условій мнѣ бы не удалось получить свѣдѣнія отъ многихъ музеевъ или учрежденій, наиболѣе интересныхъ, напримѣръ имѣющихъ основаніе что-нибудь скрывать отъ публики. Укажу для примѣра на Штутгартскій музей образцовъ (Export-Musterlager), посѣщенный мною два раза—въ 1887 и въ 1895 г. Д-ръ Циллингъ, директоръ музея, допустилъ меня въ первый разъ съ большой неохотой и подозрительностью и то лишь потому,

что на моей нѣмецкой карточкѣ стояло кромѣ университетскаго профессора, еще московскій фабричный инспекторъ. Второй разъ я уже запасся хорошей рекомендаціей отъ банкира Ильриха въ г. Ульмѣ, и кромѣ того старый д-ръ Циллингъ отсутствовалъ временно и его замѣнялъ его молодой сынъ, оказавшійся болѣе довѣрчивымъ. Въ одномъ даже случаѣ, кажется во Франкфуртѣ, мнѣ пришлось назваться промышленникомъ, чтобы получить доступъ въ складъ. Ссылки на нашихъ дипломатическихъ представителей или мое правительственное порученіе прямо могли часто повредить дѣлу. Такъ, въ Лондонѣ я потерпѣлъ неудачу и совершенно былъ недопущенъ въ контору знаменитой „Bradstreet Company", когда сослался на рекомендацію, полученную въ нашемъ посольствѣ. Всего мною было посѣщено по порученію Министерства Финансовъ и осмотрѣно въ разныхъ концахъ Европы 12 музеевъ, экспортныхъ союзовъ или складовъ образцовъ *общественнаго* характера, 10 *частныхъ* складовъ товарныхъ образцовъ для вывоза (въ Гамбургѣ) и 2 справочныя конторы по кредитоспособности въ виду ихъ подсобнаго значенія для дѣла экспорта и вообще торговли и, по той же причинѣ, 1 адресное бюро въ Берлинѣ.

Изслѣдованіе мое торговыхъ музеевъ началось съ Вѣны—города, ближайшаго къ тогдашнему мѣсту моего пребыванія—Маріенбаду, гдѣ я лечился. Въ Вѣнскомъ Торговомъ Музеѣ, съ которымъ я былъ раньше знакомъ по издаваемому имъ журналу его имени „Das Handelsmuseum", не встрѣтилось никакихъ препятствій къ моему ознакомленію. Любезные чиновники музея меня снабдили всѣми отчетами, какіе у нихъ имѣлись о дѣятельности музея, нѣкоторыя же изданія я пріобрѣлъ за деньги; но мало того, одинъ изъ служащихъ музея, крайне опытный и свѣдущій человѣкъ Юліусъ Бёмъ, незадолго передъ тѣмъ посѣтившій Россію для оцѣнки ея значенія, какъ мѣста сбыта австрійскихъ товаровъ, подарилъ мнѣ недавно вышедшую свою брошюру по этому вопросу, крайне интересную, собственно распространяемую конфиденціально (vertraulich) лишь между членами Export-verein'a. Я съ благодарностью воспользовался ею для своего труда о музеяхъ, какъ оцѣнкой со стороны свѣдущаго иностранца важности русскаго рынка и въ то же время косности и неподвижности русскаго купечества.

Въ Вѣнѣ мы пробыли довольно долго, что-то около двухъ недѣль, при чемъ получили важное извѣстіе изъ Петербурга, которое чуть не измѣнило всѣ наши дальнѣйшіе планы и путешествіе по Европѣ. Когда мнѣ было предложено изслѣдованіе объ экспортѣ и торговыхъ музеяхъ, то обѣщали, по совѣщанію со мной, извѣстную сумму. Въ виду именно, какъ я предполагалъ и какъ случилось,

необходимости затратить по крайней мѣрѣ два лѣта на поѣздки по главнѣйшимъ городамъ Европы, гдѣ находятся музеи или торговые центры, я опредѣлилъ на расходы 3.000 рублей, и Министерство вполнѣ и охотно на то согласилось. Какъ обстоятельства потомъ показали, я назначилъ скорѣе мало, чѣмъ много, и два лѣта разъѣздовъ поглотили у меня всю эту сумму съ избыткомъ.

Къ моему великому удивленію я получилъ въ Вѣнѣ пересланное мнѣ изъ Маріенбада письмо изъ Департамента Торговли и Мануфактуръ, не помню кѣмъ именно подписанное, увѣдомляющее меня, что Департаментъ, соображая свои расходы, не имѣетъ возможности платить мнѣ первоначально обѣщанную сумму 3.000 рублей и покорнѣйше проситъ меня удовольствоваться двумя тысячами, причемъ Департаментъ указывалъ, что *я могу соотвѣтственно сократить и размѣры моего труда на изслѣдованіе!*

Сильно разсерженный такимъ торговымъ отношеніемъ къ моимъ ученымъ трудамъ, я, не колеблясь, отвѣтилъ, что такъ какъ цифра вознагражденія опредѣлена мною по разсчету расходовъ, необходимыхъ въ теченіе двухъ лѣтъ на разъѣзды по цѣлой Европѣ, съ неопредѣленнымъ при томъ пребываніемъ въ разныхъ пунктахъ, я считаю для себя невозможнымъ, безъ всякаго основанія, отказаться отъ своего разсчета, и не имѣя привычки исполнять какую-либо работу иначе, какъ во всей ея цѣлости, а не *на половину* или *двѣ трети*, я долженъ при новыхъ условіяхъ отказаться отъ предложенной мнѣ командировки, несмотря на то, что уже началъ работы по ней...

Не знаю, конечно, по чьей иниціативѣ возникъ этотъ инцидентъ, но во всякомъ случаѣ убѣжденъ, что онъ произошелъ безъ вѣдома Министра, иначе онъ остановилъ бы эту курьезную торговлю по предложенію, сдѣланному мнѣ по его собственной иниціативѣ, безъ всякой съ моей стороны просьбы или даже намека. Между тѣмъ я еще изъ Маріенбада списался по поводу моего излѣдованія съ извѣстнымъ географомъ и знатокомъ вывозной торговли д-ръ Яннашъ (издателемъ экспортнаго журнала), получилъ отъ него нѣкоторые совѣты и пріобрѣлъ чрезвычайно интересную и важную брошюру объ основаніи спеціальнаго Экспортъ-банка со статутами его (als Manuscript gedruckt, streng vertraulich). Въ то же время я встрѣтилъ въ Вѣнѣ извѣстнаго чешскаго дѣятеля д-ра Крамаржа, который сообщилъ мнѣ о только что основанномъ у нихъ въ Прагѣ „Торговомъ Музеѣ“ при тамошнемъ Экспортномъ Обществѣ и совѣтовалъ мнѣ обязательно его посѣтить, предлагая свои рекомендаціи [1]). (Vyvozni spolek pro Cechy, Moravu a Slezske v Praze).

---

[1]) Я съ д-мъ Крамаржемъ былъ знакомъ давно, еще по Россіи: когда-то ко мнѣ на квартиру въ Москвѣ его привезъ Влад. Соловьевъ; кромѣ того

Для меня возникалъ лично вопросъ, какъ поступить послѣ отказа отъ министерской командировки и связанной съ нимъ субсидіи?! Послѣ небольшого размышленія и совѣщанія съ женой, я рѣшился продолжать командировку на свой собственный страхъ и рискъ, какъ можно скромнѣе и не торопясь временемъ, какъ и слѣдовало, въ виду болѣзненнаго состоянія.

Послѣ такого рѣшенія я началъ спокойно продолжать изслѣдованіе въ Вѣнѣ, усердно посѣщая сначала „Handelmuseum", выпытывая всякія свѣдѣнія о подробностяхъ его организаціи; потомъ перешелъ къ изученію тамошняго Экспортнаго Союза (Der Oesterreichische-Ungarische Export-Verein). По словамъ секретаря его Шварца, съ которымъ я немедленно познакомился, этотъ ферейнъ— самый старый въ Европѣ и основанъ Вѣнской Торговой Камерой. Сначала онъ имѣлъ постоянную выставку образцовъ товаровъ, а позднѣе она была уничтожена, ибо признана безполезной въ виду полной возможности для пріѣзжаго покупателя или доставить по первому требованію необходимый ассортиментъ товара, или свести его прямо на фабрику. Ферейнъ сбываетъ товары исключительно своихъ членовъ съ помощью многочисленныхъ агентовъ, постоянныхъ и подвижныхъ во всемъ свѣтѣ.

Сверхъ этихъ двухъ учрежденій я познакомился, также въ Вѣнѣ, съ спеціальнымъ „Клубомъ Промышленниковъ" (Industrieller Klub), дѣятельно занятымъ содѣйствіемъ всякаго рода вывозу австрійскихъ товаровъ, между прочимъ издающимъ различныя полезныя для торговли статистическія изслѣдованія и справочныя книги.

Изъ Вѣны мы отправились скоро въ Венгерскую столицу—Будапештъ, гдѣ ко мнѣ отнеслись крайне подозрительно, сообщая свѣдѣнія неохотно и даже непріязненно, съ явнымъ желаніемъ меня сбить съ толку въ моемъ изслѣдованіи. Между тѣмъ, самъ Венгерскій музей представляетъ крайне интересный типъ и, по обширной своей дѣятельности, весьма поучительный. Во главѣ его Справочнаго Бюро стоялъ нѣкто Шашвари, вѣроятно венгерскій ренегатъ изъ славянъ, говорящій на массѣ языковъ (въ томъ числѣ по-русски весьма изрядно); онъ же состоялъ редакторомъ „Revue de l'orient", газеты на французскомъ языкѣ для иностранцевъ и маджарской торговой газеты для венгерцевъ (Magyar Kerezkedelimi Muzeum) и былъ авторомъ многихъ статистическихъ трудовъ. Газеты эти проникнуты были, насколько я успѣлъ съ ними ознакомиться, большою ненавистью къ нашему отечеству. При осмотрѣ съ нимъ раз-

---

у насъ былъ общій знакомый проф. Мазарикъ, почтеннѣйшій и достойнѣйшій представитель науки у славянъ, какого только я знаю.

ныхъ частей музея, онъ видимо старался мнѣ всегда изъ разныхъ правилъ, объясненій и объявленій, изданныхъ на разныхъ языкахъ, всучить тѣ экземпляры, которые были изданы по-венгерски, какъ бы избѣгая болѣе легкихъ и понятныхъ языковъ. Въ мою тогдашнюю записную книжку по желанію самого Шашвари помѣщено слѣдующее оригинальное замѣчаніе: „Informations—Bureau даетъ охотно справки иностранцамъ, *насколько это не вредитъ интересамъ венгерской торговли*" („Т. е. поворотъ отъ воротъ", прибавлено уже отъ меня замѣчаніе въ той же книжкѣ, „или убирайтесь къ чорту")!..

Изслѣдованіе въ Будапештѣ, такъ же какъ и подъ конецъ въ Вѣнѣ, я производилъ, въ силу изложеннаго выше, какъ совершенно самостоятельную, лично для себя предпринятую работу; но по окончаніи ея, проживая въ Рейхенгаллѣ, куда я уѣхалъ брать ванны, я совершенно неожиданно для себя получилъ чекъ отъ Департамента Торговли въ 3.000 рублей, который, хотя и не сопровождался никакимъ объясненіемъ, но явно свидѣтельствовалъ о томъ, что Департаментъ отказывается отъ желанія уменьшить сумму моего вознагражденія и вполнѣ согласенъ на мои условія, т. е. сумму первоначально назначенной оплаты моего труда. Послѣ этого мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ тотчасъ послѣ окончанія курса леченья въ Рейхенгаллѣ продолжать начатый объѣздъ европейскихъ торговыхъ музеевъ въ задуманномъ ранѣе размѣрѣ, что̀ и производилось мною въ теченіе двухъ лѣтнихъ поѣздокъ моихъ за границу.

Считаю нужнымъ изложить, хотя вкратцѣ, сущность всего моего изслѣдованія вмѣстѣ съ главнѣйшими выводами.

Очень долго въ Европѣ чуть не единственнымъ способомъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, поощренія промышленному сбыту служили покровительственныя пошлины и разныя преміи; затѣмъ, въ началѣ прошлаго года появляются мѣстныя выставки своихъ продуктовъ для поощренія туземной производительности наградами. Въ серединѣ XIX вѣка (въ 1851 г. въ Лондонѣ) была открыта первая *всемірная* выставка для мирнаго промышленнаго состязанія всѣхъ народовъ. Число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается, и всемірныя выставки повторяются въ разныхъ странахъ съ многомилліонными затратами и роскошной обстановкой. Наконецъ вниманіе публики какъ бы утомляется выставками, и онѣ все болѣе и болѣе изъ орудій промышленной политики обращаются въ мѣста и средства всевозможныхъ увеселеній и сенсацій. Самообразовательное значеніе ихъ весьма слабѣетъ, и онѣ становятся средствомъ поощренія выгоды отдѣльныхъ производителей, а не содѣйствія всей промышленности и торговли. Такъ какъ, однако, никто не

отрицаетъ и хорошихъ сторонъ выставокъ, заключающихся въ наглядномъ способѣ ознакомленія съ результатами международной производительности, то явилось желаніе закрѣпить указанную хорошую сторону временныхъ выставокъ, а въ то же время ослабить въ нихъ элементъ случайности. Для этого выставки постепенно изъ временныхъ превращаются въ постоянныя, или находящіяся твердо на одномъ мѣстѣ или даже *передвижныя.*

Начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка особенно умножается въ Европѣ число подобныхъ постоянныхъ выставокъ, въ свою очередь происходящихъ, во многихъ случаяхъ, непосредственно изъ временныхъ. Первоначально такія выставки носятъ характеръ лишь образовательный, какъ Политехническій Музей, напримѣръ, въ Москвѣ, и съ ними совершается новая эволюція: имъ придается болѣе купеческій характеръ и ближайшей цѣлью всѣхъ такихъ выставокъ и учрежденій становится всевозможное поощреніе сбыта товаровъ и такъ сказать облегченіе въ этомъ отношеніи трудовъ отдѣльныхъ производителей и торговцевъ. Замѣчается стремленіе устранить характеръ строго-временныхъ выставокъ, давъ возможность публикѣ посѣщать ихъ постоянно, заинтересовать лицъ, знакомить ихъ съ качествомъ и родомъ товаровъ, что лучше всего именно и достигается превращеніемъ временныхъ выставокъ въ постоянныя или т. н. „*торговые музеи*“.

Торговые музеи одинаково по своему происхожденію учреждаются на правительственный, общественный и частный счетъ; но рядомъ съ ними, нерѣдко въ тѣхъ же странахъ и городахъ, въ силу импульса самоинтереса, возникаютъ разнаго рода и характера *экспортные союзы* исключительно на счетъ заинтересованныхъ лицъ и классовъ.

Подъ именемъ „торговыхъ музеевъ“ разумѣются учрежденія новѣйшаго времени, гдѣ собираются коллекціи всевозможныхъ товаровъ для ознакомленія съ ними лицъ, заинтересованныхъ какъ въ ввозѣ, такъ и въ вывозѣ различныхъ произведеній. Задачей такого музея является практическое обученіе или освѣдомленіе торговцевъ, занимающихся ввозомъ и вывозомъ, при чемъ такой музей, посредствомъ постояннаго дополненія съ помощью консуловъ и другихъ заграничныхъ агентовъ, находится всегда на уровнѣ новѣйшаго положенія торговаго дѣла.

Изъ такихъ музеевъ наиболѣе извѣстны Брюссельскій, Вѣнскій и Будапештскій, почему мнѣ и пришлось объѣхать три города, гдѣ они находятся, съ осмотромъ и изученіемъ музеевъ на мѣстѣ путемъ личныхъ разспросовъ и печатнаго матеріала. При общихъ задачахъ всѣ эти три типа торговыхъ музеевъ въ Европѣ имѣютъ и свои различія.

Брюссельскій Музей, согласно его программѣ, долженъ занять въ области коммерческихъ наукъ мѣсто, принадлежащее, въ области наукъ естественныхъ, коллекціямъ минералогическимъ, геологическимъ и т. д. Онъ долженъ снабжать средствами для практическаго изученія торговаго дѣла; онъ долженъ „дать“, — говоритъ программа, „производителямъ оружіе противъ конкурренціи и вообще ограждать отъ неудачъ...“ Эти обширныя задачи достигаются посредствомъ слѣдующихъ способовъ, состоящихъ прежде всего въ обширныхъ коллекціяхъ троякаго рода: 1-ое выставка образцовъ произведеній вывоза, т. е. фабрикаты разнаго рода, продаваемые иностранными конкуррентами Бельгіи на различныхъ рынкахъ свѣта; 2-ое образцы произведеній ввоза, которые заключаютъ въ себѣ сырье и съѣстные продукты, которые могутъ быть ввозимы въ Бельгію и пригодные для продажи въ другія страны; 3-е важнымъ отдѣленіемъ музея является выставка образцовъ или способовъ *упаковки*, что имѣетъ цѣлью указать экспортеру, какъ онъ долженъ укладывать и въ какую обложку завертывать товаръ (faire la toilette), принимая въ соображеніе какъ климатъ извѣстной страны, такъ и пути сообщенія, вкусы, требованія и даже предразсудки покупателей. Цвѣтъ, напримѣръ, товара (бумаги, матеріи и проч.) играетъ большую роль на китайскомъ рынкѣ, свойство обложки—подъ тропиками и т. д.

Брюссельскій торговый музей состоитъ въ самой тѣсной связи съ Консульскимъ Институтомъ Государства и подчиняется потому Вѣдомству Иностранныхъ Дѣлъ. Въ инструкціи консуламъ Бельгіи указывается на ихъ содѣйствіе цѣлямъ Музея для развитія торговли, какъ на главную ихъ задачу и обязанности; соотвѣтственно и приноровлена къ этой цѣли вся ихъ служба. До извѣстной степени консулъ является ближайшимъ совѣтникомъ, чуть не слугой каждаго торговца въ его дѣлѣ, особенно въ отношеніи доставленія всякихъ свѣдѣній и справокъ. Для этого важнымъ пособіемъ, доступнымъ каждому торговцу, даже иностранцу, является существующее при Брюссельскомъ Музеѣ прекрасное Справочное Бюро для доставленія всевозможныхъ справокъ по любому любопытному для торговца вопросу, начиная съ путей сообщенія, напримѣръ, въ данной странѣ, и кончая обычаями и нравами. Справочное Бюро издаетъ, между прочимъ, подробный каталогъ всѣхъ коллекцій, часто перепечатываемый и къ услугамъ всякаго желающаго справиться.

Весьма близокъ къ Брюссельскому Музею, но и съ значительными отличіями, Вѣнскій Музей: первоначально возникшій какъ Восточный Музей, онъ лишь впослѣдствіи принялъ болѣе широкую

задачу и превратился въ обще-торговый съ болѣе общими задачами для австрійской монархіи—заботиться о поддержаніи и дальнѣйшемъ развитіи всей австрійской промышленности и торговли. Въ первомъ, именно, въ заботахъ о промышленности, лежитъ различіе Вѣнскаго Музея отъ Брюссельскаго; послѣдній исключительно заботится только объ одной торговлѣ или обмѣнѣ, а не о производствѣ. Точно также, обратно съ Брюсселемъ, Вѣнскій Музей постоянно устраиваетъ выставки разнаго рода, то своихъ, то иностранныхъ товаровъ, смотря по цѣли, которую выставка преслѣдуетъ; наконецъ Вѣнскій Музей прямо занимается политикой въ смыслѣ поиска сбыта для австрійскихъ товаровъ, что совершенно внѣ дѣятельности Брюсселя. Такъ, напримѣръ, въ 1893 г., во времена т. н. швейцарско-французской таможенной войны, Вѣнскій Музей постарался воспользоваться ссорой сосѣдей: съ помощью Вѣнской Торговой Палаты австрійскія фирмы были поставлены въ прямыя сношенія съ швейцарскими и въ результатѣ Франція потеряла въ значительной степени свой швейцарскій рынокъ, а Австрія выиграла его для своихъ производителей и торговцевъ.

Подобно Брюссельскому Музею, Вѣнскій точно также имѣетъ Справочное Бюро и вообще охотно исполняетъ всевозможныя порученія своихъ промышленниковъ и торговцевъ. Мало того, онъ даже беретъ на себя такую сложную задачу, какъ производство анализа разныхъ товарныхъ образцовъ и всячески поощряетъ художественно-промышленное развитіе въ странѣ драгоцѣнными для этой цѣли изданіями, которыя не подъ силу частнымъ издателямъ.

Третій типичный музей, Венгерскій въ Будапештѣ, представляетъ по своей организаціи еще большее различіе отъ первыхъ двухъ. Въ то время, когда первые два торговые музеи лишь учатъ торговцевъ и даютъ знать „какъ продавать и какіе товары нужны на рынкѣ", Венгерскій Музей въ Будапештѣ „прямо торгуетъ товарами" или принимаетъ на комиссію продажу любого продукта своего сочлена. Съ этой торговой цѣлью Венгерскій Музей получилъ исключительное право непосредственно сноситься со всѣми австро-венгерскими дипломатическими чиновниками и устроилъ, преимущественно на Востокѣ, двѣнадцать отдѣленій или филій, которыя въ свою очередь имѣютъ постоянныхъ агентовъ и устраиваютъ самостоятельныя выставки. Мало того, Будапештскій Музей имѣетъ даже на Балканскомъ полуостровѣ своихъ странствующихъ приказчиковъ, commis-voyageurs. Обширной дѣятельности Венгерскаго Музея и его торговымъ предпріятіямъ долго не доставало своего кредитнаго учрежденія, но теперь этотъ недостатокъ устраненъ черезъ устройство Венгріей на Балканскомъ полуостровѣ спе-

ціальнаго Банка для этой цѣли подъ именемъ Анонимнаго Венгерскаго Торговаго Общества. Благодаря обширной и успѣшной дѣятельности Венгерскаго Музея съ его отдѣленіями, Балканскій полуостровъ экономически переходитъ постепенно въ руки Австріи, которая весьма старательно наблюдаетъ также за нашимъ рынкомъ, желая подобрать его въ свои руки. Одинъ изъ видныхъ промышленныхъ дѣятелей въ Вѣнѣ, Юліусъ Бёмъ, уже давно совѣтовалъ австрійскимъ промышленникамъ составить торговый синдикатъ для ввоза въ Россію и заняться вопросомъ—„gemeinsame Bearbeitung des russischen Markts“ (совмѣстная обработка русскаго рынка!..).

Помимо этихъ трехъ важнѣйшихъ представителей торговыхъ учрежденій, устраиваемыхъ правительствами соотвѣтствующихъ странъ и при ихъ ближайшемъ участіи, одинаковую роль поощренія и содѣйствія экспортной торговлѣ играютъ въ Европѣ такъ называемые *экспортные союзы или общества.* Они преслѣдуютъ собственно ту же цѣль, какъ и музеи, и большею частью имѣютъ при себѣ также коллекціи товаровъ, т. е. доставляютъ свѣдѣнія о торговлѣ и способствуютъ увеличенію сбыта, хотя и иными путями. Обратно съ первой категоріей торговыхъ союзовъ, экспортные союзы являются лишь выраженіемъ самодѣятельности самихъ торговцевъ и промышленниковъ, и если изрѣдка имѣютъ связь съ правительствомъ или государствомъ, то лишь, большею частью, слабую, какъ въ Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Штутгартѣ, или совсѣмъ никакой связи съ государствомъ не имѣютъ (богатѣйшіе и важнѣйшіе въ Германіи экспортные склады Гамбурга).

Первое мѣсто между нѣмецкими экспортными складами перваго же рода имѣетъ несомнѣнно Саксонскій союзъ въ Дрезденѣ, принесшій огромную пользу всей германской торговлѣ. Средствами для достиженія его цѣлей являются: 1-ое—агенты или представители, разсѣянные буквально по всему міру: 2-ое—устройство путешествій или поѣздокъ торговыхъ лицъ въ разныя страны свѣта; 3-ье—посылка спеціальныхъ агентовъ для завязыванія торговыхъ сношеній на разныхъ концахъ міра; и наконецъ 4-ое—ознакомленіе покупателей съ нѣмецкими продуктами со стороны Саксонскаго союза печатаніемъ въ огромномъ количествѣ каталоговъ или прейсъ-курантовъ и различныхъ справочныхъ книгъ, знакомящихъ всѣхъ и каждаго съ товарами нѣмецкаго производства и торговли. Всякій важный случай узаконенія, измѣненіе таможенныхъ или законодательныхъ правилъ, гдѣ бы ни было, немедленно сообщается всѣмъ членамъ экспортнаго союза посредствомъ подробныхъ циркуляровъ. Этотъ союзъ доставляетъ сочленамъ всякія справки о фрахтахъ, тарифахъ, данныя о кредитоспособности, выдаетъ письма или реко-

мендаціи и сносится для члена съ представителями и агентами почти гдѣ угодно и проч. и проч.

Всѣ свѣдущіе иностранцы высоко ставятъ заслугу этого и подобныхъ ему экспортныхъ союзовъ для прочнаго успѣха германской промышленности и торговли. „Эти союзы, — пишетъ о нихъ извѣстный американскій консулъ Монаганъ, — являются дѣятельнымъ агентомъ Германіи для завоеванія иностранныхъ рынковъ. Ихъ методы просты и въ то же время весьма успѣшны; они поддерживаются прессой, правительствомъ и всѣмъ народомъ....“ Другой экономическій писатель французъ Schwob также рѣшительно говоритъ за экспортные союзы, какъ орудіе для послѣднихъ торгово-промышленныхъ побѣдъ Германіи.... „Великій секретъ германскаго успѣха“,—по его словамъ, — „это—развитіе духа ассоціаціи, союзъ общихъ усилій для цѣли общей. Вся Германія покрыта всевозможными союзами всякаго рода....“ — „Если Соединенные Штаты, — замѣчаетъ онъ въ заключеніе, — являются союзомъ государствъ, то Германія является государствомъ союзовъ!...“ [1]).

Изъ всѣхъ германскихъ экспортныхъ союзовъ, однако, сверхъ упомянутыхъ выше, главнѣйшую роль для интересовъ, даже не одной нѣмецкой, торговли играетъ Гамбургъ съ его извѣстнымъ портомъ и оригинальной организаціей международной мѣны товаровъ. Безъ нея невозможны были бы настоящіе успѣхи германской промышленности, и огромная важность Гамбурга, какъ экспортныхъ воротъ для всѣхъ прилегающихъ даже странъ, заслуживаетъ нашего особаго вниманія. Нѣмецкая экономическая литература новѣйшаго времени направила меня на этотъ пунктъ и, снабженный многими рекомендаціями отъ своихъ нѣмецкихъ ученыхъ друзей (проф. Шульце-Геверницъ, Вальтеръ Лоцъ, Губеръ, д-ра Юргенсъ и Зоетберъ), я отправился въ Гамбургъ, гдѣ успѣлъ познакомиться какъ слѣдуетъ съ организаціей этого величайшаго въ настоящее время экспортнаго пункта и его складами товарныхъ образцовъ. Но, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ важность Гамбурга, необходимо познакомиться, хотя вкратцѣ, съ сущностью его экспортной системы.

Дѣло въ томъ, что при настоящемъ состояніи промышленно-торговыхъ отношеній между производителемъ товара и его покупателемъ, по необходимости, вдвигается иногда цѣлый рядъ посредниковъ, и это въ особенности касается внѣшней торговли странъ; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ производитель или фабрикантъ самъ находитъ себѣ за границею покупателя и непосредственно сбываетъ ему свой товаръ. Относительно нѣмецкой внѣшней тор-

---

[1]) „Между дѣломъ“. Стр. 257 и проч.

говли, мною выясненъ былъ, при посѣщеніи Гамбурга, слѣдующій общій порядокъ: всякій товаръ, предназначенный для вывоза изъ Германіи, проходитъ черезъ руки двоякаго рода посредниковъ: такъ называемаго „экспортера“ и „экспортнаго агента“. Съ перваго взгляда существованіе такихъ посредниковъ является излишней прибавкой къ цѣнѣ товара; между тѣмъ, въ дѣйствительности, только подобной организаціи Гамбургъ, а съ нимъ и вся Германія, обязаны развитіемъ огромныхъ размѣровъ своей торговли. Благодаря широкому распространенію сбыта и поискамъ рынковъ по всему міру, нѣмецкій фабрикантъ лишенъ возможности входить въ личныя сношенія съ потребителемъ его произведеній; онъ совсѣмъ, часто, не знаетъ страны, въ которую попадаетъ изготовленный имъ товаръ: ему не знакомы ни условія торговли въ ней, ни пути сообщенія, ни языкъ. Въ виду этого создался на помощь фабрикантамъ особый классъ людей, такъ называемыхъ *экспортеровъ*, спеціально ознакомленныхъ съ разными мѣстами сбыта германскихъ продуктовъ. Такіе экспортеры являются людьми не только образованными, бывавшими въ разныхъ странахъ, но и очень богатыми: они пользуются обширнымъ кредитомъ въ банкахъ и, избавляя фабрикантовъ отъ риска и неудобствъ далекаго кредита, уплачиваютъ за все наличными деньгами, сами получая отъ заморскихъ покупателей лишь векселя и уплату, можетъ быть не раньше, какъ черезъ годъ. Каждый изъ заморскихъ покупателей, ведущихъ торговлю съ Европой, обязательно имѣетъ въ Гамбургѣ своего экспортера, черезъ котораго получаетъ нѣмецкій товаръ, а на-ряду съ нимъ иногда и товаръ другого происхожденія, которымъ экспортеръ не пренебрегаетъ, если онъ нуженъ его покупателю.

Но въ свою очередь экспортеръ, доставляя для покупателей отдаленныхъ странъ часто самые разнообразные товары, не можетъ быть спеціалистомъ въ товарѣ, и таковымъ является представитель второй стадіи въ организаціи Гамбургской торговли—*экспортный агентъ*. Это—лицо уже нѣсколько иного пошиба, чѣмъ первый. Многіе изъ гамбургскихъ агентовъ по экспорту сами изъ фабрикантовъ или долго торговали извѣстнаго рода товаромъ, почему являются хорошими знатоками тѣхъ или иныхъ спеціальностей; они часто устраиваютъ при своихъ конторахъ выставку образцовъ этихъ товаровъ, т. н. „Export-Musterlager“. Подобно тому, какъ каждый иностранный покупатель имѣетъ своего экспортера въ Гамбургѣ, точно также всякій производитель или фабрикантъ имѣетъ тамъ своего экспортнаго агента, черезъ посредство котораго исключительно продаетъ свои продукты. Въ большинствѣ случаевъ отъ каждой фабрики выставлены лишь образцы, и торговля ведется

за счетъ фабриканта, т. е. экспортный агентъ по заказу экспортера, какъ спеціалистъ, нѣсколько знакомый со вкусомъ по данному товару всѣхъ отдаленныхъ заморскихъ покупателей, дѣлаетъ подборъ товара или показываетъ его самъ покупателю, если тотъ лично прибылъ въ Гамбургъ, сводитъ, такъ сказать, двѣ стороны, а иногда даже и торгуетъ прямо за собственный счетъ. Та же черта, которая поражаетъ относительно экспортеровъ, высокое знаніе и образованіе, не въ меньшей степени, только въ спеціальномъ родѣ, примѣняется и къ экспортнымъ агентамъ г. Гамбурга. Обладая также обширнымъ знаніемъ заграничныхъ рынковъ по своимъ спеціальностямъ, они руководятъ поискомъ новыхъ мѣстъ сбыта для данныхъ товаровъ, вызываютъ на свѣтъ новыя формы производства, и направляя ихъ на удовлетвореніе различныхъ вкусовъ и потребностей отдаленныхъ странъ, тѣмъ способствуютъ широкому развитію нѣмецкой торговли и промышленности.

Занятіе экспортнаго агента, какъ мнѣ объясняли въ Гамбургѣ, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ указанія фабриканту на тотъ товаръ, тотъ способъ его выдѣлки и ту упаковку, которая необходима для экспорта. Находясь постоянно въ сношеніи черезъ экспортеровъ, а часто и лично, съ заморскими покупателями, экспортный агентъ обладаетъ большою опытностью въ товарахъ, имѣющихъ ходкій сбытъ, и понимаетъ вкусъ и требованія той мѣстности, куда товары предназначены, и тѣхъ пріемовъ, путемъ которыхъ можно распространить сбытъ извѣстнаго товара. Ограничусь двумя примѣрами дѣятельности агентовъ и богатствомъ ихъ свѣдѣній. Экспортный агентъ металлическихъ издѣлій—Фоссъ, напримѣръ, поражалъ меня своими разнообразными этнографическими и естественно-научными свѣдѣніями. Указывая, напримѣръ, мнѣ рядъ вывѣшенныхъ на стѣнѣ образцовъ ножей для дикарей внутренней Африки, Фоссъ не только перечислялъ племена своихъ покупателей, но и почему ножи, имъ пріобрѣтаемые, такой или иной формы, смотря по цѣли, для которой они употребляются. Точно также Фоссу знакомы хорошо разныя почвы во всемъ мірѣ для посѣва сахарнаго тростника и, сообразно съ ними, фабрикантъ приготовляетъ разныя мотыги или сѣчки, дѣлая болѣе острыми или тупыми, сообразно почвѣ или свойству произрастанія. Другой экспортный агентъ, Бродерсенъ, представитель фабрикъ крупной посуды, преимущественно кувшиновъ и блюдъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ, наоборотъ, самъ вліяетъ на вкусы и, такъ сказать, дѣлаетъ спросъ на свой товаръ. Смотря по модѣ и спросу, въ контору Бродерсена художники и фотографы присылаютъ со всего міра изображенія, то птицъ, то иныхъ животныхъ, то пейзажи, то портреты разныхъ героевъ и знамени-

тостей. По его заказу художники въ Мюнхенѣ и Цюрихѣ идеализируютъ эти сюжеты, а промышленники переводятъ на посуду. Въ результатѣ отъ моды на пейзажи онъ заработалъ въ одной Южной Америкѣ, какъ сообщалъ мнѣ, 100.000 марокъ, благодаря своей выдумкѣ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, если экспортеръ является знатокомъ—въ людяхъ для заграничнаго сбыта товаровъ, то экспортный агентъ является знатокомъ—въ товарахъ.

Такова суть организаціи Гамбургской вывозной торговли, которой Германія, а отчасти и Австрія обязана въ значительной степени своимъ экспортомъ и богатствомъ. Я видѣлъ въ складахъ Гамбурга товары буквально со всей Европы, напримѣръ, французскіе шелка и французское вино, англійскую сталь и посуду, шведскій хлѣбъ и норвежскую рыбу, но къ сожалѣнію я не видѣлъ въ богатѣйшихъ Гамбургскихъ складахъ ничего русскаго (впрочемъ, кажется, видѣлъ мѣшокъ Ростовскаго горошка въ складѣ пищевыхъ продуктовъ), хотя многіе наши продукты съ честью могли бы фигурировать, по моему мнѣнію, въ международной торговлѣ.

Какъ я упоминалъ раньше, вездѣ въ Германіи, какъ и въ Австріи, я проникалъ въ склады и выставки экспортныхъ товаровъ часто съ немалыми затрудненіями и каждый разъ лишь по чьей-нибудь рекомендаціи, въ большинствѣ случаевъ отъ моихъ знакомыхъ—профессоровъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ, или даже случайныхъ знакомыхъ, напримѣръ, банкировъ, съ которыми имѣлъ дѣло; два раза отъ библіотекарей, въ томъ числѣ отъ г. Патера въ Чешскомъ Національномъ Музеѣ; въ Саксонскій экспортный складъ проникъ благодаря г. Петерманну, библіотекарю Дрезденскаго учрежденія „Gehe-Stift“; въ Гамбургѣ, въ богатѣйшій складъ „Deurer u. Kaufmann“ я проникъ благодаря знакомству съ однимъ газетчикомъ и т. д. и т. д. Тамъ, гдѣ являлся безъ рекомендаціи, ничего, кромѣ общедоступнаго для публики, узнать не могъ или долженъ былъ разными путями бороться съ различными затрудненіями и предубѣжденіями. Въ Будапештѣ, гдѣ, какъ выше объяснено, было встрѣчено прямо недоброжелательное отношеніе къ моей любознательности и разспросамъ, я вынужденъ былъ прибѣгнуть, долженъ покаяться, даже къ лести или маленькой хитрости. Я увѣрилъ г. Шашвари (Saszwari), секретаря, черезъ посредство котораго велись всѣ мои разспросы и знакомство съ Венгерскимъ Торговымъ Музеемъ и его обширной дѣятельностью, что я много наслышался въ Россіи объ его журналѣ („Revue de l'Orient), подъ который нарочно подписался у него и много толковалъ объ его двухъ брошюрахъ, которыя заранѣе купилъ и прочелъ на понятныхъ для меня языкахъ; этимъ я сдѣлалъ его какъ будто нѣсколько разговорчивѣй

и любезнѣе въ бесѣдахъ со мною. Наконецъ, въ двухъ случаяхъ, гдѣ я не встрѣчалъ никакихъ препятствій къ возможнымъ осмотрамъ и разспросамъ, собственно нечего было, какъ оказалось, смотрѣть, по незначительности складовъ. Такъ, напримѣръ, въ Прагѣ, гдѣ чехи принимали меня въ высшей степени любезно, экспортный союзъ оказался крайне незначительнымъ и неважнымъ по своей дѣятельности, существовалъ лишь три года, въ то же время не имѣлъ въ Прагѣ никакого склада и крайне ничтожное число агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Весьма странная судьба торговыхъ складовъ и музеевъ—во Франціи, гдѣ ихъ собираются завести, но не трогаются съ мѣста. И до времени моего изслѣдованія появлялись извѣстія объ открытіи въ двадцати городахъ подобныхъ учрежденій, но оказалось въ конечномъ результатѣ, что они существуютъ лишь номинально, такъ какъ сами французы какъ бы забыли о нихъ или сомнѣваются въ ихъ существованіи. Въ виду этого я обратился единовременно въ Парижъ къ г. Шарлю Соломону, Товарищу Предсѣдателя Общества Соціальнаго музея (Société du Musée Social) и г. Артуру Раффаловичу, агенту нашего Министерства Финансовъ, съ просьбой сообщить мнѣ, существуютъ ли во Франціи въ дѣйствительности торговые музеи и гдѣ именно. Оба компетентныя лица отвѣчали, собственно, отрицательно, ссылаясь лишь на попытки и старанія и на единственный музей въ г. Лиллѣ (Lille), но болѣе старательныя мои собственныя справки обнаружили совершенное ничтожество этого музея, такъ что едва-ли возможно было его принимать даже въ разсчетъ (напр. на его содержаніе изъ двухъ источниковъ отпускалось всего лишь 600 франковъ! И никакихъ статутовъ или правилъ они не имѣли). Такимъ образомъ во Франціи въ то время не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ существованіи торговыхъ музеевъ.

Та же судьба относительно торговыхъ музеевъ и содѣйствія вывозной торговлѣ постигла и другое великое государство—Великобританію или Англію. Въ ней, обратно съ Франціей, можно утвердительно сказать, существуетъ зданіе торговаго музея (London Imperial Institute) и при томъ роскошное, стоившее болѣе трехъ съ половиной милліоновъ, съ обширной администраціей, около 150 правителей или губернаторовъ, назначаемыхъ королевской властью. Цѣль этого Имперскаго Института, согласно первоначальному плану, должна была состоять во всемъ томъ, что имѣетъ мѣсто и въ трехъ указанныхъ типичныхъ европейскихъ музеяхъ, Брюсселя, Вѣны и Будапешта. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, во время моего осмотра, по крайней мѣрѣ (до 1895 г.) Имперскій

Институтъ былъ богато обставленъ, въ немъ происходили ежедневныя собранія, много ѣли, пили и забавлялись музыкой, но никакихъ усилій и мѣръ для содѣйствія торговлѣ самая торговая страна въ Европѣ не проявляла. Хотя Институтъ пытался даже издавать экономическій журналъ, но безъ всякаго серьезнаго содержанія и „не имѣлъ денегъ" на устройство справочнаго отдѣла. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе чего-то *дѣланнаго на показъ*, безжизненнаго и не отвѣчающаго своему прямому назначенію. Онъ болѣе напоминалъ, на мой взглядъ, клубъ для развлеченія и увеселенія зажиточныхъ людей, нежели серьезный органъ государства для содѣйствія своей торговлѣ.

Я изложилъ здѣсь въ своихъ „Воспоминаніяхъ" главную суть результатовъ моихъ разъѣздовъ по Европѣ въ 1895 и 1896 г.г. Изъ этихъ собранныхъ и старательно, гдѣ возможно, провѣренныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить, во-первыхъ, что торговые музеи или даже экспортные союзы не составляютъ чего-либо безусловно необходимаго для роста промышленности въ данной странѣ, если такія богатыя и промышленныя государства, какъ два послѣднія—Англія и Франція, могутъ безъ нихъ обходиться. Но, во-вторыхъ, общій выводъ моего изслѣдованія заключается въ той огромной и разнообразной пользѣ, которую приносятъ эти музеи и союзы въ тѣхъ государствахъ, гдѣ таковые имѣются. При теперешнемъ развитіи торговли она достигла такого высокаго положенія и сложности, что стала почти на степень науки, требующей большого и разнообразнаго изученія. На этомъ основаніи полезнѣйшая задача всѣхъ торговыхъ музеевъ всякаго вида, какъ и экспортныхъ союзовъ, состоитъ именно въ томъ, что они всѣ являются орудіемъ знанія или распространителемъ знанія въ торговомъ классѣ и торговомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, какъ справедливо утверждаетъ одинъ англійскій писатель: „If knowledge is not power, it shows the way to power" („Если знаніе не составляетъ само силы, то оно во всякомъ случаѣ указываетъ путь къ силѣ").

Съ этой точки зрѣнія государство, желающее содѣйствовать и развивать свою торговлю и промышленность и спеціально усилить сбытъ, обязано, сообразно въ каждой странѣ своимъ экономическимъ условіямъ, основывать или поощрять эти благотворительныя для экономическихъ интересовъ учрежденія. Таковъ *конечный выводъ* моего изслѣдованія о торговыхъ музеяхъ [1]).

Въ заключеніе спрашивается, вышелъ ли какой-нибудь практическій толкъ изъ моего изслѣдованія? Я смотрю на свои „Воспоминанія" какъ, до нѣкоторой степени, на дѣло моей совѣсти и болѣе всего боюсь и стараюсь избѣгнуть какой-нибудь умышленной не-

правды; я сообщаю здѣсь bona fide по совѣсти только то, во что вѣрю; если читатель увидитъ явную ошибку, то утверждаю, что она не умышленна. Поэтому, если поставить ребромъ вопросъ о какой-либо пользѣ отъ моего настоящаго изслѣдованія, то я могу только добросовѣстно отвѣтить, что одинаково съ прежними изслѣдованіями и порученіями правительства (о польской промышленности, о синдикатахъ и проч.), никакой пользы, убѣжденъ я, изъ моего труда Россія не извлекла, и правительство имъ не воспользовалось. Деньги, мнѣ данныя, были истрачены зря, если не считать мою личную выгоду,—написать интересную книгу, доступную, впрочемъ, не для всякаго. Въ настоящее время эта книга о торговыхъ музеяхъ уже давно вышла изъ продажи, но увы! Я не могу указать даже на маленькую черточку какихъ-либо правительственныхъ мѣропріятій или пробужденія самодѣятельности у нашихъ промышленно-торговыхъ классовъ, благодаря тѣмъ образцамъ и урокамъ, которые изложены понятнымъ языкомъ въ моей работѣ! Послѣ всѣхъ этихъ достовѣрныхъ наблюденій невольно изслѣдователемъ овладѣваетъ духъ унынія и пессимизма. Неужели русская жизнь такъ мало подвижна или тяжела на подъемъ, что на нее не дѣйствуютъ никакіе примѣры, добытые опытомъ чужой жизни; неужели ей суждено оставаться всегда тѣмъ самымъ „лежачимъ камнемъ“, по нашей же поговоркѣ „подъ который вода не течетъ“?!.

---

[1]) Подробное изложеніе моихъ выводовъ можно найти, конечно, въ самомъ отчетѣ: „Министерство Финансовъ, Департаментъ Торговли и Мануфактуръ. Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. „Торговые музеи, экспортные союзы и складъ товарныхъ образцовъ“. Изслѣдованіе И. И. Янжула. Москва 1897 г.“.

ГЛАВА XII.

Мои публичныя чтенія, доклады и рефераты. — Ихъ многочисленность и значеніе въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго вѣка.—„Соціальный міръ", какъ ихъ главное содержаніе. — Лекція „Великаны промышленности", ея происхожденіе и сущность. — Странное совпаденіе противоположныхъ послѣдствій: протестъ соціалистовъ и запрещеніе того же чтенія въ провинціи правительственными органами. — Какъ это согласовать?... — Лекція „Милліоны и что съ ними дѣлать?", ея содержаніе, огромный успѣхъ и сборъ, одушевленіе слушателей и вызовъ пожертвованій на добрыя дѣла.—Общее вниманіе, сочувствіе въ Москвѣ и провинціи.— Просьбы о помощи и голоса изъ публики.—Какъ заключеніе, Петербургская сатира...

Послѣднія четыре главы моихъ „Воспоминаній" посвящены разнымъ видамъ практической пробы моихъ силъ и знаній въ формѣ тѣхъ или иныхъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, по справедливости, къ такимъ же пробамъ этихъ силъ надо причислить и мои многочисленныя чтенія, рефераты, доклады въ ученыхъ обществахъ и, наконецъ, публичныя лекціи въ чемъ я особенно часто упражнялся и несомнѣнно заслужилъ большое сочувствіе въ московской публикѣ, выразившееся наглядно въ многихъ тысячахъ рублей, мною собранныхъ для разныхъ благотворительныхъ цѣлей. Многіе изъ моихъ избранныхъ трудовъ имѣютъ въ сущности одинаковое происхожденіе и были публично прочитаны [1].

---

[1]) Перечислю лишь важнѣйшіе:

1) „Очерки и изслѣдованія" въ двухъ томахъ. 1884.

2) „Часы досуга". Москва. 1896 г.

Само собой разумѣется, что я не сразу приспособился къ публичному чтенію, которое гораздо труднѣе университетскаго и требуетъ больше искусства, пріобрѣтаемаго лишь постепенно, путемъ практики. Каждому профессору, усердно занятому обработкой своихъ лекцій, весьма скоро становится знакомымъ уровень развитія и требованій своихъ обычныхъ слушателей — студентовъ и слѣдовательно онъ можетъ, коли пожелаетъ, къ нимъ въ достаточной степени приспособиться своимъ изложеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ среднемъ этотъ уровень довольно однообразный и примѣрно одинаковый. По лицамъ своихъ слушателей внимательный профессоръ немедленно можетъ опредѣлить, хорошо ли понимаютъ его слушатели или нѣтъ: если онъ замѣчаетъ хоть одинъ недоумѣвающій взглядъ, это означаетъ, что данный абзацъ изложенъ неясно или неопредѣленно и надо его разъяснить по возможности быстро, какимъ-нибудь вставнымъ предложеніемъ или примѣромъ, не отрываясь замѣтно отъ общаго хода чтенія, чтобы слушатели не потеряли нить изложенія.

Гораздо труднѣе является рѣшеніе того же самаго вопроса на публичномъ чтеніи, передъ разношерстной публикой, а не студентами, примѣрно одной степени развитія и образованія. Тутъ невозможно и даже не должно обращать вниманіе на каждаго слушателя, а приходится приспособиться, такъ сказать, къ среднему слушателю, что дѣлается лишь путемъ извѣстнаго опыта, болѣе или менѣе продолжительнаго. Я замѣтилъ, напримѣръ, что если вниманіе публики утомлено, то надо его поднять какимъ-либо вводнымъ предложеніемъ или эпизодомъ: слушатели видимо настораживаются и начинаютъ прислушиваться внимательнѣе. Намеки на интересы минуты или политики замѣтно также оживляютъ аудиторію, особенно если взятый примѣръ производитъ нѣкоторую сенсацію. Я съ успѣхомъ много разъ пользовался этимъ пріемомъ, при чемъ даже двухчасовая длина лекцій не вызывала видимой скуки, и чтеніе дослушивалось внимательно до конца. При этомъ непремѣнно соблюдалось одно условіе рѣчи—говорить viva voce, а отнюдь не читать; лишь единственный случай, мнѣ извѣстный у насъ, составляетъ исключеніе, это — В. О. Ключевскій, который *читаетъ свои лекціи*, как ъ б ы г о в о р и т ъ; но этотъ пріемъ, вѣроятно, требуетъ продолжительной и упорной подготовки.

Наибольшее число публичныхъ лекцій было прочитано мною

---

3) „Экономическая оцѣнка народнаго образованія“. 2-е изд. 1899 г. Спб. (разныхъ авторовъ).

4) „Въ поискахъ лучшаго будущаго“. Спб. 1893 и 2-е изд. въ 1908 г.

5) „Между дѣломъ„. 1904 г.

въ 80-хъ и 90-хъ годахъ на самыя различныя темы и съ разными цѣлями. Ихъ такъ много, что я рѣшительно не нахожу возможнымъ перечислять ихъ, тѣмъ болѣе, что многія не вошли даже въ сборники моихъ статей и не были перепечатаны. Назову лишь нѣкоторыя, имѣвшія особенно выдающійся успѣхъ или чѣмъ-нибудь отличавшіяся. Главной моей заботой передъ публичной лекціей былъ прискорбный вопросъ, разрѣшатъ ли ее; требовалась длинная предварительная процедура хлопотъ о разрѣшеніи съ представленіемъ не только программы, но иногда даже подлиннаго текста лекціи и обязательства читать по нему.

Слава Богу, меня лично нѣкоторыя изъ этихъ безсмысленныхъ формальностей миновали, хотя тѣмъ не менѣе, какъ я передамъ дальше, и я дождался запрещенія или недопущенія моихъ лекцій въ цѣломъ рядѣ городовъ, которые хотѣли ихъ послушать. Въ высшей степени комично, если бы это не было въ то же время жалко, то обстоятельство, что относительно одной моей лекціи— „Великаны промышленности“ —въ 1898 г. выступила рядомъ съ администраціей провинціальныхъ городовъ или, можетъ быть, распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какая-то подпольная партія соціалистовъ, которая съ точки зрѣнія своихъ интересовъ выпускала пасквили противъ меня и моихъ чтеній, всячески предостерегая публику отъ ихъ посѣщенія. „Les beaux esprits se rencontrent!...“ Чтобы въ достаточной степени понимать этотъ странный случай, необходимо хоть вкратцѣ ознакомиться съ сущностью содержанія самихъ лекцій послѣдняго времени, передъ уходомъ моимъ изъ Московскаго университета и переселеніемъ въ Петербургъ.

Особый успѣхъ въ 90-хъ годахъ имѣли слѣдующія лекціи, повторенныя по нѣскольку разъ и въ разныхъ городахъ: „Народный Дворецъ въ Лондонѣ“, „Поселенія въ Восточномъ Лондонѣ“, „Великаны Промышленности“ и „Милліоны“... Послѣднія лекціи были моей своего рода „Лебединой“ пѣснею. Больше я ничего публично не читалъ, и переселившись въ это время въ Петербургъ, лишь повторилъ послѣднія двѣ лекціи съ благотворительной цѣлью и даже два раза, но, конечно, далеко не съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Москвѣ.

Общее содержаніе указанныхъ чтеній — *соціальный миръ*, т. е. установленіе мира и согласія, вмѣсто борьбы и раздора съ различными, якобы классовыми интересами въ промышленныхъ классахъ: я всегда думалъ и глубоко былъ убѣжденъ, что періодъ классовой борьбы въ значительной степени миновалъ и отжилъ свой вѣкъ; во всякомъ случаѣ уже кончается, если не кончился, и его мѣсто должны за-

ступить соглашеніе интересовъ, т. е. попытки и пріемы къ возможному примиренію выгодъ классовъ предпринимателей и рабочихъ. Въ этой основной посылкѣ заключается сходство всѣхъ моихъ послѣднихъ лекцій въ данномъ отношеніи; но судьба лекцій была совершенно различна. „Великаны Промышленности“ въ сущности того же самаго содержанія, настроенія и духа, какъ и прочія указанныя лекціи, вмѣстѣ съ апплодисментами и большимъ денежнымъ сборомъ въ филантропическихъ цѣляхъ, навлекли на мою голову ругань московскихъ соціалистовъ и даже пасквили, распространяемые въ Москвѣ; но всего комичнѣе—административное запрещеніе этой лекціи въ нѣсколькихъ городахъ, въ унисонъ съ желаніемъ авторовъ пасквилей и несмотря на то, что лекція эта уже нѣсколько разъ предварительно была прочитана публично въ Москвѣ и Рязани и не вызвала тамъ никакихъ недоумѣній [1]).

Содержаніе „Великановъ Промышленности“ вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Департаментъ Труда Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ, находящійся подъ руководствомъ знаменитаго статистика Карроль Райта (о которомъ я упоминалъ въ главѣ X моихъ „Воспоминаній“), рѣшилъ произвести спеціальное изслѣдованіе въ Европѣ положенія рабочихъ или точнѣе обезпеченія рабочихъ въ нѣкоторыхъ странахъ и на крупнѣйшихъ фабрикахъ. Для этой цѣли посланъ былъ туда одинъ изъ лучшихъ помощниковъ Райта—статистикъ Уилогби (Willoughby). Изложеніе его доклада, нѣсколько въ иномъ порядкѣ и составляло собственно сущность моей лекціи, вызвавшей для меня неожиданно много брани на мою голову. Уилогби изслѣдовалъ въ Европѣ относительно небольшое число фабрикъ во Франціи, Бельгіи и Германіи, но зато весьма типичныхъ и характерныхъ и при томъ самыхъ крупныхъ, поистинѣ „великановъ“ промышленности. Онъ знакомилъ своихъ соотечественниковъ въ докладѣ исключительно съ одной стороной—*обезпеченіемъ рабочихъ* всякихъ видовъ, начиная съ заработной платы и страхованія и кончая разными видами даяній и подарковъ со стороны хозяевъ и, наконецъ, плодами собственной самодѣятельности рабочихъ.

Въ общемъ докладъ Уилогби, положенный въ основаніи моей лекціи, выставляетъ положеніе рабочихъ изслѣдуемыхъ фабрикъ правдиво, но можетъ быть нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ, съ свойственной американцамъ слабостью отдавать всегда премущество крупнымъ формамъ производства передъ всякими иными. Особенно долго останавливался Уилогби на описаніи громадныхъ предпріятій

---

[1]) Лекція эта помѣщена цѣликомъ въ сборникѣ „Между дѣломъ“. Спб. 1904 г., стр. 304.

Круппа, „короля пушекъ“ въ Германіи, гдѣ съ вызывающимъ тономъ спрашивали Уилогби, можетъ ли онъ гдѣ-нибудь найти лучшихъ рабочихъ, чѣмъ тѣ, которые подготовлялись на предпріятіяхъ Круппа щедрыми пожертвованіями хозяина на ихъ образованіе и обезпеченіе?!

Еще выше чѣмъ обычныя, какъ бы онѣ велики ни были, заботы предпринимателя, Уилогби ставитъ *участіе рабочихъ въ прибыляхъ*, при чемъ приводитъ характерную исторію знаменитаго фамилистера Годэна въ Гизѣ во Франціи, гдѣ филантропъ, стоявшій во главѣ заведенія *принудительнымъ образомъ* облагодѣтельствовалъ своихъ рабочихъ постепенно, путемъ постоянныхъ вычетовъ превративши рабочихъ въ единственныхъ собственниковъ всего громаднаго многомилліоннаго фабричнаго заведенія. М-ръ Гринингъ, извѣстный англійскій кооператоръ, лично мнѣ знакомый и пользующійся огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ Англіи (см. о немъ упоминаніе въ главѣ III „Воспоминаній“ I вып. стр. 104), крайне высоко ставитъ благотворное вліяніе системы Годэна и результаты, имъ полученные.—„Превосходство производства“, говоритъ онъ въ своей книгѣ по этому предмету, „взятое въ цѣломъ, обязано всегда людямъ, т. е. качеству рабочихъ, поднятыхъ экономически, а черезъ то поднятыхъ нравственно и духовно [1])!“

Въ этомъ, въ сущности, заключается въ краткихъ словахъ, моя лекція о „Великанахъ Промышленности“. *Выгоды одинаковы для хозяевъ и рабочихъ въ мирномъ улаживаніи всѣхъ ихъ споровъ и соглашеніи интересовъ.* Докладъ Уилогби, который легъ въ основаніе моей лекціи, даетъ множество для того указаній и фактовъ, изъ которыхъ наиболѣе типичнымъ и сильнымъ является только-что приведенная исторія предпріятія Годэна. Успѣхъ его кооперацій такъ поразилъ многихъ слушателей, что ко мнѣ обращались незнакомыя лица съ письмами, даже не только въ Москвѣ, но и въ Рязани, гдѣ я успѣлъ прочесть эту лекцію до ея запрещенія.

Вскорѣ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ по прочтеніи лекціи „Великаны Промышленности“ появились въ Москвѣ гектографированные экземпляры пасквиля, распространяемаго въ образованной публикѣ, который разносилъ мою лекцію и меня лично за ея содержаніе. Обрушиваясь на мою голову избитыми фразами о буржуазіи и классовыхъ интересахъ, пасквиль этотъ состоялъ собственно не въ аргументахъ или желаніи опровергнуть необходимость приведенныхъ мною идей—мира и соглашенія, вмѣсто безцѣльной и вредной

---

[1]) См. The Cooperative Traveller Abroad, by Edward Owen Greening, London 1888 г., стр. 98.

борьбы хозяевъ съ рабочими, а выражался лишь въ ругательствахъ и голословныхъ утвержденіяхъ: очевидно, больше всего фиктивнымъ друзьямъ рабочихъ, представленнымъ пасквилемъ, противенъ миръ и мирный исходъ и хочется борьбы, не зная о ея результатахъ и забывая, что проигрываетъ всегда слабый. Въ своихъ лекціяхъ того времени, посѣщаемыхъ одинаково, какъ богатыми классами, такъ и рабочими, я имѣлъ двѣ цѣли: 1) смягчить сердца предпринимателей, 2 разсѣять предразсудки противъ выгодности всякихъ затратъ на обезпеченіе рабочихъ, и 3) привлечь правительство къ его обязанности заботиться и думать объ интересахъ рабочихъ, а не однихъ предпринимателей.

„Все это вздоръ, — утверждаетъ памфлетъ, — „мѣднолобіе и скрытое проявленіе „вражды къ рабочимъ!!“ Нѣтъ тѣхъ бранныхъ словъ, которыми авторы пасквиля далѣе не награждали бы меня за желаніе водворить соціальный миръ въ Россіи: „современный фарисей“; „тайный врагъ рабочихъ“, „наемный защитникъ интересовъ фабрикантовъ и заводчиковъ“, „поддѣлываетъ науку въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ“, „прихвостень капиталистовъ“, и т. д. и т. д.—„Усилія и старанія профессора не увѣнчались успѣхомъ“... „Все—наглая и откровенная ложь“!!.. „Профессоръ и академикъ Янжулъ“, говоритъ пасквиль въ заключеніе, „съ высоты каѳедры приглашаетъ русскую буржуазію не бояться пролетаріата, не отмахиваться отъ рабочаго вопроса. Не вѣрьте, г.г. русскіе буржуа, вашему профессору, который въ розовомъ цвѣтѣ и сладкихъ словахъ рисуетъ передъ вами ближайшее будущее! Онъ лжетъ, вашъ великолѣпный фарисей, онъ обманываетъ васъ *и себя!* (!?) Нѣтъ, если кого и надо бояться русскимъ кровопійцамъ-фабрикантамъ, землевладѣльцамъ... и всякимъ либераламъ, то именно русскаго пролетаріата, и пр. и пр..!“ (!!!???).

Этотъ бредъ сумасшедшаго, какъ видно отсюда, еще раньше, чѣмъ онъ забрался въ лѣвое отдѣленіе нашей Госуд. Думы, раздавался въ Москвѣ по поводу невинной профессорской лекціи, продиктованной преклоненіемъ передъ самой широкой филантропіей и любовью къ человѣчеству и основанной на оффиціальныхъ данныхъ самой свободной изъ странъ міра—Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ!!!...

Самый странный результатъ получился въ концѣ концовъ: наша администрація, которая естественно *должна была бы помогать мнѣ въ борьбѣ съ врагами порядка*, наоборотъ выступила противъ меня и начала систематически воспрещать прочтеніе этой лекціи публично въ цѣломъ рядѣ русскихъ городовъ, куда я былъ приглашенъ и уже выразилъ на то свое согласіе. Такъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ я объ-

щался прочесть въ началѣ 1898 г. „Великаны Промышленности“ въ пользу Общества Взаимнаго Вспомоществованія учителямъ и учительницамъ, и чтеніе было законнымъ образомъ сначала разрѣшено, оно было запрещено далѣе распоряженіемъ Нижегородскаго Губернатора и вслѣдствіе телеграммы изъ Москвы отъ управляющаго Учебнымъ Округомъ отъ 28 февраля, который *призналъ невозможнымъ допустить публичное чтеніе профессоромъ Янжуломъ лекціи „Великаны Европейской промышленности“*... Всякое объясненіе причинъ въ обоихъ случаяхъ отсутствуетъ.

Прис. пов. П. А. Рождественскій, замѣнявшій тогда въ этомъ Обществѣ больного предсѣдателя, извѣщая меня въ письмѣ отъ 3 марта 1898 г. объ этомъ печальномъ инцидентѣ и сожалѣніи всѣхъ представителей благотворительнаго общества, потерявшаго лишь деньги на расходы приготовленія, добавляетъ къ своему письму: „Комментаріи, надѣюсь, излишни; сообщаемые матеріалы современемъ найдутъ себѣ достойное мѣсто на страницахъ „*Русской Старины*“ (что мною въ настоящее время отчасти и исполняется) и будутъ достаточнымъ образомъ оцѣнены историкомъ нашего просвѣщенія“... (!!!).

Единовременно съ Нижнимъ Новгородомъ ко мнѣ начали поступать просьбы о прочтеніи той же публичной лекціи—„Великаны Промышленности“ со всѣхъ концовъ Россіи: такъ изъ Саратова, Тамбова, Тулы (нѣсколько просьбъ), изъ Харькова, Ростова на-Дону— и все это почти въ теченіе одного мѣсяца! Всѣ эти просьбы о лекціяхъ присылались или непосредственно ко мнѣ лично, или черезъ знакомыхъ, или, наконецъ, черезъ только что устроенное спеціальное отдѣленіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. (Черезъ посредство проф. Новгородцева и Е. Н. Орлову). Съ нѣкоторыми изъ приглашавшихъ, напримѣръ въ Харьковѣ профессорами Багалѣемъ и Данилевскимъ, я уже условился о подробностяхъ, давши согласіе, относительно двухъ лекцій, и сдѣланы были всѣ соотвѣтствующія распоряженія, кончая наймомъ залы, фиксированнымъ днемъ и проч. Точно также все было слажено относительно Тулы и Тамбова, гдѣ энергично дѣйствовали мои бывшіе ученики, желавшіе меня послушать.

Но внезапно полученная мною 2-го марта телеграмма, а затѣмъ письмо отъ Правленія Общества Попеченія объ учителяхъ и учительницахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, сразу сокрушили всѣ эти благія начинанія по распространенію идей соціальнаго мира: въ Тулѣ уже получено было увѣдомленіе о неразрѣшеніи мнѣ тамъ чтенія лекцій, а такъ какъ источникомъ этого распоряженія являлось само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ я убѣдился не-

медленно справкой въ канцеляріи попечителя Московскаго округа, то дальнѣйшія хлопоты и намѣренія предположеннаго чтенія во многихъ городахъ становились безполезными и тщетными: пришлось лишь списаться съ устроителями лекцій въ разныхъ городахъ и сообщить имъ печальное и неожиданное извѣстіе. Особенно прискорбно мнѣ это было относительно Харькова, Тулы и Тамбова, гдѣ дѣло зашло уже далеко, и произведены были всѣ предварительныя формальности, включая назначенія дней моего пріѣзда. Изъ какого-то города даже присланы были деньги на желѣзнодорожный билетъ!..

Такъ покончилась первая моя попытка выступить съ моими чтеніями, т. е. во всеобщее обращеніе съ самыми невинными мечтаніями о соціальномъ мирѣ и лекціей по своему содержанію столь же противной для вкусовъ подпольныхъ агитаторовъ, какъ ладонъ для чорта!.. Но увы! всякое невинное дѣйствіе у насъ можетъ быть признано опаснымъ для спокойствія и порядка и, наоборотъ, бездѣйствіе и ничегонедѣланье объявлено желательнымъ!

Близко по времени къ лекціи „Великаны Промышленности", была прочитана мною въ Москвѣ и новая лекція также въ пользу соціальнаго мира, удачно составленная, благодаря хорошему матеріалу—„Милліоны и что съ ними дѣлать"? Слухъ объ этой лекціи до провинціи, большею частью, дошелъ вмѣстѣ съ „Великанами", и предполагалось читать обѣ лекціи, единовременно, почему эта лекція, имѣвшая огромный успѣхъ въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, въ провинцію не попала, несмотря на всѣ ожиданія и желанія, которыми меня осаждали. Въ виду особаго успѣха и чрезвычайнаго денежнаго тиража, который „Милліоны" за собой повели для нашихъ благотворительныхъ учрежденій, я долженъ ознакомить читателя моихъ „Воспоминаній" хоть вкратцѣ съ содержаніемъ этой любопытной лекціи.

Знаменитый американскій милліардеръ Андрью Кэрнеджи или Карнеги написалъ небольшую, но очень сильную книжку о богатствѣ и о способахъ распоряженія имъ [1]). Главная идея этого человѣка, имѣвшаго счастіе въ теченіе жизни нажить много, много милліоновъ, заключается съ одной стороны въ защитѣ существующаго экономическаго порядка и восхваленіи накопленія богатствъ, чѣмъ онъ занимался всю жизнь, съ другой же—въ организаціи настоящей господствующей системы передачи богатства послѣ смерти путемъ наслѣдства; доказывая необходимость коренной реформы въ этомъ послѣднемъ отношеніи путемъ раздачи состоянія богатыми людьми на добрыя

---

[1]) Wealth and the Best Fields for Philanthropy, by Andrew Carnegie, the American Millionnaire. London. The Victoria Publishing Company.

общественныя цѣли, но еще *при жизни ихъ*. „Всемогущій долларъ,— говоритъ Кэрнеджи въ своемъ оригинальномъ „Евангеліи Богатства“, какъ прозвана его замѣчательная книжка,—часто является истиннымъ проклятіемъ, которое ведетъ дѣтей къ несчастію, пріучая ихъ къ лѣни и роскоши, и если крайняя бѣдность часто ухудшаетъ нравственность человѣка, то нерѣдко, и даже чаще то же самое дѣлаетъ богатство, не нажитое трудомъ“... „Вообще наслѣдства дѣлаютъ“,—по его заключенію,—„чаще вредъ, чѣмъ добро“, вслѣдствіе чего Кэрнеджи рекомендуетъ родителямъ оставлять своимъ дѣтямъ лишь умѣренный достатокъ, необходимый для безбѣднаго существованія, остальнымъ же имуществомъ распорядиться иначе, раздавая его еще при жизни на добрыя дѣла.

Затѣмъ Кэрнеджи внушаетъ своимъ собратьямъ—милліонерамъ, что богатства, ими составленныя, въ дѣйствительности являются лишь фондомъ, временно довѣреннымъ судьбою ихъ попеченію. Милліоны составляютъ, утверждаетъ онъ, предметъ лишь временнаго пользованія богачей и должны непремѣнно быть возвращены народу. Единственное условіе,—чтобы эти богатства затрачивались отнюдь не на личную филантропію, не въ формѣ милостыни, которая развращаетъ и берущаго и дающаго... „Милостыня, большею частію, наслѣдіе порока, а не помощь добродѣтели“... Поэтому Кэрнеджи, осуждая такое употребленіе денегъ, дѣлаетъ попытку указать или пересчитать тѣ важнѣйшія общественныя нужды, которыя, по условіямъ американской жизни, могутъ въ ней наичаще имѣть примѣненіе. Онъ называетъ шесть такихъ способовъ пожертвованія: основаніе общественныхъ библіотекъ, университетовъ, госпиталей, зданій для собранія и увеселенія народа, общественныхъ парковъ, бань и купаленъ, церквей и часовенъ разнаго вѣроисповѣданія. Сверхъ того цѣли употребленія милліоновъ разнообразятся по странамъ и по времени [1]).

„Евангеліе Богатства“ (еще въ корректурѣ пересланное знаменитому Гладстону, тогда еще жившему) встрѣтило полное и искреннее сочувствіе маститаго государственнаго человѣка и филантропа. Въ томъ же 1890 году появилось обширное открытое письмо этого

---

[1]) Какъ извѣстно, въ настоящее время Кэрнеджи по какой-то причинѣ, не совсѣмъ ясной, только что пожертвовалъ шести европейскимъ государствамъ, въ томъ числѣ Россіи, модели съ гигантскаго ископаемаго, очевидно по совѣту какого-либо геолога, увлеченнаго спеціальными интересами своей науки. Разумѣется, согласно русской поговоркѣ „дареному коню въ зубы не смотрятъ“, но я смѣю думать, что для нуждъ нашего отечества, по крайней мѣрѣ, можно было бы найти много иныхъ, гораздо болѣе полезныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ пожертвованія.

почтеннаго лица къ Кэрнеджи. Въ качествѣ компетентнаго судьи, какъ бывшаго нѣсколько разъ министромъ финансовъ Великобританіи, богатѣйшаго государства Европы, Гладстонъ подтверждаетъ быстрый ростъ и увеличеніе въ современномъ мірѣ чрезмѣрныхъ богатствъ, которыя онъ остроумно называетъ терминомъ „безъотвѣтственныя богатства", которыя, по его мнѣнію, *безъотвѣтственны* въ томъ смыслѣ, что, въ большинствѣ, они не несутъ никакой тягости и не оказываютъ пользы, уклоняясь часто отъ налоговъ и не возвращаясь къ тѣмъ классамъ, которые трудились надъ ихъ созданіемъ.

Далѣе, дѣлая обзоръ, шагъ за шагомъ, указанной книжки американскаго милліонера, Гладстонъ цѣликомъ присоединяется къ важнѣйшей идеѣ Кэрнеджи—раздачѣ богатства лишь при жизни собственника и дѣлаетъ лишь нѣкоторыя поправки и дополненія по другимъ, большею частью, второстепеннымъ пунктамъ. Гладстонъ оспариваетъ самое названіе добродѣтели у акта пожертвованія путемъ завѣщанія послѣ смерти: „Уже имущество отнято", — говоритъ онъ,—„у насъ смертью; слѣдовательно, мы лично не можемъ имъ пользоваться, также какъ не можемъ прогуливаться по Bond-street или Hyde-Park"... Мало того, такой способъ распоряженія богатствами деморализируетъ людей при ихъ жизни, давая какъ бы оправданіе въ собственныхъ глазахъ, чтобы быть жаднымъ и скупымъ при жизни. Наконецъ этотъ способъ посмертныхъ пожертвованій является какъ бы уклоненіемъ изъ подъ цѣлительнаго и свободнаго дѣйствія общественнаго мнѣнія.

Наконецъ въ заключеніе „великій старецъ", какъ прозвали Гладстона еще при жизни, примыкаетъ всецѣло къ критикѣ американцемъ современныхъ формъ благотворительности, т. е. милостыни и даровщинки. Мало того, онъ объявляетъ задачей своего письма именно наибольшее распространеніе главнѣйшихъ идей Кэрнеджи; онъ надѣется, что если сѣмя, посѣянное имъ (т. е. Кэрнеджи), не дастъ самъ-шестьдесятъ, или самъ-сто, то, надѣется мастистый министръ, оно дастъ по крайней мѣрѣ *самъ-тридцать*. Дѣло серьезное и касается всѣхъ. „Во всякомъ случаѣ въ формѣ личнаго ли добровольнаго пожертвованія или спеціальнаго для того обложенія",—говоритъ Гладстонъ,—„богатые обязаны будутъ возвратить часть своихъ богатствъ народу"... Такъ сказалъ и рѣшилъ по столь важному вопросу великій Гладстонъ!

Статья Гладстона обратила всеобщее вниманіе: о ней заговорили во всѣхъ углахъ Англіи, и появились сочувственные отзывы и отклики въ формѣ открытыхъ писемъ отъ высшихъ духовныхъ лицъ трехъ разныхъ вѣроисповѣданій. Отклики эти были напечатаны въ

слѣдующей же за Гладстономъ книжкѣ журнала „Nineteenth Century" подъ общимъ заглавіемъ „Безъотвѣтственное богатство", какъ окрестилъ Гладстонъ тѣ милліоны, которые должны быть возвращены богатыми непремѣнно народу. Эти духовныя лица, подавшія свой голосъ по данному важному филантропическому вопросу, были: извѣстный ученый кардиналъ и католическій архіепископъ Маннингъ, нынѣ уже давно умершій, главный раввинъ въ Лондонѣ Адлеръ и извѣстный протестантскій проповѣдникъ въ Англіи Гюгъ Прайсъ Юзъ. Всѣ три открытыхъ письма этихъ духовныхъ лицъ или статьи ихъ были напечатаны, какъ выраженіе англійской вѣротерпимости, рядомъ на страницахъ одного и того же журнала—„Девятнадцатаго Вѣка" (ноябрь 1890 г.). Всѣ три почтенныхъ автора совершенно одинаково, въ сущности, сочувственно относятся къ предложенію Кэрнеджи пожизненно распоряжаться „безъотвѣтственными богатствами". Лишь нѣсколько отступаетъ отъ своихъ сотоварищей досточтимый Юзъ, признавая существующій экономическій порядокъ, который создаетъ милліонера, самъ по себѣ ненормальнымъ. Маннингъ всего ближе подходитъ къ мнѣнію Кэрнеджи и Гладстона и, анализируя ихъ подробно, приходитъ къ рѣшительному заключенію о необходимости въ нашъ вѣкъ принять твердыя мѣры, „дабы уничтожить бѣдность и возмутительную нищету". Ключъ для этой реформы—говоритъ кардиналъ,—„заключается вовсе не въ новомъ законодательствѣ, а въ усиліяхъ отдѣльныхъ лицъ сдѣлать себя лучше, въ личномъ самопожертвованіи, въ развитіи духа благотворительной гуманности и самоотреченія"... Предложеніе милліонера распоряжаться богатствами лишь при жизни, вмѣсто системы наслѣдства, находитъ полное сочувствіе этого замѣчательнаго католическаго архіепископа. „Эта мысль — говоритъ онъ—совершенно согласна съ духомъ христіанскаго ученія и, если бы люди такъ поступали, то измѣнилась бы наружность всего міра"... Итакъ, развитіе личной симпатіи между людьми, требуемой для широкой филантропической реформы, можетъ явиться лишь результатомъ самопожертвованія и одно лишь въ состояніи спасти міръ.

Еврейскій раввинъ Адлеръ совершенно примыкаетъ къ этимъ требованіямъ филантропіи и реформѣ наслѣдства. По его словамъ, эта мысль даже не новая, составляя повтореніе того, что было санкціонировано Библіей; онъ приводитъ изъ нея образцы и примѣры. Моисеево законодательство вообще узаконяетъ, по словамъ Адлера, что десятая часть всего производства должна идти на святыя дѣла, и онъ самъ знаетъ многихъ единовѣрцевъ, которые самымъ строгимъ образомъ исполняютъ предписаніе объ обязательной раздачѣ

„десятины“, и записи своихъ расходовъ на благотворительность ведутъ не менѣе строго, чѣмъ свои торговыя книги. Кэрнеджи и Гладстонъ, по словамъ почтеннаго раввина, повторяютъ такимъ образомъ старый урокъ, но пригодный по своему качеству и къ новымъ условіямъ. „Никогда не было,—заключаетъ онъ,—большей надобности проповѣдывать обязанности богатства и права бѣдности, какъ именно въ настоящее время, ибо никогда пропасть между бѣдностью и богатствомъ не была такъ велика, какъ именно теперь!!“...

Изложивши во всей подробности „Евангеліе Богатства“, Кэрнеджи съ его выводами, и обширную статью по поводу него Гладстона съ добавленіями трехъ духовныхъ лицъ о „безъотвѣтственныхъ богатствахъ“, я перешелъ въ своей лекціи о „Милліонахъ“ къ иллюстраціямъ на эту тему филантропическихъ учрежденій и подробно ознакомилъ слушателей съ однимъ подобнымъ учрежденіемъ, основаннымъ лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ—Институтомъ Геэ (Gehe stift). Хотя, обратно съ ученіемъ Кэрнеджи, Институтъ этотъ, имѣющій широкія образовательныя цѣли на родинѣ основателя Саксоніи, основанъ послѣ смерти жертвователя, но по точной мысли, къ выполненію которой онъ готовился всю жизнь и также на деньги, нажитыя собственнымъ трудомъ.

Наконецъ въ заключеніе я обратился къ нашему отечеству—къ Россіи—и задался вопросомъ, насколько всѣ мнѣнія и выводы Кэрнеджи и Гладстона могутъ имѣть примѣненіе къ Россіи? На это я рѣшительно отвѣтилъ, что хотя у насъ, сравнительно со многими странами, можетъ быть богатства еще относительно мало, но это не мѣшаетъ тому факту, что у насъ имѣется также, и при томъ въ весьма значительной степени, развитіе богатствъ, принадлежащихъ къ категоріи „безъотвѣтственныхъ“, при чемъ я привелъ примѣры неудовлетворительной организаціи нашей налоговой системы, способствующей именно развитію у насъ такихъ богатствъ, которыя не несутъ никакой своей доли на общественныя нужды или несутъ слишкомъ мало. Этому же обстоятельству, т. е. развитію у насъ, въ относительно небогатой странѣ, значительнаго количества „безъотвѣтственнаго богатства“, много способствуетъ и другая причина: это—вѣковая привычка всего нашего общества, *какъ можно болѣе ожидать отъ государства и какъ можно меньше ему давать*, при отсутствіи развитія личной и частной иниціативы и безъ привычки обходиться собственными силами и собственнымъ разумомъ. У насъ во всемъ надѣются получить помощь отъ правительства и вообще ждутъ ее лишь сверху.

Лекція эта „о милліонахъ", прочтенная въ Москвѣ 21 февраля 1898 года (въ пользу голодающихъ крестьянъ разныхъ губерній), имѣла громадный успѣхъ, гораздо большій, чѣмъ я могъ мечтать. Обширная аудиторія Историческаго музея была набита народомъ сверху донизу. Многимъ недостало билетовъ, и устроители (во главѣ ихъ г-жа Самарина) рѣшили пускать публику безъ билетовъ, съ правомъ стоятъ въ проходахъ. Общій сборъ превысилъ 800 руб., при наличности слушателей примѣрно около 900 человѣкъ. На лекціи присутствовали многія очень извѣстныя лица изъ общественныхъ дѣятелей и капиталистовъ. Такъ, на первомъ мѣстѣ, противъ самой каѳедры сидѣлъ извѣстный К. Т. Солдатенковъ, рядомъ съ нимъ адвокатъ Плевако, много извѣстныхъ мнѣ лично банковыхъ дѣятелей и лицъ изъ торговаго и фабрикантскаго міра. Лекція окончилась поздно, около 12 часовъ ночи. Вызовамъ и оваціямъ не было конца.

Но главный, пріятнѣйшій результатъ готовился мнѣ на слѣдующій день. Утромъ почта принесла съ собой цѣлый рядъ увѣдомленій отъ извѣстныхъ лицъ и безъ подписей, о пожертвованіяхъ въ мое распоряженіе для благотворительныхъ цѣлей большихъ или меньшихъ суммъ, какъ внѣшній знакъ выраженія благодарности и сочувствія къ моему чтенію и проводимымъ въ немъ мыслямъ. Первое по времени письмо гласило слѣдующее:

„Побуждаемые чувствомъ благодарности къ Вамъ за вчерашнюю лекцію Вашу „о милліонахъ", мы просимъ Васъ, по полученіи этихъ строкъ, почтить насъ указаніемъ наиболѣе симпатичнаго Вамъ дѣла для образовательныхъ цѣлей бѣднѣйшаго народа, на что мы рѣшили предоставить сумму, не менѣе той, какую составилъ сборъ со вчерашней лекціи. Покорнѣйше просимъ Васъ въ прилагаемомъ конвертѣ съ адресомъ, сообщить намъ такое дѣло, мѣсто или учрежденіе, куда для того адресоваться, а также и сумму сбора съ Вашей лекціи. Искренне уважающіе Васъ слушатели лекціи „о милліонахъ".

„М. 22 февраля 1898".

Я сдѣлалъ немедленно справку у распорядительницы лекціи и послалъ ее по означенному адресу, прося всѣ возможныя въ этомъ случаѣ пожертвованія направлять не прямо ко мнѣ, а въ Редакцію „Русскихъ Вѣдомостей".

За этимъ крупнымъ пожертвованіемъ послѣдовало немедленно таковое же въ *тысячу* рублей прямо въ мое распоряженіе, на тѣ цѣли, которыя я сочту нужными, затѣмъ 500 рублей, съ просьбой удѣлить часть на нуждающихся крестьянъ Орловской и Тульской губерній. Далѣе 300 рублей опять въ мое распоряженіе, съ прось-

бой 100 рублей выдѣлить на раздачу вспомоществованія крестьянамъ Воронежской губерніи, жертвователь не извѣстенъ. Далѣе 285 рублей, присланныхъ при письмѣ, на помощь „нуждающимся отъ неурожая" Орловской губерніи, подписано: „отъ усерднаго слушателя Вашихъ публичныхъ лекцій". Затѣмъ, отъ неизвѣстныхъ прислана *тысяча* рублей, изъ коихъ, по моему указанію, 500 р. употреблено въ пользу Пречистенскихъ классовъ для рабочихъ Техническаго Общества и 500—на устройство подвижныхъ игръ для дѣтей при гимнастическомъ Обществѣ.

Итого, слѣдовательно, моя лекція „о милліонахъ" принесла для разныхъ благотворительныхъ цѣлей, включая 800 рублей по первому письму, свыше 3.800 рублей, а включая сборъ со слушателей болѣе 4½ тысячъ рублей.

Если бы я не имѣлъ для большей части этихъ денегъ росписокъ изъ конторы „Русскихъ Вѣдомостей", то я самъ бы не повѣрилъ такому небывалому успѣху своего чтенія на пользу благотворительности, тѣмъ болѣе, что я раньше настоящаго—итоговъ не подводилъ, не имѣя въ томъ надобности.

Помимо денегъ посыпались со всѣхъ сторонъ въ этотъ послѣдній, счастливый годъ моей профессорской дѣятельности въ Москвѣ, во-первыхъ, многочисленныя справки и просьбы о помощи отъ разныхъ лицъ и учрежденій, во-вторыхъ, просьбы объ указаніи печатныхъ матеріаловъ, употребленныхъ для приготовленія моей лекціи. Такъ, одно письмо проситъ указать, гдѣ моя лекція будетъ напечатана, и существуетъ ли на русскомъ языкѣ книга Кэрнеджи? Другое письмо,—въ какомъ журналѣ она будетъ напечатана, и, наконецъ, К. Т. Солдатенковъ мнѣ до тѣхъ поръ извѣстный только въ лицо, подошелъ ко мнѣ съ убѣдительной просьбой дать лекцію для его изданія, но мнѣ пришлось отклонить эту просьбу, объяснивъ ему ничтожные размѣры брошюры „Евангеліе богатства" и желаніе свою лекцію видѣть первоначально въ журналѣ, что и сдѣлалъ вскорѣ „Вѣстникъ Европы".

Госпожа Кувшинникова, мнѣ совершенно не знакомая, просила у меня денегъ (въ Старомъ Осколѣ Тульской губерніи) на устройство аудиторіи въ какой-то слободѣ и на школу.

Казаки Рамодановскаго хутора Полтавской губерніи и учительница ихъ школы просили меня оказать имъ помощь при устройствѣ школы и библіотеки, при чемъ ходатайство носило совершенно оффиціальный характеръ, съ приложеніемъ казенной печати, и въ заключеніе также просьба повторить въ ихъ пользу мою лекцію „о милліонахъ".

Священникъ Могилевской губерніи (станція Краснополье), прочтя

отчетъ объ этой лекціи, обратился также съ почтительной просьбой и „дерзновеніемъ“, какъ онъ выразился, удѣлить часть собранныхъ денегъ на устройство и обновленіе его бѣдной церкви, иконостаса и утвари. „Если же возможно“, пишетъ онъ, „то взять даже на себя роль ходатая о его нуждахъ въ Москвѣ передъ богатыми москвичами, мнѣ лично вѣроятно извѣстными“. „Изъ газетныхъ отзывовъ“, пишетъ онъ, „о Вашей прекрасной лекціи, видно, что слушателей, и въ числѣ ихъ владѣтелей милліоновъ, у Васъ было не мало, нельзя ли поэтому Вамъ предложить о нашихъ нуждахъ?“.

Другой неизвѣстный мнѣ почитатель моихъ лекцій обратился ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ совѣтовъ, куда употреблять нужно собираемыя деньги. „Очень Вамъ благодаренъ“, пишетъ онъ, „за лекцію о милліонахъ, и что Вы предаете гласности тѣхъ милліонеровъ (будто бы?), которые умерли, ничего не сдѣлавши для ближнихъ, и которые и сейчасъ живутъ, но также глухи и безучастны къ нуждѣ ближняго. Кромѣ Вашихъ сказанныхъ полезныхъ дѣлъ, у насъ не достаетъ дешевыхъ квартиръ, работныхъ домовъ, гдѣ могъ бы бѣдный заработать хлѣбъ и ночлегъ, недостаетъ также пріютовъ для подкидышей, за неимѣніемъ возможности заплатить въ воспитательный домъ установленной платы, поэтому часто бросаютъ дѣтей на улицу на явную гибель, какъ видно изъ газетъ. А еще сколько мы не видимъ и не знаемъ. На многихъ углахъ и папертяхъ стоятъ нищіе: не подавать—грѣхъ да и жалко, сказано, просящему дай, а давая копѣйку, дѣлаемъ пользу кабаку, котораго, если бы не было, то было бы меньше бѣдности и преступленій. А въ провинціи сколько голодающихъ отъ неурожаевъ, безработицы, сколько нищеты у переселенцевъ, сколько бѣдности отъ пожаровъ. На всѣ эти необходимости у насъ нѣтъ ни одного учрежденія, куда бы могли направлять жертвованія. Когда все это будетъ предано гласности, то несомнѣнно найдутся добрые люди. У насъ, вѣдь, много личностей и товариществъ, имѣющихъ капиталы, а также дохода болѣе милліона въ годъ, какъ видно изъ отчетовъ. Не вредно, пишетъ онъ, отъ такихъ доходовъ, кромѣ 5%, брать еще 10% на нужды ближняго, въ пользу города“, и т. д. и т. д., слѣдуютъ такіе же совѣты, не стѣсняясь предлагать съ богатыхъ больше брать въ пользу бѣдныхъ!!!...

Я получалъ запросы о своей лекціи даже изъ-за границы, напримѣръ одно любопытное письмо изъ Швейцаріи (изъ Женевы), отъ одной молодой дамы, которую я зналъ ребенкомъ и которая успѣла выйти замужъ за иностранца, но не потеряла, очевидно, связи и памяти о Россіи. Она спрашиваетъ меня, гдѣ будутъ напе-

чатаны мои публичныя лекціи этого года (т. е. 1898 г.) и въ какомъ журналѣ? „Мнѣ особенно интересно“, пишетъ она, „прочесть лекціи, такъ затронувшія человѣческія сердца; будьте добры сообщить, если онѣ будутъ напечатаны, то какимъ путемъ мнѣ ихъ достать. Мой мужъ страшно также заинтересованъ человѣкомъ, читающимъ такія замѣчательныя лекціи“!..

Но самое крупное, какъ по содержанію, такъ и по размѣрамъ, я получилъ письмо 18 марта, безъ подписи и по всей вѣроятности написанное женщиной и по профессіи учительницей, или гувернанткой. Оно занимаетъ собой цѣлый большой листъ почтовой бумаги, мелко исписанный. Я позволю себѣ привести только нѣкоторыя, болѣе характерныя выдержки изъ этого любопытнаго письма:

„Позвольте Васъ отъ всей души благодарить“, такъ начинается оно, „за истинно христіанское дѣло и храбрость, съ которой Вы такъ прямодушно высказались передъ нашими невѣжественными купцами-милліонерами, которые Великимъ постомъ (лекція читалась именно въ Великомъ посту, на первой недѣлѣ въ воскресенье, на сколько мнѣ помнится) дѣлаются иногда будто бы добрѣе и милостивѣе къ бѣднымъ, и даже къ образованнымъ, надъ которыми они всегда готовы издѣваться, говоря съ ядовитой улыбкой: „Вольно же вамъ коптѣть надъ книгами, когда можно разбогатѣть безъ всякой науки, одними кабаками, одной лишь бездушной сноровкой умѣть обманывать своего брата“. „Вотъ почему давно надо обратить строгое вниманіе на это вопіющее зло, которое теперь еще болѣе усилилось по милости нашихъ очень и очень сомнительныхъ друзей французовъ, которые начали совсѣмъ переселяться въ Россію для своего обогащенія и для вреда нашему народу. Даже въ деревняхъ начали проявляться никуда уже негодныя француженки, которымъ ни почемъ портить глупыхъ нашихъ бабъ, научая ихъ разнымъ мерзостямъ, о которыхъ и писать совѣстно“... По словамъ автора, „деревенскія дѣвицы покидаютъ будто бы деревни для того только, чтобы развратничать въ Москвѣ по меблированнымъ комнатамъ, гдѣ онѣ, не желая честно служить, лишь пьянствуютъ съ дворниками и швейцарами(?!). Давно надо бы смотрѣть за всѣми этими непорядками и стремиться ихъ искоренить. Прежде всего надо начать съ того, чтобы строго слѣдить за купцами—богачами, научившимися разъѣзжать по за-границамъ и тамъ срамить Россію своими дикими безобразіями. Этихъ богачей нечего щадить, ихъ давно надо подвергать штрафу не менѣе 25 тысячъ въ годъ съ каждаго живущаго за границей и тратящаго свои милліоны на одинъ лишь развратъ и кутежи, при чемъ возвращаются домой совершенно негодными, да

еще притащутъ съ собой цѣлый штатъ дармоѣдовъ, подъ предлогомъ учителей. А развѣ французъ можетъ быть учителемъ?"—спрашиваетъ она, „кромѣ однихъ кривляній онъ ничего не понимаетъ, какъ это видно по обществу, находящемуся у развратника и безбожника Омона (извѣстный въ Москвѣ кафе-шантанъ, кажется уже теперь закрытый), которому дозволено забавлять нашихъ скучающихъ бездѣльниковъ, а купцы оттуда начали даже приглашать въ домъ француженокъ гувернантками..." (!!!?)

Далѣе продолжаются такія же сильныя реплики противъ француженокъ-гувернантокъ, которыя пріѣзжаютъ въ Россію только наживаться и портить своихъ питомцевъ.

„Вотъ почему многіе купцы богачи сами за свои деньги погубили своихъ саврасовъ, воспитавъ ихъ рысканіемъ по за-границамъ, а въ Москвѣ они не могутъ до сихъ поръ построить пріютъ для престарѣлыхъ труженицъ, которымъ приходится мучиться съ ихъ тупоумными ребятишками, грубыми и привыкшими своевольничать съ своими дурами няньками, старающимися вооружать ихъ противъ гувернантокъ, твердя постоянно: „Да къ чему Вамъ, батюшка, учиться, и слушать Вашу мамзель... Вашъ отецъ ничему не учился, а нажилъ себѣ милліоны". Вотъ каковы наши купцы и какъ трудно у нихъ жить честнымъ, нравственнымъ гувернанткамъ. Между тѣмъ какъ теперь самыя лучшія мѣста по выгодѣ считаются купеческія, ихъ очень мало, потому что купцы воображаютъ, что можно довѣрять дѣтей такимъ иностраннымъ бездушнымъ развратницамъ. Для чего же у насъ существуютъ институты, гдѣ воспитываются сироты высшаго сословія, чтобы быть учительницами, какъ это было при великомъ и мудромъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ"... и пр. и пр... „а теперь купчики лишь катаются за границей и возвращаются оттуда съ пустыми головами и съ дырявыми карманами. Вы бы могли, г-нъ профессоръ", обращается почтенный авторъ ко мнѣ, „посовѣтовать этимъ упитаннымъ тѣльцамъ уступить домъ для московскихъ тружениковъ, назначивъ Васъ управляющимъ этимъ домомъ(?!), какъ честнаго и дѣльнаго чиновника, всегда готоваго войти въ положеніе трудящихся и не могущихъ пріискать себѣ спокойное помѣщеніе въ Москвѣ! Какое же Вы сдѣлали бы также великое дѣло, уговоривъ г-жу Алексѣеву построить пріютъ для престарѣлыхъ тружениковъ близъ Іерусалимскаго подворья" и т. д. „Да вразумитъ Васъ Всевышній, какъ достигнуть этой благородной и честной цѣли и пробудить отъ преступной спячки нашихъ толстопузовъ, спасти ихъ отъ смерти, привлекая на добрыя дѣла, за которыя имъ будутъ прощены ихъ великіе грѣхи, а Вамъ бы досталась слава быть честнымъ направителемъ этихъ бездушныхъ

богачей, не умѣющихъ съ пользой употреблять свои милліоны. Аминь."(!!?..)

Это любопытное письмо, какъ откликъ и неожиданный результатъ моей лекціи, не требуетъ многихъ коментаріевъ и во всякомъ случаѣ указываетъ, какъ содержаніе горячо мною изложенныхъ моихъ „милліоновъ и что съ ними дѣлать" взбудоражило московскіе умы въ самыхъ далекихъ даже углахъ и у самыхъ разныхъ представителей московскаго и вообще русскаго населенія.

Любопытно, насколько Петербургъ отличается отъ Москвы. Разница двухъ нашихъ столицъ рѣзко сказалась по поводу моего чтенія. Переселившись въ томъ же 1898 году въ Петербургъ, я дважды, какъ и въ Москвѣ, прочелъ свою лекцію „о милліонахъ", но далеко не съ такими уже результатами. Въ Петербургѣ, во-первыхъ, не пришлось и половины слушателей противъ Москвы. Залъ Соляного Городка втрое меньше, вѣроятно, чѣмъ Историческій Музей, имѣлъ много пустыхъ мѣстъ, особенно при повтореніи лекціи. Разумѣется, въ чиновничьемъ Петербургѣ я не получилъ никакихъ денегъ на благотворительныя цѣли какъ это было въ богатой купеческой Москвѣ. Какъ говорили мнѣ друзья, на второй лекціи слышали даже попытки отдѣльныхъ лицъ шикать за тѣ самыя мѣста (какъ, напримѣръ, письмо Гладстона и Адлера и пр.), которыя вызывали въ Москвѣ неудержимые аплодисменты!!

Мало того, я удостоился въ Петербургѣ получить даже сатиру на свою лекцію, написанную въ стихахъ, которой и заключу свои настоящія воспоминанія объ этомъ поучительномъ эпизодѣ изъ моей профессорской жизни:

29 ноября 1898 года.

„Преуважаемый профессоръ!

Узнавъ, что Вы для школъ
Гроши собрать хотите,
(Что не соръ)
Вамъ русской шлю рефлексъ души,
Вотъ онъ:
Давнымъ давно я излагалъ,
Что безъ свободы въ людяхъ мысли,
Свобода слова лишь бурьянъ,
Не выростетъ приволье въ жизни.
Давно я также вопрошалъ,
Бесѣдуя о благахъ мира,
Какой законъ бы я издалъ,
Когда бы былъ Владыкой Міра

И отвѣчалъ лишь „вертопрахамъ"
Милліоны можно настяжать,
И въ лучшемъ случаѣ, съ бахвальствомъ,
Ихъ дѣлу доброму отдать.
А потому, пусть всякій смертный,
Милліонъ коль франковъ наживетъ,
Несетъ избытокъ въ храмъ народный,
„Меньшая братья" гдѣ живетъ.
Не принесетъ кто—отобрать!!!
Тогда „Ротшильды" невозможны
И „Дрейфусары" улетятъ,
Тогда о мирѣ въ мірѣ можно
И „слово Царское" понять!!!

Эта странная сатира даже подписана, и авторъ ея просилъ сообщить объ его письмѣ на моей лекціи, параллельно съ другими открытыми письмами, чего, натурально, я сдѣлать въ свое время не могъ и исполняю его желаніе лишь теперь (и то лишь отчасти), предавая гласности его произведеніе, но изъ скромности умалчиваю его имя...

